

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

11

Выпуск (905)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITIES

11

Issue (905)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

LING

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 11 (905)

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осъминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Белорусский государственный университет иностранных языков (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 11 (905)

Published by the decision of the Academic Council
of Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil.), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osminina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievnna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Belarusian State University of Foreign Languages (Minsk)
Cenki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Лингвопрагматические аспекты медицинской социальной рекламы в итальянском медиадискурсе БИБИКОВА А. М., КУРИЛОВ А. М.	9
Денотативно-ситуативные основания сохранения аффективных компонентов публичной предвыборной речи: транслатологический аспект БРЕДИХИН С. Н., ШИБКОВА О. С.	16
Аксиологический потенциал афоризмов-культуререм в пьесе Оскара Уайльда «Идеальный муж» ВЕЛИКОВА Л. Н.	25
Доминанты перевода текстов индустрии моды ВОЛКОВА Т. А., РУДЬ Д. Д.	32
Переводческие трансформации глагольной и именной областей в паре «русский – греческий» ГРИШИН А. Ю.	39
Роль экстралингвистических факторов в формировании новейшей лексики шведского языка ЖИЛЬЦОВА Е. Л.	46
Четыре лексемы со значением «земля» в «Старшой Эдде» и их древнегерманские параллели КАЗАЧКОВА А. Д.	53
Создание негативного образа России в немецких мультимодальных текстах СМИ как средство воздействия на концептуальную картину мира (на материале журнала «Der Spiegel») КУНИЦЫНА О. М.	60
Основные этапы в истории переводов русской художественной литературы на норвежский язык. Часть 1 ЛЮБАЕВА А. А.	68
Игра слов и игра смыслов: как работают каламбуры в переводе МАВЛЕЕВА Д. В., ПОХОЛКОВА Е. А.	75
Функциональная прагматика фактоида в фейковом медийном дискурсе ПЕЛЕВИНА Н. А.	83
Категория интенсивности в современном немецком словосложении ПОЛЕЖАЕВА Е. А.	91
Текстообразующая функция единиц сенсорного восприятия в художественном дискурсе (на материале рассказа И. А. Бунина «Маленький роман») РЖЕШЕВСКАЯ А. А.	99
Интертекстуальность с позиции стратегического подхода в немецкоязычном научном дискурсе САДОВНИКОВА Е. В.	106
Многозначность заглавия в романе «Срок» Л. Эрдрич и сложность ее передачи при переводе САПОЖНИКОВА Ю. Л.	114
О некоторых явлениях грамматической вариативности нидерландского языка в корреляции с возрастом говорящих ТЕМНИКОВ Н. А., МИХАЙЛОВА И. М.	121

СОДЕРЖАНИЕ

Концептуальные модели конструирования нарративных и статичных эвфемистических мультимодальных комплексов ЧИРВОНАЯ М. О.	128

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Пегас и Адонис. Поэты современного Ливана НИКОЛАЕВА М. В.	134
Поэтика современных южнокорейских хилинг-романов ПОНКРАТОВА Е. А.	141

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Метаметафора как фрактал Мироздания ЛАВРЕНОВА О. А.	150
Творчество В. В. Набокова: к вопросу о восприятии текстов культуры ПЕРОВА Е. Ю.	158

LINGUISTICS

Linguopragmatic Aspects of Medical Social Advertising in Italian Media Discourse BIBIKOVA A. M., KURILOV A. M.....	9
Denotative-Situational Basis for Preserving Affective Components of Public Election Speech: Translatological Aspect BREDIKHIN S. N., SHIBKOVA O. S.	16
Axiological Potential of Cultural Aphorisms in Oscar Wilde's Play "The Ideal Husband" VELIKOVA L. N.	25
Translation Dominants of Fashion Industry Texts VOLKOVA T. A., RUD D. D.	32
Translation Transformations of the Verbal and Nominal Domains in the Pair "Russian – Greek" GRISHIN A. J.	39
The Role of Extralinguistic Factors in the Formation of the Newest Lexical Units in the Swedish Language ZHIL'TSOVA E. L.	46
Four Words for "Earth" in the Poetic Edda and their Parallels in Old Germanic Languages KAZACHKOVA A. D.	53
Constructing of a Negative Image of Russia in German Multimodal Media Discourse as a Means of Influencing the Conceptual Worldview (a case study of "Der Spiegel") KUNITSYNA O. M.	60
An Overview of Literary Translations from Russian into Norwegian. Part 1 LYUBAEVA A. A.	68
Play on Words and Play on Meanings: How Puns Work in Translation MAVLEEVA D. V., POKHOLKOVA E. A.	75
Functional Pragmatics of Factoid within Fake Media Discourse PELEVINA N. A.	83
The Category of Intensity in Modern German Word Composition POLEZHAEVA E. A.....	91
Textforming Function of Units of Sensory Perception in Literary Discourse (based on the story by I. A. Bunin "Little Affair") RZHESHEVSKAYA A. A.	99
Intertextuality from the Standpoint of a Strategic Approach in German-Language Scientific Discourse SADOVNIKOVA E. V.	106
The Polysemy of the Title in the Novel "The Sentence" by L. Erdrich and the Difficulty of its Transmission in Translation SAPOZHNIKOVA YU. L.....	114
On Certain Phenomena of Grammatical Variation in the Dutch Language in Correlation with Speakers' Age TEMNIKOV N. A., MICHAJLOVA I. M.	121

CONTENTS

Conceptual Models for Constructing Narrative and Static Euphemistic Multimodal Complexes CHYRVONAYA M. O.	128

LITERARY STUDIES

Pegasus and Adonis. Poets and Poetry of Modern Lebanon NIKOLAEVA M. V.	134
The Poetics of Modern South Korean Healing Novels PONKRATOVA E. A.	141

CULTUROLOGY

Metametaphor as a Fractal of the Universe LAVRENOVA O. A.	150
The Works of V. V. Nabokov: About the Question of Perception of Cultural Texts PEROVA E. YU.	158

Лингвопрагматические аспекты медицинской социальной рекламы в итальянском медиадискурсе

А. М. Бибикова¹, А. М. Курилов²

^{1,2}Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹alexandra.m.b@mail.ru

²valsikfd@gmail.com

Аннотация.

Цель исследования – анализ медицинской социальной рекламы в медиадискурсе Италии. К задачам исследования относятся выявление характерных для итальянской лингвокультуры персuaзивных средств, определение тенденций развития социальной рекламы в Италии. Материалом для анализа послужили рекламные тексты и видеоролики, представленные в итальянской медиасфере. Методика исследования включает когнитивный и лингвокультурологический анализ, а также контент-анализ различных типов рекламных сообщений. Отдельное внимание уделяется рекламе, направленной на борьбу с курением, которая рассматривается в диахроническом аспекте. В результате выделен ряд характерных черт медицинской социальной медиарекламы в Италии, в числе которых – позитивный эмоциональный фон, грубоватый юмор, ориентация преимущественно на молодежную аудиторию, применение игровых стратегий, акцентирование национально-культурных особенностей.

Ключевые слова: медиадискурс, медицинский дискурс, лингвопрагматика, социальная реклама, итальянская лингвокультура, суггестивность

Для цитирования: Бибикова А. М., Курилов А. М. Лингвопрагматические аспекты медицинской социальной рекламы в итальянском медиадискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 9–15.

Original article

Linguopragmatic Aspects of Medical Social Advertising in Italian Media Discourse

Alexandra M. Bibikova¹, Anton M. Kurilov²

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹alexandra.m.b@mail.ru

²valsikfd@gmail.com

Abstract.

The purpose of this study is to analyze medical social advertising in the media discourse of Italy. The objectives of the study include identifying persuasive tools characteristic of the Italian linguistic culture and determining trends in the development of social advertising in Italy. The material for the analysis was advertising texts and videos presented in the Italian media sphere. The research methodology includes cognitive and linguistic-cultural analysis, as well as content analysis of various types of advertising messages. Special attention is paid to advertising aimed at combating smoking, which is considered in a diachronic aspect. The study identified a number of characteristic features of medical social media advertising in Italy, including a positive emotional background, crude humor, focus primarily on a youth audience, the use of game strategies, and an emphasis on national and cultural characteristics.

Keywords: media discourse, medical discourse, linguopragmatics, social advertising, Italian linguistic culture, suggestiveness

For citation: Bibikova, A. M., Kurilov, A. M. (2025). Linguopragmatic aspects of medical social advertising in Italian media discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(905), 9–15. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования определяется важностью изучения социальной рекламы как сегмента медицинского дискурса, имеющего высокую общественную значимость. В частности, необходимо обратить более пристальное внимание на лингвистический аспект медицинской социальной рекламы, который охватывает языковые возможности и средства, участвующие в воздействии на целевую аудиторию. Актуальным представляется изучение лингвопрагматической специфики рекламного контента с учетом национально-культурных особенностей отдельных лингвокультур.

Анализу дискурса медицинской рекламы посвящено значительное количество работ, однако преимущественно в поле зрения ученых попадала коммерческая реклама. Например, исследованию подвергались креолизованные рекламные тексты немецких фармацевтических компаний [Таюпова, Полякова, 2022], реклама фармацевтических препаратов в США [Defibaugh, 2019], коммерческая реклама в итальянских глянцевых журналах [Рожкова, Лукина, 2019], имплицитность коммерческой рекламы в Италии [Борисова, 2024], лингвистические стратегии в итальянской рекламе [Lombardi, 2025].

Некоторые аспекты функционирования социальной рекламы также затрагивались в работах исследователей. Так, Н. М. Дугалич наряду с коммерческой рекламой рассматривает и социальную [Дугалич, 2024]. Предметом исследования становились особенности семиотики рекламы вакцинации в медиадискурсе разных стран мира [Донскова, Курилова, Махно, 2023], специфика рекламы о коронавирусе в России и Китае [Вепрева, 2022].

Выявление особенностей итальянской медицинской рекламы позволяет дополнить представления о персуазивном потенциале рекламного дискурса в его конкретном национально-культурном выражении.

В задачи исследования входит сформировать корпус рекламных креолизованных текстов, распространявшихся в медиа Италии, описать и проанализировать их с применением методов контент-анализа, качественного или лингвокультурологического анализа. Представляется целесообразным обратить внимание на языковые конструкции, выбор лексики, использование диалектных речевых оборотов.

Новизна исследования заключается в выборе материала, в выявлении репертуара суггестивных средств и особенностей медицинской социальной рекламы в Италии. Практическую ценность работы составляет возможность применить полученные результаты в дальнейшем исследовании рекламных текстов и в учебных курсах, посвященных языку рекламы.

Материалом исследования послужили видеоролики, рекламные интернет-баннеры, рекламные изображения, находящиеся в открытом доступе. Общий объем корпуса: 40 текстов. В диахроническом аспекте были проанализированы рекламные кампании 1970-х и 2000-х годов.

ПЕРСУАЗИВНЫЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Медицинская социальная реклама, как правило, посвящена предотвращению социально опасного заболевания и адресована разным слоям населения. Особенностью итальянской социальной рекламы является преобладание позитивных эмоциональных коннотаций. Так, ролик, напоминающий о необходимости профилактических посещений онколога, представляет улыбающуюся женщину, которая утверждает, что, хотя она может пропустить встречу с парикмахером или друзьями, определенную встречу она не пропускает никогда. Сюжет ролика основан на эффекте обманутого ожидания: зрителю кажется, что женщина не откажется от встречи с любимым человеком или членом семьи, а выясняется, что она собирается на профилактическую проверку к онкологу. Женщина по-дружески обращается к зрителю, используя вопросно-ответную конструкцию:

Sai che c'è? Io mi prendo cura di me. – Знаешь, почему? Я забочусь о себе.

Рассмотрим персуазивные приемы, которые использованы в ролике. Следует отметить трехчастность скрытого отрицания (можно не пойти к парикмахеру, в спортзал, на встречу с подругами). Тактика троекратного повтора усиливает последующее утверждение (с онкологом нужно встретиться обязательно). Для привлечения внимания

зрителей применяется тактика доверительности: зритель как будто бы становится свидетелем разговора женщины с подругой или другом, наблюдает, как она собирается на свидание. Присутствует аргументация *ad hocum*, заключающаяся в упоминании, что тест бесплатный, и это является еще одним преимуществом процедуры. Очень важна эмоциональная сторона: женщина не относится к визиту к врачу как к неприятному событию, а наоборот, радостно его предвкушает. Позитивный настрой подчеркивается бодрой музыкой, звучащей на фоне. На лексическом уровне следует отметить использование ключевых слов *prendo cura* (я заботчусь), *rispondo sempre di sì* (всегда отвечаю «да»), *i test gratuiti* (бесплатные тесты), обозначающих важные смысловые акценты. Следует обратить внимание и на выбор утверждения от первого лица *prendo cura di me*, которое, в отличие от императивных конструкций, выражает побуждение в косвенной форме. Скрытая персузивность проявляется во включении нарратива: героиня просто делится своим опытом.

Соединение верbalных и неверbalных элементов образует креолизованный текст. По определению Е. В. Тумаковой, креолизация в медиадискурсе выступает «в качестве способа привлечения внимания читателя (потребителя), приема выражения авторского креативного потенциала, средства придания высказыванию дополнительной выразительности» [Тумакова, 2016, с. 44]. Примером удачного применения креолизованного текста служит рекламная кампания, направленная на увеличение осведомленности населения о ВИЧ-инфекции. Ролик состоит из нескольких последовательно расположенных лозунгов, представляющих одиночные слова, некоторые буквы в которых деформируются или заменяются изображениями. Так, например, в слове TESTA (голова) на ярко-желтом фоне четко выделяются первые четыре буквы черного цвета, а буква А белого цвета намеренно слидается с фоном, чтобы это слово в первую очередь воспринималось как TEST и внушало реципиенту мысль о необходимости сдачи теста. Ожидаемой реакцией аудитории является ассоциация сдачи теста с разумным решением, мысль о том, что это решение человека, у которого есть голова на плечах. Некоторые буквы в ролике заменены символическими знаками, ассоциирующимися с защитой. Так, в слове GRAVIDANZA (беременность) буква D заменена спасательным кругом. В слове AMORE (любовь) буква O заменена замочком с символическим изображением сердца. В слове RISPETTO (уважение) вместо последней буквы изображен раскрытый зонтик. В рекламе используются только существительные с позитивными эмоциональными

коннотациями, отсутствует директивность. Закадровый текст напоминает о необходимости делать тест на ВИЧ, подчеркивая, что только предотвращение заболевания является эффективным средством борьбы с ним. На лексическом уровне следует отметить повтор словосочетания *amore per la vita* (любовь к жизни).

Среди рекламных роликов министерства здравоохранения Италии не все посвящены профилактике заболеваний, некоторые пропагандируют представления о здоровом образе жизни. Так, в шутливом ролике показано, как женщина в кафе кормит грудью младенца, а люди за соседним столиком возмущенно о ней отзываются. Использована тактика обманутого ожидания, так как в результате оказывается, что их возмущает не то, что она кормит грудью, а устаревший фасон ее жакета. Ключевая фраза этого ролика:

L'allattamento al seno può essere fatto sempre e ovunque, fa bene alla mamma e al bambino. È naturale. – Кормить грудью можно всегда и везде, это хорошо и для мамы, и для ребенка. Это естественно.

ИТАЛЬЯНСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА ПРОТИВ КУРЕНИЯ. ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Значительное количество рекламного контента в Италии направлено на борьбу с курением. Не всегда адресатом рекламы являются курильщики. Например, в рекламной кампании 1975 года, направленной против курения, содержится обращение с директивным требованием не к курильщикам, а к их близким: *Chi fuma avvelena anche te. Digli di smettere* (Курильщик отправляет и тебя. Скажи ему бросить). В ролике кампании 1975 года используются визуальные (горящая сигарета) и звуковые сигналы (кашель). В тексте рекламы использована тактика угрозы. Можно отметить использование риторического вопроса с усилением в начале текста ролика: *Tu chi non fumi, quante sigarette sei obbligato a fumare in un giorno? Venti? Trenta? Quaranta? Сорок?*. В этом тексте также акцентируется, что некурящего заставляют вдыхать отравляющие вещества: *sei obbligato* (ты обязан, тебе приходится), *come se anche tu fumassi* (как если бы и ты курил), *ti costringe a respirare... veleni...* (вынуждает тебя вдыхать... яды). Перечисление основных отравляющих веществ – а их тоже три: никотин, смолы, углекислый газ, – усиливает впечатление научной достоверности сообщаемых сведений. Также акцентируются лексемы с семантикой отравления – как

посредством использования существительного *veleni* (яды), так и посредством использования глагольной формы в 3 л. ед. ч. *avvelena* (отравляет). Кампания имела большой успех и помогла принятию законопроекта о борьбе с курением, который долгие годы лежал в Парламенте Республики.

Однако обратимся к более современным примерам использования тактик убеждения в социальной рекламе последних 16 лет.

В 2009 году на экранах появляется телевизионный ролик с участием известного актера кино и театра Ренато Поццетто. Лозунг кампании: *Il fumo uccide! Difendetevi!* (Курение убивает. Защищайтесь!) И хотя использование восклицаний и императива соответствуют тактике запугивания, которая использовалась в ролике 1975 года, в рекламе 2009 года наблюдается смягчение этой тактики. Поццетто иронично, но твердо обращает внимание аудитории на некоторые из патологий, связанных с табачным дымом (инфаркт, рак, атеросклероз), при этом каждый диагноз, связанный с курением, акцентируется специфическим междометием ТААС (вот так, вот и все, то-то же!). Междометие – изначально типично миланское – стало использоваться настолько широко, что вошло в Словарь итальянского языка. Известным по всей Италии оно стало именно благодаря Поццетто: это его фирменный возглас, встречающийся в культовом фильме «Деревенщина» («Il ragazzo di campagna», 1984). В рекламном ролике также напоминается о защите здоровья некурящих людей, в том числе детей, подверженных вредному воздействию пассивного курения: в кадре вместе с Поццетто появляется девочка.

Кампания Министерства здравоохранения Италии против курения 2010 года развивает идеи, заложенные в предыдущей кампании, и делает адресатами своего послания детей. Слоган кампании: *Io non fumerò mai!* (Я никогда не буду курить!) В роли главного героя-амбассадора кампании 2010 года мы опять видим Поццетто. Ролик воспроизводит ситуацию урока в школе. Учитель (в исполнении Поццетто) обращается к ученикам, напоминая, что время, за которое выкуривается сигарета, составляет шесть-семь минут. В этот момент из его большого пальца начинает исходить огонь, как от зажигалки. Затем он утверждает, что каждые семь минут из-за курения умирает по одному итальянцу, задувает огонь и восклицает: *Allora basta fumare!* (Так хватит курить!). Здесь обратим внимание на то, что из-за синтаксиса первых двух предложений и упоминания как в первом, так и во втором одного временного промежутка и однокоренных слов *fumare* (курить) и *fumo* (курение) у аудитории формируется идея о причинно-следственной

связи между выкуриванием сигареты и смертью человека. Далее кадр перемещается с учителя на внимательно слушающий класс, камера проходит по лицам учеников, детей 6–8 лет, в то время как голос учителя продолжает звучать:

E voi che siete così giovani, non fatevi fregare. Non mandate in fumo i vostri sogni! Il fumo uccide! Difendetevi! – А вы, что так молоды, не дайте вас одурачить! Не дайте рассыпаться в прах вашим мечтам! Курение убивает! Защищайтесь!

В этом отрывке отметим употребление разговорной лексики: глагола *fregare* в значении «облапошить», «одурачить» в сочетании с каузативной конструкцией *far fare* в отрицательном императиве. Также обращает на себя внимание использование фразеологизма *mandare in fumo qualcosa*, букв. 'развеять (послать) в дым' (*Non mandate in fumi i vostri sogni!*), а сразу после этой фразы следует категоричное восклицание *Il fumo uccide!* Таким образом создается завуалированный повтор лексемы *fumo*, которая в одном из своих значений – «курение» – получает ассоциативную связь с выражением, обозначающим «разрушить собственные мечты, планы». Также курение с помощью приема олицетворения в этой реплике отождествляется с неким врагом, от которого необходимо защищаться. Далее зритель видит, что учитель стоит перед классом не один. Рядом с доской, на которой изображена перечеркнутая дымящаяся сигарета, стоит девочка. Она заявляет: *Io non fumerò mai! Mica sono pazza!* (Я никогда не буду курить! Я же не сумасшедшая!). Первая фраза реплики девочки является лозунгом всей компании: грамматически употребляется будущее время с волитивной модальностью. Последняя фраза на визуальном уровне подчеркивается использованием характерного итальянского жеста: с закрытой рукой и пальцами, соединенными и направленными вверх, девочка двигает рукой вверх и вниз. Дальше крупным планом показываются другие дети, сидящие в классе, каждый из которых приводит аргумент против курения, в том числе пассивного. Учитель советует детям запретить своим родителям курить. Таким образом, в рекламе дети выступают как более сознательные, ответственные, больше думающие о здоровье и будущем, чем взрослые. Финальный кадр рекламы содержит ссылку к знакомому итальянцам прецедентному тексту: дети в классе поднимаются со своих мест, вытягивают руки с выставленными указательными пальцами, как бы указывая на зрителя, и кричат: ТААААС!

Кампания Министерства здравоохранения по борьбе с курением *Mache sei scemo? Il fumo fammale!*

(Ты что, дурачок? Курить вредно!) 2015 года¹ отличается ироничным подходом. Отметим намеренно сделанную ошибку во фразе *Il fumo fa male* (Курить вредно) – написано слитно и с двумя «м» (в нашем переводе – с двумя «р») – которая стала частью лозунга кампании. Ошибка в написании следует из подражания разговорной норме с удвоением согласных звуков в некоторых позициях даже на стыке слов: она делает лозунг более неформальным и служит для усиления комизма, а значит, и повышения положительного эмоционального отклика аудитории. Создатели кампании обращаются к курильщику с сочувствием, ласково называя его *scemo* (дурачок). Нино Фрассика, известный итальянский комедийный актер, писатель, радио- и телеведущий, становится лицом кампании. Его ироничный и язвительный подход, близкий народу, но не вульгарный, воспринимается как удачное решение для оригинальной социальной коммуникации, способной стимулировать размышления целевой аудитории посредством сарказма и использования парадокса. Кампания состоит из серии видеороликов длительностью в 30 секунд и нескольких радиороликов той же длительности, для каждого из которых было выбрано четыре различных темы, освещающих вред курения для молодежи, женщин, в том числе беременных, а также влияние пассивного курения на детей. Все сюжеты представляют собой одну и ту же повествовательную схему с двойным посылом: конкретная проблема, связанная с курением, сочетается с неправильным социальным поведением. Так в ролике, показывающем разговор двух юношей, одинаково глупыми формами поведения представляются курение и езда на мотоцикле без шлема². В другом ролике пассивное курение выглядит столь же недопустимым, как и жестокое обращение с животными³. Интересно отметить, как некоторые детали маркируют «итальянскость» истории. В начале одного из роликов женщина поднимает свежие фрукты и овощи к себе на балкон с помощью корзины на веревке: такой способ распространен и сейчас на юге Италии. В finale ролика Фрассика предлагает собаке выбрать прохладительный напиток по вкусу и перечисляет несколько популярных в Италии вариантов: кинто, тамариндовый напиток, оршад. Заключительным

акцентом для всей кампании оказывается ситуация школьного урока⁴. Зритель видит, как взрослый мужчина сидит за школьной партой, рядом стоит доска, на которой мелом написано *Il fumo fa male* (Курить вредно), а Фрассика дает задание «ученику» написать эту фразу две тысячи раз (с двумя *m*), потому что, по его словам, *fumare fa MOLTO male*: на лингвистическом уровне здесь происходит семантизация. На финальной реплике актер дает подзатыльник провинившемуся «ученику». Таким образом взрослые снова предстают как несознательные существа, которые не могут усвоить простейшие уроки. Важно заметить, что во всех четырех роликах информация о конкретном вредном воздействии курения исходит не от актера-комика Фрассики, а из официального источника, в некоторых случаях визуально маркированного эмблемой Министерства здравоохранения Италии и национальным флагом: это может быть официальное сообщение по радио или звонок на мобильный телефон от министерства. Научность и достоверность информации подкрепляются апелляцией к авторитету. В июле 2016 года кампания получила первый приз на конкурсе рекламы Agorà d’Oro⁵. Были отмечены сюрреалистический юмор Нино Фрассики и коммуникативная ценность фразы-лозунга всей кампании.

В рамках кампании 2018 года Министерство Здравоохранения напрямую обращается к курильщикам и предлагает им изменить поведение, которое вредит их здоровью, формулируя лозунг *Chi non fuma sta una favola!* (Кто не курит – живет как в сказке!), обещание, которое предвосхищает конкретные положительные результаты для здоровья в случае, если пагубная привычка будет оставлена в прошлом.

Учитывая позитивные результаты кампании 2015–2016 годов, было решено сосредоточиться на том же формате коммуникации, наняв в качестве амбассадора министерства того же Нино Фрассику. Большая популярность актера и экстравагантный образ его персонажа обеспечили, как и в случае с прошлой кампанией, вирусность видеороликов в Интернете. Таким образом, кампания 2018 года становится идеальным продолжением посланий, предложенных в кампании 2015–2016 годов.

В новых эпизодах кампании 2018 года Нино Фрассика предстает в образе эксцентричного сканочного профессора-психоаналитика, пациентами

¹URL: https://www.salute.gov.it/portale/news/p3_2_6_1_1.jsp?lingua=italiano&menu=campagne&p=dacampagne&id=104 (дата обращения: 12.04.2025).

²URL: https://www.salute.gov.it/portale/news/p3_2_7_0_1.jsp?lingua=italiano&menu=multimedia&p=video&id=1568 (дата обращения: 12.04.2025).

³URL: https://www.salute.gov.it/portale/news/p3_2_7_0_1.jsp?lingua=italiano&menu=multimedia&p=video&id=1570 (дата обращения: 12.04.2025).

⁴URL: https://www.salute.gov.it/portale/news/p3_2_7_0_1.jsp?lingua=italiano&menu=multimedia&p=video&id=1574 (дата обращения: 12.04.2025).

⁵URL: https://www.ilmessaggero.it/salute/prevenzione/fumo_prevenzione_ministero-1859757.html?refresh_ce «Fumo, ma che sei scemo?» la campagna del ministero vince premio pubblicitario, Il Messaggero, 16 Luglio 2016 (дата обращения: 14.04.2025).

которого являются злодеи из сказок: злая мачеха Белоснежки и Волк из сказки о Красной Шапочке¹. В конце рекламы мы видим двух «злодеев», которые, бросив курить, изменили концовку сказки и привели ее к счастливому финалу. Так, мачеха настолько похорошела, что, по словам Белоснежки, принц теперь тайком шлет ей сообщения.

Среди языковых особенностей рекламных роликов кампаний можно отметить обращение к прецедентным текстам и их игровую трансформацию: рифмованный вопрос Злой Мачехи к зеркалу *Specchio, specchio delle mie brame, / Chi è la più bella del reame?* (букв. 'Зеркало, зеркало моих желаний, кто самая красивая в королевстве?') и совершенно новый, но тоже сказанный в рифму, ответ Зеркала: *Se tu fumi una sigaretta, / Non lo sarai, dammi retta!* (*Если ты закуришь снова, / Красоткой не будешь – помяни мое слово!*) В случае же с Волком обыгрывается «типичная» фраза клиента психоаналитика: ...*non mi sento accettato!*.. Однако реакция «сказочного» психолога разрушает традиционный сценарий приема. Также обращает на себя внимание игра слов в ключевых репликах, где выражение *essere / stare una favola* (чудесно, как бывает только в сказках) применено к новому состоянию – физическому и психологическому – двух бывших сказочных злодеев.

Таким образом, при сравнении рекламных кампаний разных лет, направленных на борьбу с курением, обнаруживается тенденция к уменьшению использования прямых директивных конструкций в пользу юмористических игровых сценариев. Вместо тактики угрозы, характерной для более ранних кампаний, отдается предпочтение созданию позитивного эмоционального фона, игровой интерпретации серьезных проблем.

¹URL: https://www.salute.gov.it/portale/news/p3_2_7_0_1.jsp?lingua=italiano&no&menu=multimedia&p=video&id=1790 (дата обращения: 12.04.2025); https://www.salute.gov.it/portale/news/p3_2_7_0_1.jsp?lingua=italiano&mnu=multimedia&p=video&id=1789 (дата обращения: 12.04.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ социальной медицинской рекламы в Италии выявляет определенные закономерности популярных рекламных кампаний, обусловленные лингвокультурной спецификой страны. В итальянской социальной рекламе, направленной на повышение осведомленности населения о важнейших угрозах для здоровья, наблюдается отчетливая ориентация на молодежную аудиторию. Кроме того, отмечается тенденция персонализации рекламы, обращение к определенным группам населения. Это проявляется в выборе лексических и визуальных средств. Апелляция к национальной культуре, включение в рекламный сценарий деталей, ассоциирующихся с понятием «итальянское», усиливает интерес к рекламе и вызывает положительные эмоции у зрителей. Важной особенностью итальянской рекламы является создание позитивного эмоционального фона, даже если речь идет о серьезных болезнях. Однако следует подчеркнуть, что тенденция к позитивному восприятию реальности становится заметной в современной рекламе, в более старых роликах тактика угрозы считалась допустимой и эффективной и применялась довольно широко. В современных роликах подобная тактика используется завуалированно и в более редуцированной форме. Позитивному восприятию рекламы способствует и ограничение использования директивных конструкций, уход от императивности, что также является тенденцией последних лет. Еще одна тенденция – игровая интерпретация серьезных тем. Шутливые, юмористические ролики воспринимаются легче, не вызывают психологического отторжения, поэтому в настоящее время им отдается предпочтение. Примером игровой установки выступает также, в частности, тактика обманутого ожидания. На примере рекламы, направленной на борьбу с курением, в статье прослеживается динамика выбора аргументативных приемов для достижения коммуникативных целей рекламного воздействия, а именно – отказ от директивности в пользу мягкой суггестивности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Таюпова О. И., Полякова Е. В. Визуализация в медицинском рекламном дискурсе Германии // Медиалингвистика. 2022. Т. 9. № 4. С. 393–403. DOI: 10.21638/spbu22.2022.406.
2. Defibaugh S. “I talked to my doctor.” Constructing the neoliberal patient-consumer in direct-to-consumer pharmaceutical advertising // Discourse, Context & Media. 2019. Vol. 28. P. 1–7.
3. Рожкова Е. Д., Лукина Г. А. Лексические особенности рекламных текстов на примере итальянской рекламы // Прорывные научные исследования: проблемы, закономерности, перспективы. 2019. С. 258–262.
4. Борисова Е. С. Имплицитность итальянской рекламы (на примере роликов Бариллы) // Итальянский язык в науке, образовании и культуре. М.: МГЛУ, 2024. С. 12–22.
5. Lombardi V. E. La lingua disonesta: Contenuti impliciti e strategie di persuasione. Bologna: Il Mulino, 2025.

6. Дугалич Н. М. Медицинская реклама как жанр поликодового текста // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2024. Т. 166. Кн. 1. С. 93–107.
7. Донскова Ю. В., Курилова А. Д., Махно О. А. Семиотика рекламы вакцинации в медиадискурсе // Научный диалог. 2023. № 12 (7). С. 83–101. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-83-101.
8. Вепрева И. Т. Национальная специфика социальной рекламы о коронавирусе в России и Китае // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 1. С. 35–52.
9. Тумакова Е. В. Креолизованный текст в художественном и медийном дискурсе // Мир русского слова. 2016. № 2. С 43–49.

REFERENCES

1. Tayupova, O.I., Polyakova, E.V.(2022).Visualization in medical advertising discourse in Germany. *Media Linguistics*, 9(4), 393–403. DOI: 10.21638/spbu22.2022.406. (In Russ.)
2. Defibaugh, S. (2019). “I talked to my doctor.” Constructing the neoliberal patient-consumer in direct-to-consumer pharmaceutical advertising. *Discourse, Context & Media*, 28, 1–7.
3. Rozhkova, E. D., Lukina, G. A. (2019). Lexical features of advertising texts using examples of Italian advertisements. *Proryvnye nauchnye issledovaniya: problemy, zakonomernosti, perspektivy* = Breakthrough scientific research: problems, regularities, prospects, 258–262 (In Russ.)
4. Borisova, E. S. (2024). The implicitness of Italian advertising (using the example of Barilla’s videos). *Ital’yanskii yazyk v nauke, obrazovanii i kul’ture* = The Italian language in science, education and culture. Moscow: Moscow State Linguistic University, 12–22. (In Russ.)
5. Lombardi, V. E. (2025). *La lingua disonesta: Contenuti impliciti e strategie di persuasione*. Bologna: Il Mulino.
6. Duglich, N. M. (2024). Medical Advertising as a Polycode Text Genre. Proceedings of Kazan University. Humanities Series. 166(1), 93–107. (In Russ.)
7. Donskova, Yu. V., Kurilova, A. D., Makhno, O. A. (2023). Semiotics of Vaccination Advertising in Media Discourse. *Nauchnyi dialog* = Scientific dialogue, 12(7), 83–101. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-83-101. (In Russ.)
8. Vepreva, I. T. (2022). The National Peculiarities of Coronavirus-Related Social Advertising in Russia and China. *Quaestio Rossica*, 10(1), 35–52. (In Russ.)
9. Tumakov, E. V. (2016). Creolized text in emotive prose and media discourse. *Mir russkogo slova* = The world of the Russian word, 2, 43–49. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бибикова Александра Михайловна

кандидат филологических наук
доцент кафедры романского языкоznания
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Курилов Антон Михайлович

аспирант кафедры романского языкоznания
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bibikova Alexandra Mikhailovna

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of Romance linguistics
Lomonosov Moscow State University

Kurilov Anton Mikhailovich

PhD Student at the Department of Romance linguistics
Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.07.2025
25.08.2025
09.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Денотативно-ситуативные основания сохранения аффективных компонентов публичной предвыборной речи: транслатологический аспект

С. Н. Бредихин¹, О. С. Шибкова²

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

¹bredichinsergey@yandex.ru

²oksana_shib@mail.ru

Аннотация.

В качестве цели представленного в статье анализа выступает описание денотативно-ситуативной специфики и коннотативной детерминации интенциональных и саккадических элементов предвыборной речи, которые определяют степень трансляционного соответствия аффективных элементов при реализации суггестии. Определяются наиболее эффективные трансляционные приемы сохранения аффективных компонентов, формируемых посредством precedents, метафорических ассоциатов, культурных и ситуативно-временных коннотатов. Авторы приходят к выводу о том, что специфика социальных, культурных, территориальных, экономических, идеологических и пр. различий между лингвокультурно дифференциальными аудиториями оказывают существенное влияние на полинтерпретативное пространство, трансформируют базовые когитемы и аффектемы, что требует учета денотативно-ситуативных оснований при трансляции аффективно нагруженных предвыборных речей.

Ключевые слова: предвыборный дискурс, аффективно-суггестивный потенциал, денотативно-ситуативный подход, конситуативная детерминация, модуляция, лингвокультурная прагматическая адаптация

Для цитирования: Бредихин С. Н., Шибкова О. С. Денотативно-ситуативные основания сохранения аффективных компонентов публичной предвыборной речи: транслатологический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 16–24.

Original article

Denotative-Situational Basis for Preserving Affective Components of Public Election Speech: Translatological Aspect

Sergey N. Bredikhin¹, Oksana S. Shibkova²

^{1,2}North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

¹bredichinsergey@yandex.ru

²oksana_shib@mail.ru

Abstract.

The study aims to describe denotative-situational peculiarities and connotative determination of intentional and saccadic elements of election speech, which define the degree of translational correspondence of affective elements in the implementation of suggestion. The most efficient translational techniques for preserving affective components formed by means of precedents, metaphorical associates, cultural and situational-temporal connotations are determined. The authors come to the conclusion that the specificity of social, cultural, territorial, economic, ideological

and other differences between audiences different in linguoculture have a significant impact on the polyinterpretive space, transform basic cogitemes and affectemes, which requires taking into account the denotative-situational bases when broadcasting affectively loaded election speeches.

Keywords: election discourse, affective-suggestive potential, denotative-situational approach, constitutive determination, modulation, linguocultural pragmatic adaptation

For citation: Bredikhin, S. N., Shibkova, O. S. (2025). Denotative-situational basis for preserving affective components of public election speech: translatalogical aspect. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(905), 16–24. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Политическая коммуникация занимает центральное место в демократическом делиберативном процессе, где публичные выступления политических лидеров играют ключевую роль в формировании общественного мнения и паттернов коммуникативного и посткоммуникативного поведения. В контексте предвыборного периода данная коммуникативная активность многократно усиливается, поскольку именно тогда политические деятели стремятся максимально эффективно донести свои идеи и цели до широких слоев избирателей, что часто приводит к максимизации аффективно-коннотативных механизмов актуализации ассоциативных смыслов. Трансляция публичных речей политиков при этом не сводится к простому пересказу фактов: она представляет собой комплексный коммуникативно-манипулятивный акт, объединяющий языковые, стилистические, визуальные, мимесические и кинесические элементы, способные в значительной мере повлиять на интерпретацию сообщения аудиторией [Феномен языка и риторики в политике: лингвистическая манипуляция СМИ как инструмент массового убеждения (на примере русского и английского языков), 2023]. Высокая динамика развития медийных технологий и постоянное изменение способов подачи контента (социальные сети, онлайн-платформы и др. [Guseynova, Gorozhanov, Kudinova, 2021]) придают особую актуальность вопросам анализа специфики трансляции политических речей, а также способам сохранения их действующего потенциала.

Идея, лежащая в основе денотативно-ситуативного подхода, состоит в том, что значение любого языкового выражения неразрывно связано с тем денотатом (предметом, явлением, понятием), на который оно указывает, и с ситуацией импринтизации транслируемых аффективных ассоциативных компонентов. Применительно к предвыборному дискурсу это означает, что понимание и принятие избирателями политических лозунгов, обещаний и заявлений происходит через призму актуальных для них реалий и контекстов, легитимизированных

в той или иной лингвокультуре [Бредихин, Пелевина, 2025]. Исследования в области политической лингвистики подтверждают: интерпретация слоганов определяется текущей социальной повесткой. Для переводчика это означает обязательное применение различных механизмов прагматической адаптации, большей частью касающихся сдвига семантемы в новую область ситуативизации [Guseynova, Gorozhanov, 2024].

Ситуативная составляющая денотативно-ситуативного подхода акцентирует значимость контекста, как горизонтального, так и вертикального [Яшина, 2020], в котором транслируется политическое сообщение. Такой контекст включает несколько измерений.

Во-первых, социально-политическую ситуацию, т. е. текущие экономические условия, уровень социальной напряженности, общественные настроения, наиболее острые проблемы, волнующие избирателей и может быть охарактеризован как признак темпорально-ситуативной, топикальной актуальности.

Во-вторых, важно учитывать исторический контекст: коллективную память, исторические параллели и прецеденты, к которым могут обращаться (или которые намеренно обходят) политики, что составляет область легитимационной и мотивационной актуализации [Колмогорова, 2018].

В-третьих, значение имеет коммуникативная ситуация в узком смысле: формат выступления (митинг, теледебаты, интервью), состав аудитории, наличие оппонентов поблизости и их риторики, определяемая как ситуативно-канальная актуальность.

В-четвертых, нельзя игнорировать психологический контекст: ценностные установки, стереотипы и эмоциональные триггеры целевой аудитории, составляющие общее пространство внутренней концептуально-валерной актуальности.

Целью исследования является комплексный анализ дискурсивных особенностей и способов медиатизации публичных речей политиков в процессе их трансляции в инокультурном рецептивном пространстве для реализации советующей

оригиналу иллокутивно-периллокутивной корреляции, а также институциональная и ситуативная детерминация рассматриваемых процессов в различных лингвокультурных сообществах.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В качестве основного метода исследования применялся коммуникативно-дискурсивный анализ микроконтекстов (в основном лозунговой промисивно-директивной формы), имеющих манипулятивный характер и извлеченных методом сплошной выборки из предвыборных речей ведущих политических деятелей (глав государств), размещенных в открытом доступе, в том числе на портале American Rhetoric. Для выявления наиболее эффективных средств суггестии и эмотивизации публичной речи применялся комплекс методов: дефиниционный, лингвокультурный, структурно-семантический анализ. В рамках определения ключевых средств трансляции предвыборных речей были использованы переводческое сравнение, прагматический анализ.

Эмпирическим материалом для анализа послужили речи американских политических деятелей, как Барак Обама, Дональд Трамп, Джордж Буш, Джо Байден и др., размещенные в открытом доступе на портале American Rhetoric¹ и отвечающие заданным критериям произнесения в рамках предвыборных кампаний президентов США и публиковавшихся на медиа платформах для обеспечения доступа к ним широкого круга читателей, а также выполненный авторами перевод. Общий объем предвыборных публичных речей составил более 180 тыс. печатных знаков, картотека манипулятивно-аффективных микроконтекстов составляет около 500 единиц.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Предвыборный политический дискурс – сложное многоуровневое коммуникативное явление, главная цель которого – воздействовать на электоральные предпочтения граждан – убедить электорат изменить (или подтвердить) свое волеизъявление как коммуникативный акт делиберативной репрезентации волонтативного пространства и мотивационной сферы действий индивидуума в ин- или аутсоциумной группе. Эффективность такого дискурса определяется не только содержанием транслируемых тезисов, но и тем, как эти тезисы воспринимаются целевой аудиторией. При переводе такого текста центральной становится

прагматическая адаптация, т. е. переводчик обязан «перенастроить» сообщение под новую аудиторию, сохраняя его манипулятивный потенциал [Гусейнова, Горожанов, 2023].

При этом специфика денотативно-ситуативно ориентированных адаптационных действий включает модификацию эмоционально-оценочной составляющей, перестройку композиторики, архитектоники аргументативного пространства, иногда их оснований, синтаксиса и, при необходимости, компенсацию эмоциогенности и аффективных оснований риторических фигур, потому что дословный перенос существенно снижает суггестию или степень прямого манипулирования, даже подкрепленного иными семиотическими кодами (кинесикой, мимикой, проксемикой).

В предвыборных речах кандидаты сознательно используют лексику с максимально консистентивно детерминированной коннотативной нагрузкой, чтобы эмоционально резонировать с публикой и убеждать ее. Так, слова о патриотизме, надежде, будущем, процветании обычно вызывают положительные эмоции и формируют образ кандидата как защитника народных интересов. Следует также указать, что образование интенциональных имиджевых компонентов подчиняется принципам построения публичных речей и контролируется на всём протяжении первых трех этапов риторического канона, но акции гипокризис (*лат. actio hypocrisis*), равно как и отдельные характеристики индивидуально преломляемые в меморио (*лат. memorio*), могут существенно снизить модерирующую роль коллективного сознания и представить в процессе речепроизводства сакладические элементы, способствующие снижению уровня позитивизации имиджа [Бредихин, Гасанов, 2022].

Денотативно-ситуативный подход рассматривает перевод как операцию, где лексико-семантические (денотативные) и прагматические (ситуативные) факторы равнозначны. Отсюда вытекает важность модуляции – перехода от прямого значения к «углу зрения» целевой культуры. Без модуляции манипулятивный эффект оригинального лозунга или метафоры сглаживается. Денотативно-ситуативный подход, по сути, служит инструментом для глубокого анализа механизмов формирования и воздействия политической коммуникации [Иванов, 2013]. В рамках трансляционных теорий такой подход ориентирован на передачу не только словарных значений языковых единиц, но и всего генерализованного содержания, концептуализированного и конвенционализированного в рамках исходной лингвокультуры посредством схематизации определенных коммуникативных и посткоммуникативных действий, а

¹URL: <https://www.americanrhetoric.com> (дата обращения: 08.07.2025).

также привязки к социокультурному контексту высказывания [Бредихин, 2013] – особенно актуально это при работе с предвыборным дискурсом, где политик апеллирует к конкретным ожиданиям и реалиям аудитории.

Каждый вербализатор, вне зависимости от закрепленности и легитимизации (разделения большинством представителей социумной группы) интерпретант, обладает «ядром» – предметно-логическим смыслом и «ореолом» – коннотацией. В политических речах ораторы сознательно выбирают лексемы с сильной коннотативной нагрузкой и возможностью ассоциативной поливекторной интерпретации. Переводчик в данном случае вынужден как «следующий путем порождения за производителем высказывания» использовать **конверсию регистра** (*transfer of register*) с аффективно-персуазивного на информационно-эмоциогенный [Буянова, 2022, с. 44]: он ищет эквивалент, который вызывает сходную ассоциацию в иной культуре, даже если для этого требуется **лексическая замена**. В данном случае рекурсивного порождения и перерождения генерализованного содержания в новых конситутивных условиях «смысл производит контекст, используемый при интерпретации, а интерпретация порождает смысл» [Бредихин, 2010, с. 132].

Политический дискурс, особенно его предвыборный сегмент, не может быть адекватно транслирован в инокультурном вертикальном контексте без использования должных pragматических адаптационных процедур исключительно посредством лексико-грамматического соответствия. Его ключевая особенность – тесная связь с социокультурным контекстом, в котором высказывание приобретает политическую значимость и манипулятивную силу. Денотативно-ситуативный подход предполагает, что при переводе предвыборных речей необходимо учитывать как прямое значение слов (денотативное соответствие, оказывающее влияние на первичную схематизацию генерализованного содержания при распределении), так и ситуацию, в которой эти слова произнесены (реалии, исторический фон, цели речи и образ политика во всех ипостасях – интенциональном и саккадическом, что не только определяет референциальную соотнесенность, но и предполагает имагинативную проспекцию). Именно поэтому в трудах по теории перевода неоднократно подчеркивалась необходимость учитывать ситуативный контекст при передаче политического текста [Остроушко, 2002].

Рассмотрим репрезентативные микроконтексты, демонстрирующих работу денотативно-ситуативной коррекции в процессе pragматической адаптации инвенционной саккадически

изменяющейся в процессе произнесения публичной речи, акцентировав внимание на том, как денотативный и коннотативный планы работают в речи оригинала и что это несет для интерпретатора в транслатологическом аспекте.

В программной речи Барака Обамы на съезде Демократической партии (2008) центральное место заняли понятия *hope* и *change*.

*Hope is that thing inside us that insists, despite all evidence to the contrary, that something better is waiting for us around the corner*¹.

Это пример, где денотатив *hope* (надежда) дополняется эмоциональной перспективой. Эффект удерживается переводом-адаптацией: *hope* → надежда на перемены, а *change* передается не как изменение, а как перемены, что в русском дискурсе устойчиво соотносится с ожиданием лучшего будущего. Эксистенциальная форма неактивного существования *thing inside us* закономерно находит иную активную метафоризированную форму трансляции, привычную и эмоционально нагруженную в принимающей лингвокультуре надежда живет. На основе ситуативной и pragматической адаптации с учетом мягких паттернов вариативной префиксации и постпозитивной конкретизации (как в вышеприведенном примере) влияния на семантику и генерализованное содержание формируется высказывание с адекватным оригиналу эмоциональным посылом и перлокутивным эффектом, предназначенному, однако, для инокультурной (русскоязычной) аудитории:

Надежда на грядущие перемены – это то, что живет в нас, что провозглашает, несмотря на все доказательства обратного, то, что что-то лучшее ожидает нас за поворотом².

Аналогично, на республиканском съезде в июле 2016 года Дональд Трамп выступил под знаменитым лозунгом «*Make America Great Again*». В заключение своей речи он провозгласил:

We will make America strong again. We will make America proud again. We will make America safe again. And we will make America great again!³

¹Barack Obama's Caucus Speech // The New York Times (03.01.2008). URL: <https://www.nytimes.com/2008/01/03/us/politics/03obama-transcript.html?ysclid=mcx3q26pcm325158263> (дата обращения: 01.06.2025).

²Зд. и далее перевод наш. – С. Б., О. Ш.

³Donald Trump's 2016 Republican National Convention Speech. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/fact-checker/wp/2015/07/08/donald-trumps-false-comments-connecting-mexican-immigrants-and-crime> (дата обращения: 01.06.2025).

Рассматривая денотативные значения базовых вербализаторов аксиологических метаконцептов американского лингвокультурного сообщества, констатируем, что *great* несет в себе семантемы величия и могущества. Ситуативно же актуализируются иные, дополнительные ситуативные коннотаты, при этом призыв «**Make America Great Again**» апеллирует к чувству ностальгии по временам былого расцвета страны, ее доминирующей роли на мировой арене, пробуждая у части избирателей гордость и патриотизм. Данный лозунг достаточно четко транслирует идеи национальной исключительности, формирует прогностические компоненты возвращения утраченного величия. Манипулятивный подобных высказываний в лозунговой форме, формирующих промиссивно-директивное пространство заключается в том, чтобы, с одной стороны, вселить гордость и надежду, а с другой – сыграть на страхе перед утратой прежней Америки, представив самого Трампа в образе спасителя, способного вернуть стране былое величие.

При этом, «...make America *great again*» требует **конкретизации**. Русское «великий» несет семантемы возвышенности, книжности. Синтаксический параллелизм, создаваемый пространством климакса в ряду высказывания, содержит исходные компоненты «величия» – силу, гордость и безопасность, которые чрезвычайно важны для воспроизведения популистской энергетики. В данном случае наиболее целесообразным является сохранение параллельных конструкций с выбором наиболее эмотивно-коннотированных трансляционных нерегулярных соответствий, т. е. использовать механизм повышения степени аффективности. Кроме того, второй компонент «величия» в принимающей русской лингвокультуре целесообразно эксплицировать в форме матафонимического пространства принятия на продуцента высказывания соподчиненной роли «возвышаемому» образу страны.

Мы снова сделаем Америку могущественной. Мы снова заставим Америку гордиться нами. Мы снова сделаем Америку безопасной. И мы снова сделаем Америку великой!

Обратимся к рассмотрению метафорической лозунговой формы имплементации аффективных ассоциатов, основанных на аллюзии легитимизированному прецеденту, который, казалось бы, имеет универсальную природу и может быть транслирован посредством прямого эквивалентного соответствия в целевом тексте принимающей лингвокультуры. Однако разница периферийной области концептуального наполнения базового вербализатора (сенсуальных и рефлексивных

компонентов) приводит к необходимости модуляций генерализованного содержания, что позволяет сохранить не только эмоциональный заряд, но и интенсифицировать традиционно структурирующие базовый концепт семантемы в русской лингвокультуре.

Так, в кампании 2020 года Джо Байден прибегал к эмоционально насыщенной риторике. В одной из речей он подчеркнул:

This campaign isn't just about winning votes. It's about winning the heart, and yes, the soul of America¹.

В этой фразе *the soul of America* («душа Америки») имеет денотативное значение «душа» как нечто духовное, но коннотативно отсылает к моральным ценностям нации. Байден противопоставил «борьбу за душу страны» – т. е. за ее фундаментальные ценности – хаосу, несправедливости и «ложи» предыдущих лет правления. Эмоциональный посыл здесь направлен на пробуждение у избирателей ощущения морального выбора (добро против зла) и представление Байдена как лидера, способного вернуть стране честность и справедливость. Имиджевые компоненты в рамках стратегии на повышение и тактики самопрезентации на основе метафорического ассоциирования способствуют конвергенции персонального пространства продуцента речи и коллективной концептуально-валёрной системы, что способствует формированию единого вектора интерпретации [Бредихин, Парешнева, 2021]. Таким образом, буквально говоря о «душе», политик на самом деле апеллирует к идее национального возрождения, используя этическую коннотацию концепта *soul* для усиления влияния на аудиторию.

Следует отметить, что «...the soul of America» нельзя транслировать калькой «душа Америки», если новая аудитория характеризуется ростом светских ценностно-ориентационных доминант и снижением роли конфессионально детерминированных аксиологем [Лагунов, Похилько, 2024], которые большей частью теряют в современном российском обществе семантемы религиозной принадлежности, то ассоциативные коннотаты также должны быть переведены из области конфессиональной привязки в область общесоциумной традиционной конвенционализации. Применяется эмоциональная транспозиция: *самые глубинные ценности страны*. Так удается сохранить морально-оценочный фокус фразы и выровнять культурный фон для создания адекватного большей

¹Joe Biden 2020 DNC Speech Transcript. URL: <https://www.rev.com/transcripts/joe-biden-2020-dnc-speech-transcript#> (дата обращения: 02.06.2025).

степенью нейтрального фона поликонфессионального и большей частью социально ориентированного сообщества. В данном случае переводческий комментарий является на просто интерпретативной адаптацией, но и соответствует сверхцели трансляции нейтральной аффективной суггестии. Подобный прием полностью соответствует когниоречевым принципам бесконфликтного общения, понимаемого в межкультурном пространстве как «эффективное концептуально-языковое взаимодействие, исключающее конфликт индивидуальных интерпретаций мира и знаний о мире со стороны отправителя и получателя информации» [Болдырев, 2024, с. 5].

Цель этой кампании – не просто завоевать голоса избирателей. Речь идет о том, чтобы завоевать сердца и, да, приблизить ценности современного общества к глубинным ценностям страны.

Рассмотренные микроконтексты наглядно демонстрируют, что коннотативные аффективные семантины как целостных конструкций, так и базовых вербализаторов аксиологических концептов многократно усиливают манипулятивный эффект предвыборной речи. Именно через семантическое усиление (добавление / конкретизацию / модуляцию) не только адекватно транслируются, прежде всего, интенциональные имиджевые компоненты продуцента, но и сохраняется действующий потенциал в своем аффективном плане, т. е. транслируются не просто логические аргументы, а яркие эмоциональные образы кандидата: Трамп – «спаситель» нации, Обама – вдохновляющий наставник перемен, Байден – моральный лидер-рекреатор. Переводчик-интерпретатор должен уловить и адекватно передать эти образы. В противном случае эквивалентный перевод, сохранивший лишь фактическую информативную и оперативную составляющую генерализованного содержания высказываний, но утративший их эмоционально-смысловой фон, суггестивно-ассоциативную подоплеку и доместикационную компоненту, приближающую «инаково вживаемые и о-сознаваемые» [Бредихин, Аликаев, 2016] может лишить речь внушающей силы. Монолитерпретация в данном случае должна сменяться полифокальностью восприятия и трансляции, что подразумевает необходимость как денотативной, так и конситуативной коррекции, которая возможна при семантической, семиотической и концептуальной компенсации осложненной дополненной коннотативной (connotative) оси вторичной (переводческой) смыслогенерации, иначе лозунговые, промисивные и директивно-перформативные элементы, призванные создать область эмоционального и концептуального праймирования,

превратятся в сухое сообщение, лишенное агитационной силы.

Немаловажен и ситуативный контекст, в котором произносится речь. Ситуативный контекст во многом определяет ее восприятие: он диктует **трансформацию регистра и тона**. Одна и та же реплика, произнесенная со сцены у условиях митинга при большом скоплении сторонников, в той или иной мере разделяющих доминантные схематизмы ценностно-ориентационного пространства оратора, или выступление инициально таргетирующее аутгруппу противников, будет характеризоваться различными когниоречевыми механизмами повышения и снижения аффективно-суггестивного компонента. Переводчик, следовательно, вводит усиители или смягчители эмфатической модальности (частицы, порядок слов, междометия), чтобы выровнять перлокутивный эффект.

Кроме того, социальные, культурные, территориальные, экономические, идеологические и другие различия между лингвокультурно дифференциальными аудиториями могут существенно влиять на интерпретацию одних и тех же генерализованных содержания, иногда даже изменения базовую когитему и аффектему, подстраивая их под вторичную мотивацию и согласуя с мотивами [Фефилов, 2024] реципиентуемого сообщества, выстраиваемого на основе иных ценностно-ориентационных систем. То, что в одной культуре звучит нормально или позитивно, в другой может вызвать отторжение. Следовательно, интерпретатору недостаточно опереться на словарные эквиваленты – необходимо учитывать ситуацию, в которой звучала оригинальная речь; культурные коннотации употребленных слов, образов, метафор; pragmaticкие цели говорящего (убедить сомневающихся, мобилизовать сторонников, оправдаться перед оппонентами и т. д.) и имплементировать выявленные и распределенные акты в формах, легитимизированных инокультурным принимающим социумом и конвенционализированных в коммуникативных паттернах и языковой системе целевого текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, успешная трансляция предвыборного политического дискурса с позиций денотативно-сituативного подхода требует не только четкого и понятного формулирования самих идей (что, как правило, делает спичрайтер кандидата в аспекте интенциональной позитивизации имиджевых элементов), но и глубокого понимания того, как эти идеи соотносятся с денотатами в сознании избирателей и как вписываются в актуальную

ситуацию, т. е. распредмечивания денотативно-референциональных соответствий.

Денотативно-ситуативный подход вкупе с набором описанных трансформаций позволяет при вторичной полифокальной интерпретации действовать как медиатор между культурами, сохраняя структуру влияния оригинала. Использование денотативно-ситуативного подхода позволяет учитывать конвергенцию и синергетический эффект денотации, референции, коннотации и ситуативизации языковых структур. Такой комплексный подход в итоге служит сохранению суггестивного эффекта – ключевого элемента успешного предвыборного дискурса.

Перевод предвыборной речи – это всегда творческое переосмысление высказывания в условиях новой ситуации и культуры на основе распредмечивания генерализованного содержания в процессе *в-живания* и *по-нимания*. Поэтому для реализации иллокутивно-периллокутивного соответствия оригинального аффективно маркированного текста предвыборного политического дискурса требуется прагматическая ориентация, контекстуальный подход, при котором значение и смысл вербализуемых понятий, интонация, жанр и сама коммуникативная ситуация рассматриваются переводчиком-интерпретатором как единый неразделимый комплекс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Феномен языка и риторики в политике: лингвистическая манипуляция СМИ как инструмент массового убеждения (на примере русского и английского языков) / Нурутдинова А. Р. [и др.] // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 9 (135). С. 52. DOI: 10.23670/IRJ.2023.135.13.
2. Guseynova I. A., Gorozhanov A. I., Kudinova E. S. Translation genius and social networks // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2021. Vol. 20. No. 3. P. 55–64. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.3.5. EDN MTIRSH.
3. Бредихин С. Н., Пелевина Н. А. Сентимент-анализ интенсификации интимизационных компонентов комментативного текста в фейковом дискурсе // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем. Вып. 7. Ставрополь: Параграф, 2025. С. 55–63.
4. Guseynova I. A., Gorozhanov A. I. Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2024. Vol. 23. No. 4. P. 84–95. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.4.7. EDN XMNCZX.
5. Яшина Н. К. Моделирование процесса перевода в когнитивном аспекте // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 8 (98). С. 93–97. DOI: 10.23670/IRJ.2020.98.8.087.
6. Колмогорова А. В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 33–40.
7. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоzнание. 2023. Т. 22. № 3. С. 67–76. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.3.6. EDN CPMSKP.
8. Бредихин С. Н., Гасанов Б. В. К проблеме делимитации образа и имиджа в политическом медиадискурсе // Научная мысль Кавказа. 2022. № 1 (109). С. 110–116.
9. Иванов В. Ф. Массовая коммуникация. Киев: Центр Свободной Прессы, 2013.
10. Бредихин С. Н. Переводческие трансформации при интерпретации окказиональных философских композитов структурирующих многомерный смысл // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 9. С. 1. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-9-67.
11. Буянова Л. Ю. Регистр комментирования в пространстве Интернет-коммуникации: креативно-эмоциогенный аспект // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2022. Вып. 2 (10). С. 44–53. DOI: 10.22405/2712-8407-2022-2-44-53.
12. Бредихин С. Н. Общие принципы смыслопорождения окказиональных образований философского дискурса // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 2. С. 128–133.
13. Остроушко Н. А. Речевое воздействие как лингвистическая проблема (к понятию языкового манипулирования) // Мир русского слова. 2002. № 5. С. 86–91.
14. Бредихин С. Н., Парешнева В. О. Лингвокогнитивные механизмы трансформирования общественной концептуально-валерной системы посредством политической метафоры // Научная мысль Кавказа. 2021. № 4 (108). С. 112–117.
15. Лагунов А. А., Похилько А. Д. Ценностные основания современных цивилизационных конфликтов // Контуры цивилизационного будущего России. М.: Fortia Press, 2024. С. 498–524.

16. Болдырев Н. Н. Когнитивная основа бесконфликтной языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 3. С. 5–19. DOI: 10.20916/1812-3228-2024-3-5-19.
17. Бредихин С. Н., Аликаев Р. С. Стратегии усмотрения и распредмечивания смысловых конструктов в аспекте по-нимания и в-живания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 123–128.
18. Фефилов А. И. Методологические основы лингвокогитологии. М.: Русайнс, 2024.

REFERENCES

1. The phenomenon of language and rhetoric in politics: linguistic manipulation by the media as an instrument of mass persuasion (on the example of Russian and English) (2023) / Nurutdinova, A. R. et al. Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal, 9(135), 52. DOI: 10.23670/IRJ.2023.135.13. (In Russ.)
2. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I., Kudinova, E. S. (2021). Translation genius and social networks. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 20(3), 55–64. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.3.5.
3. Bredikhin, S. N., Pelevina, N. A. (2025). Sentiment-analiz intensifikatsii intimizatsionnykh komponentov kommentativnogo teksta v feykovanom diskurse = Sentiment Analysis of the Intimate Components Intensification within Commentative Text in Fake Discourse. Izomorfnye i allomorfnye priznaki yazykovykh sistem. Stavropol: Paragraf, 7, 55–63. (In Russ.)
4. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 23(4), 84–95. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
5. Yashina, N. K. (2020). Modelirovanie protsessa perevoda v kognitivnom aspekte = The modeling of the translation process in the cognitive aspect. International Research Journal, 8(98), 93–97. DOI: 10.23670/IRJ.2020.98.8.087. (In Russ.)
6. Kolmogorova, A. V. (2018). Legitimatsiya kak sotsiopoliticheskiy fenomen i ob'ekt diskurs-analiza = Legitimation as a societal phenomenon and as an object of discourse analysis. Politicheskaya lingvistika, 1(67), 33–40. (In Russ.)
7. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Ideology as a factor of translation: traditions in innovation. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 22(3), 67–76. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.3.6. (In Russ.)
8. Bredikhin, S. N., Gasanov, B. V. (2022). K probleme delimitatsii obraza i imidza v politicheskem mediadiskurse = To the Problem of Delimitation of Figure and Image within Political Mediadiscourse. Nauchnaya mysl' Kavkaza, 1(109), 110–116. (In Russ.)
9. Ivanov, V. F. (2013). Massovaya kommunikatsiya = Mass communication. Kiev: Tsentr Svobodnoy Pressy. (In Russ.)
10. Bredikhin, S. N. (2013). Perevodcheskie transformatsii pri interpretatsii okkazional'nykh filosofskikh kompozitov strukturiruyushchikh mnogomernyy smysl = Translation Transformations in the Interpretation Process of the Occasional Philosophical Composites Verbalizing Multidimensional Sense. Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal), 9, 1. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-9-67. (In Russ.)
11. Buyanova, L. Yu. (2022). Registr kommentirovaniya v prostranstve Internet-kommunikatsii: kreativno-emotsiogenyy aspekt = Comment case in space of internet communication: creative and emotional aspect. Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoryya. Yazykoznanie, 2(10), 44–53. DOI: 10.22405/2712-8407-2022-2-44-53. (In Russ.)
12. Bredikhin, S. N. (2010). Obshchie printsipy smysloporozhdeniya okkazional'nykh obrazovaniy filosofskogo diskursa = General Principles of Sense Derivation in Occasional Formations of Philosophical Discourse. Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2, 128–133. (In Russ.)
13. Ostroushko, N. A. (2002). Rechevoe vozdeystvie kak lingvisticheskaya problema (k ponyatiyu yazykovogo manipulirovaniya) = Speech Influence as a Linguistic Problem (Towards the Concept of Language Manipulation). Mir russkogo slova, 5, 86–91. (In Russ.)
14. Bredikhin, S. N., Pareshneva, V. O. (2021). Lingvokognitivnye mekhanizmy transformirovaniya obshchestvennoy kontseptual'no-valernoy sistemy posredstvom politicheskoy metafory = Linguocognitive Mechanisms for Transformation of Social Conceptual-Valor System Through Political Metaphors. Nauchnaya mysl' Kavkaza, 4(108), 112–117. (In Russ.)
15. Lagunov, A. A., Pokhilko, A. D. (2024). Tsennostnye osnovaniya sovremennoy tsivilizatsionnykh konfliktov = The Value Foundations of Modern Civilizational Conflicts. Kontury tsivilizatsionnogo budushchego Rossii (pp. 498–524). Moscow: Fortia Press. (In Russ.)

16. Boldyrev, N. N. (2024). Kognitivnaya osnova beskonfliktnoy yazykovoy kommunikatsii = Cognitive basis of conflict-free language communication. Voprosy kognitivnoy lingvistiki, 3, 5–19. DOI: 10.20916/1812-3228-2024-3-5-19. (In Russ.)
17. Bredikhin, S. N., Alikayev, R. S. (2016). Strategii usmotreniya i raspredmechivaniya smyslovykh konstruktov v aspekte po-nimaniya i v-zhivaniya = Techniques of Semantic Construct Discretion and Objectivation in the Light of Realization and Integration. Voprosy kognitivnoy lingvistiki, 2(47), 123-128. (In Russ.)
18. Fefilov, A. I. (2024). Metodologicheskie osnovy lingvokogitologii = Methodological foundations of linguocogitology. Moscow: Rusayns. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бредихин Сергей Николаевич

доктор филологических наук, профессор
профессор департамента лингвистики
Северо-Кавказского федерального университета

Шибкова Оксана Сергеевна

доктор филологических наук, профессор
профессор департамента лингвистики
Северо-Кавказского федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bredikhin Sergey Nikolaevich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Linguistics
North Caucasus Federal University

Shibkova Oksana Sergeevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Linguistics
North Caucasus Federal University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.07.2025
25.08.2025
09.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 81'42+82.09+316.722

Аксиологический потенциал афоризмов-культуреm в пьесе Оскара Уайльда «Идеальный муж»

Л. Н. Великова

Российская таможенная академия, Люберцы, Россия
milavel@mail.ru

Аннотация.

Цель исследования состоит в изучении ценностного аспекта афоризмов-культуреm в пьесе Оскара Уайльда «Идеальный муж». В работе использована комплексная методика (описание, контент-анализ, количественный анализ, интерпретация). Аксиологический ракурс рассмотрения языкового материала позволил вычленить не только ценностную информацию, релевантную для английской культуры, но и отметить универсальные тенденции в восприятии и оценке существенно важных аспектов человеческого бытия. С помощью контент-ранжирования установлено 20 тематических групп афоризмов-культуреm. Основной вывод заключается том, что значительная часть созданных Уайльдом афоризмов-культуреm не утратила актуальности, характеризуется аксиологической универсальностью и мировоззренческой глубиной.

Ключевые слова: антропоцентризм, афоризм-культуреm, культурные ценности, аксио-культурологический подход, Оскар Уайльд

Для цитирования: Великова Л. Н. Аксиологический потенциал афоризмов-культуреm в пьесе Оскара Уайльда «Идеальный муж» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 25–31.

Original article

Axiological Potential of Cultural Aphorisms in Oscar Wilde's Play "The Ideal Husband"

Liudmila N. Velikova

Russian Customs Academy, Liubertsy, Russia
milavel@mail.ru

Abstract.

The article meticulously explores the axiological potential of cultural aphorisms in Oscar Wilde's play "The Ideal Husband." The research methodology is comprehensive: it combines description, content and quantitative analyses as well as interpretation. The axiological approach and thematic content ranking elaborated in the paper helped to identify 20 thematic groups of cultural aphorisms related to essential aspects of human existence. The main conclusion is that a significant part of Wilde's cultural aphorisms remains universally applicable and is characterized by deep philosophical overtones.

Keywords:

anthropocentrism, cultural aphorism, cultural values, axio-cultural approach, Oscar Wilde

For citation:

Velikova, L. N. (2025). Axiological potential of cultural aphorisms in Oscar Wilde's play "The Ideal Husband." Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 25–31. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Устремления лингвистов сегодня всё больше направляются на описание языковой проблематики в русле взаимодействия языка и культуры. Эти две ипостаси человека неразделимы, так как существует «взаимообусловливающая билатеральность между языком и культурой»¹.

Культура в интерпретации исследователя в области культурной антропологии Барбары Миллер – «learned and shared behavior and beliefs» ('усвоенное и принятое всеми поведение и убеждения')² [Miller, 2017, с. 12].

Объектом данного исследования, выполненного в рамках аксио-культурологической парадигмы, являются афоризмы-культурьемы³, в изобилии присутствующие в знаменитой пьесе «Идеальный муж», принадлежащей перу английского классика Оскара Уайльда. Цель исследования заключалась в изучении аксиологической маркированности афоризмов-культурьем. Корпус⁴ выделенных методом сплошной выборки афоризмов-культурьем составил 198 единиц.

В процессе исследования решались следующие практические задачи:

- сегментирование лингвокультурного контекста, необходимого для раскрытия аксиологической маркированности культурьемы;
- тематическое ранжирование афоризмов-культурьем;
- определение их содержательной идиоэтничности или универсальности.

В пьесе Уайльда представлен срез английского высшего общества конца XIX века. Жанр произведения определен автором как социальная комедия, однако, на наш взгляд, это скорее трагикомедия. Автор пьесы обнажает такие присущие представителям высшего общества пороки, как лицемерие, алчность, коррумпированность, праздность, высокомерие⁵. В произведении также поднимаются важные этические проблемы, связанные с необходимостью морального выбора.

Методы исследования включают:

- описание,
- контент-анализ,
- количественный анализ

¹Базарова Л. В. К вопросу о соотношении языка и культуры. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/bazarova-07.htm> (дата обращения: 12.04.2025).

²Зд. и далее перевод наш. – Л. В.

³Мы вводим термин «афоризм-культурьема» для описания и анализа такого рода высказываний, поскольку они содержат культурную компоненту и афористичны по своей природе.

⁴Источник языкового материала: Oscar Wilde. An Ideal Husband. URL: https://www.globalgreybooks.com/content/book-covers/oscar-wilde_ideal-husband-large.jpg (дата обращения: 27.03.2025).

⁵Зд. и далее перевод наш. – Л. В.

- интерпретацию выделенных фрагментов текста, содержащих афоризмы-культурьемы.

Поиск и сегментирование фрагментов текста для экспликации афоризма-культурьемы в каждом случае определялся критерием достаточности аксио-культурологического контекста.

Новизна исследования обусловлена сравнительным подходом к изучению аксиологического потенциала пьесы О. Уайльда, позволившего вычленить как идиоэтнические, так и универсальные ценности, не утратившие значимости для всего цивилизованного мира. Ценностный аспект жизни человека, выступая в качестве цивилизационной доминанты, неизменно привлекает внимание политологов, философов, лингвистов (В. В. Аристархов⁶, К. А. Вихрова⁷, А. Н. Чумаков [Чумаков, 2018], Н. П. Монина [Монина, 2016]), что обусловило актуальность данного исследования.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов в научно-образовательной среде, в частности, в дальнейшем применении в рамках таких курсов и дисциплин, как лингвокультурология, аксиологическая лингвистика, этнолингвистика, паремиология, дискурсология (художественный дискурс).

ОЦЕНОЧНОСТЬ. ОЦЕНКА. КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

Основополагающей категорией антропологической лингвистики признается категория оценочности. Оценка подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений [Пашаева, 2011].

Справедливым представляется утверждение о том, что лишь после погружения в иностранную культуру проявляются важные особенности своей собственной культуры, а самыми важными различиями становятся различия в культурных ценностях [Питерс, 2017]. К культурным ценностям относят широко распространенные в рамках языковой культуры и лежащие в основе верований, убеждений, установок и общепринятых привычек ценности, обычно ассоциируемые с данной языковой культурой [Peeters, 2015]. Говоря о необходимости надежного критерия определения и поиска культурных ценностей, Берт Питерс опирается на понятие *salience* ('значимость'), подчеркивая при этом, что данный критерий в известной степени является субъективным: *what is salient for some is not necessarily so for others* (то, что значимо для

⁶Мы вводим термин «афоризм-культурьема» для описания и анализа такого рода высказываний, поскольку они содержат культурную компоненту и афористичны по своей природе.

⁷В данной работе не описывается сюжет пьесы, так как он широко известен.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

одных, не обязательно является таковым для других) [там же, с. 54–56]. Для решения задачи вычленения культурных ценностей Б. Питерс разработал шестиступенчатую этнолингвистическую модель, в рамках которой выделяются такие области, как этнолексикология, этнориторика, этнофразеология, этносинтаксис, этнопрагматика и этноаксиология. Нас прежде всего интересует последняя – этноаксиология *per se*, так как в нашем исследовании аксио-культурологический подход является доминирующим при рассмотрении фактов языка.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК СИМВОЛ КУЛЬТУРЫ

Информацию о мире мы получаем благодаря языку через дискурс, общение, тексты [Кубрякова, 2004]. Литературные (художественные) тексты, будучи символами культуры, являются манифестантами бытийной разновидности неинституционального дискурса [Карасик, 2002].

Представляя собой уникальный пласт культуры, отражающий многовековой опыт представителей определенной лингвокультуры [Абдулганеева, 2023], тексты художественной литературы содержат наблюдения за использованием языка и коммуникацией, в связи с чем нельзя недооценивать их в качестве источников социальной и прагматической информации.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АФОРИЗМОВ В РЕЧИ

Афоризмы как знаки ситуаций или отношений между вещами семантически эквивалентны предложениям; они, как правило, привязаны к сложившимся обстоятельствам, которые отражают некоторые типичные случаи или типовые ситуации, совокупность обстоятельств, признаков, оценок, положений, в отвлечении от мелких и несущественных характеристик [Верещагин, Костомаров, 2005].

Афористика как речевой жанр принадлежит «ученой мудрости»; составляющие ее единицы характеризуются лаконичностью, совершенством формы, образностью, оригинальностью и парадоксальностью суждений; в афоризмах в той или иной степени затрагивается проблематика смысла жизни как сложного ментального образования [Воркачев, 2011]. Поиск смысла жизни неоднократно привлекал пристальное внимание художников слова, пишущих на разных языках.

Афоризмы используются в речи для достижения двоякого эффекта:

- во-первых, мысль говорящего выражается точнее, более образно и эмоциональнее;

- во-вторых, языковые афоризмы употребляются говорящим для большей убедительности своих слов [Верещагин, Костомаров, 2005].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

В центре исследования, как подчеркивалось выше, находилось описание ценностного аспекта афоризмов-культуреем, степени их «встроенности» в английскую лингвокультуру и анализ наличия признаков аксиологического универсализма в исследуемых объектах.

Выполненный контент-анализ выявленных афоризмов-культуреем позволил распределить их в 20 тематических групп (см. табл. 1).

Таблица 1
ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАНЖИРОВАНИЕ
АФОРИЗМОВ-КУЛЬТУРЕМ

№	Тематические группы	Кол-во афоризмов-культуреем (%)
1	Образование	1
2	Внешность	1
3	Образ жизни	3
4	Семья / брак	5
5	Происхождение	1
6	Слава / популярность	1
7	Политика	4
8	Знакомство / дружба	1
9	Гендерные отношения	26
10	Наука	1
11	Филантропия / благотворительность	1
12	Философия / взгляды на жизнь	25
13	Пресса / газеты	1
14	Общество	4
15	Этика / мораль	7
16	Власть / амбиции / успех	3
17	Религия	3
18	Деньги / богатство	4
19	Мода	5
20	Отношения «отцы vs. дети»	3

Как явствует из таблицы, доминантными являются две группы афоризмов-культуреем: отражающие гендерные отношения (26 %) и философию / взгляды на жизнь (25 %). Третья по численности группа связана с темой этики / морали (7 %). Доля каждой из остальных тематических групп составила 5 % и менее.

Вербализация афоризмов-культуреем

В круг исследования, помимо прочих задач, входило описание разноуровневых средств

вербализации, в которые облекается тот или иной афоризм-культуре́ма:

Mabel Chiltern: Why do you call lord goring good-for-nothing? [...]

Мейбл Чилтерн: Почему вы называете лорда Горинга никчёмным? [...]

Lord Caversham: Because he leads such an idle life.
Лорд Кавершем: Потому что он живет столь праздно.

Mabel Chiltern: How can you say such a thing? Why, he rides in the Row at ten o'clock in the morning, goes to the Opera three times a week, changes his clothes at least five times a day, and dines out every night of the season. You don't call that leading an idle life, do you?

Мейбл Чилтерн: Да как вы можете так говорить? Он в десять часов утра совершает прогулки верхом, ездит в оперу три раза в неделю, по пять раз в день переодевается и никогда не ужинает дома. Вы же не назовете это праздной жизнью, не так ли?

В приведенном фрагменте диалога между леди Мейбл Чилтерн и лордом Кавершемом последний характеризует своего сына лорда Горинга как никчёмного человека, ведущего праздный образ жизни. Леди Чилтерн выражает несогласие с такой точкой зрения, подчеркивая, что лорд Горинг в полной мере соблюдает принятые в высшем свете нормы поведения. Очевидно, что автор пьесы устами своих героев иронизирует над тем, что является общепринятой нормой в английском высшем обществе, когда праздность вовсе не порицается, а воспринимается как должное.

Культурно значимая информация находит воплощение как в денотативном, так и в коннотативном аспекте значения [Телия, 1996]. Подтверждение этого мы находим в авторской ремарке Оскара Уайльда, описывающей главного героя пьесы сэра Роберта Чилтерна:

A personality of mark. Not popular – few personalities are. But intensely admired by the few, and deeply respected by the many... It would be inaccurate to call him **picturesque**. **Picturesqueness** cannot survive the House of Commons. But Vandyck would have liked to have painted his head. – Примечательная личность, но непопулярная – немногие личности популярны. Немногие восхищаются такими, но многие глубоко уважают... Было бы неточно называть его привлекательным. Привлекательность несвойственна Палате общин. Но ван Дейк с удовольствием нарисовал бы его голову.

В соответствии с сюжетом пьесы сэр Роберт занимает высокое положение в обществе, являясь

членом британского парламента. Автор иронизирует, выражая негативное мнение о деятельности этого государственного органа с помощью характеристики одного из его представителей, актуализируя коннотации слова *picturesque* ‘привлекательный’, ‘примечательный’ и его деривата *picturesqueness*.

Во фрагменте, приводимом ниже, автор, говоря от имени миссис Чивли, вовсе не безупречной с точки зрения нравственности женщины, порицает грехи современного ему общества как образчика лицемерия и бездуховности, лишенного подлинных ценностей:

In old days nobody pretended to be a bit better than his neighbours. In fact, to be a bit better than one's neighbour was considered **excessively vulgar and middle-class**. Nowadays, with our modern mania for morality, everyone has **to pose as a paragon of purity, incorruptibility**, and all the other **seven deadly virtues** – and what is the result? You all go over like ninepins – one after the other. – В прежние времена никто не претендовал на то, чтобы быть немного лучше своих соседей. На самом деле, быть немного лучше своего соседа считалось чересчур вульгарным и свойственным среднему классу. В наши дни, с нашей современной манией нравственности, каждый должен изображать из себя образец чистоты, неподкупности и всех остальных семи смертальных добродетелей – и что в результате? Вы все падаете как кегли – одна за другой.

Автор использует целую палитру разноуровневых экспрессивных средств: *excessively vulgar and middle-class*; *to pose as a paragon of purity, incorruptibility*; *go over like ninepins* и др. Ироничный (если не саркастический) перифраз *seven deadly virtues* ‘семь смертных добродетелей’ (ср.: *seven deadly sins* ‘семь смертных грехов’) определенно отражает отношение автора к существенным проблемам человечества, которые оно не готово решать достойным образом, т. е. следуя библейским заповедям.

Этическая норма: общенациональный генезис

В процессе жизни человек неоднократно совершает этический выбор, который бывает только между добром и злом и строго бинарен [Верещагин, Костомаров, 2005].

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, истина и этика составляют отдельные и даже далекие друг от друга понятийные сферы: истина относится к познанию мира, а этика – к человеческому поведению, однако языковые факты свидетельствуют о взаимодействии этих сфер [Арутюнова, 1999].

Ни одно общество не является совершенным [Lévi-Strauss, 1968]. Многие вещи, которые кажутся «естественными» и «нормальными», сконструированы культурой и не являются неизбежными; именно соотношение сил в обществе характеризует то, что определяется как «нормальное» [Wardhaugh, Fuller, 2015].

Человек в своем поведении руководствуется нормами, которые он использует, оценивая поведение других людей; «...часть подобных вытесняемых из светлого поля сознания норм имеет не личностный, а общенациональный генезис» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 790]:

...Englishmen always get romantic after a meal.
– После приема пищи у англичан, как правило, появляется романтическое настроение.

Несомненно, любой автор, будучи членом какого-то общества, является одновременно и выразителем присущей ему культуры. Некоторые реплики, вкладываемые автором в уста героев пьесы, можно воспринимать как руководство к действию или, по крайней мере, укоренившуюся в британском обществе модель поведения:

I don't know that women are always rewarded for being charming. I think they are usually punished for it! – Я не уверен, что женщины всегда вознаграждаются за обаяние. Я думаю, что обычно их за это наказывают!

Афористичность и парадоксальность текста пьесы Уайльда является, выражаясь современным языком, его авторским брендом:

- (1) What an absurd reason! ... All reasons are absurd.
– Какая абсурдная причина! ... Все причины абсурдны.
- (2) Optimism begins in a broad grin, and Pessimism ends with **blue spectacles**. Besides, they are both of them merely poses. – Оптимизм начинается с широкой улыбки, а пессимизм заканчивается унынием. Однако и то, и другое – всего лишь поза.

Употребленное в последнем высказывании выражение *blue spectacles* является частью фразеологизма *to see through blue spectacles* 'мрачно смотреть на вещи'. Как справедливо отмечает В. Н. Телия, «фразеологизмы сами приобретают роль культурных стереотипов» [Телия, 1996]. Из этого следует, что, употребляя фразеологизмы, люди выражают стереотипные взгляды и мнения, зафиксированные в той или иной культуре и языке, давая оценку общественно значимым явлениям и событиям.

Соотношение универсального / идиоэтнического в семантике афоризмов-культуре

В связи с вышеизложенным уместно сослаться на концепцию «психологии культуры» как «нарождающейся науки», сформулированную А. Вежбицкой. В соответствии с этой концепцией для не-предвзятого изучения культур следует опираться на универсальные понятия, служащие более прочным фундаментом, чем замкнутые в одной культурно-языковой системе или культурном ареале [Вежбицкая, 1996].

Что касается идиоэтничности или универсальности афоризмов-культуре, в пьесе присутствуют и те, и другие:

- (1) The English think that a cheque-book can solve every problem in life. – Англичане считают, что чековая книжка может решить все проблемы в жизни.
- (2) Too much experience is a dangerous thing. – Слишком много опыта – опасная вещь.

Афоризм-культуре (1) имеет идиоэтническую окраску, а высказывание (2) отмечено аксиологическим универсализмом.

Невзирая на любое разнообразие или изменчивость, даже в так называемых «мультикультурных» обществах всегда есть общее ядро [Peeters, 2015]. Многие афоризмы-культуре, которые мы обнаруживаем в пьесе О. Уайльда, не потеряли своей актуальности и глубины; они носят универсальный характер и могут быть вполне применимы к жизни любого современного общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, важно подчеркнуть, что язык тесно переплетен с культурой. Более того, он является воплощением культуры, которая сохраняется и передается ее носителями. Культура – это историческая память народа. Культура постоянно развивается, изменяясь в зависимости от жизненных обстоятельств ее представителей.

Каждая культура имеет как материальное, так и духовное воплощение. Художественные тексты можно отнести и к той, и к другой ипостасям культуры. Восприятие текста на языковом и культурологическом уровне – это творческая задача. Нужно обладать необходимыми лингвокультурными компетенциями, чтобы всякий раз правильно расшифровывать и интерпретировать заложенные автором художественного произведения смыслы и ценности, в которых отражается не только личностное, индивидуально-авторское, но и присущее

определенному этносу и человечеству в целом мировидение.

Объективированные нами тематические группы афоризмов-культуререм, с одной стороны, представляют ценностный срез ментальности британского общества эпохи Оскара Уайльда; с другой, они отражают авторскую точку зрения на некоторые социально важные проблемы; с третьей, они воплощают универсально значимые ценности, не утратившие своей актуальности.

Изучение лингвокультур в аксиологическом измерении далеко не исчерпано и могло

бы принести новые плоды заинтересованному и внимательному исследователю. Пристальное внимание к изучению и описанию культурных (и иных) ценностей является отличительной чертой многих исследований, выполняемых лингвистами, культурологами, философами, историками, политиками. Результаты данного исследования могли бы стать основой для дальнейшего изучения аксиологической проблематики в кросс-дисциплинарных и мультидисциплинарных областях, в частности, при описании гибридных дискурсов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Miller B. D. *Cultural Anthropology*. Boston et al.: Pearson, 2017.
2. Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные исследования: их роль и ценность в глобальном мире // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и geopolитика. 2018. № 1. С. 30–43.
3. Монина Н. П. Компаративистский анализ аксиосфер западной и евразийской цивилизаций // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 6 (48). Ч. 4. С. 97–99.
4. Пашаева И. В. Этическая оценка в парадигме антропологической лингвистики // Вестник ИрГТУ. 2011. № 7 (54) С. 250–257.
5. Питерс Б. Прикладная этнолингвистика – это лингвокультурология, но лингвокультурология ли? // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 37–50.
6. Peeters B. Language, culture and values: towards an ethnolinguistics based on abduction and salience // *Etnolinguistica*–27. 2015. P. 47–62.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкоznания. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
9. Абдулганеева И. И. К вопросу о роли текстов художественного дискурса в формировании лингвострановедческой компетенции // Германистика–2022: nove et nova: материалы V Международной науч. конф., Москва. 7–9 декабря 2022 г. / редкол.: канд. филол. наук А. А. Клиновская и др. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023. С. 6–9.
10. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послеслов. академика Ю. С. Степанова. М.: Индрик, 2005.
11. Воркачев С. Г. Что есть человек и что польза его: идея смысла жизни в лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2011.
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
13. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
14. Lévi-Strauss C. *Tristes Tropiques: An Anthropological Study of Primitive Societies in Brazil*. New York. Atheneum, 1968.
15. Wardhaugh R., Fuller J. M. *An introduction to sociolinguistics (Seventh edition)*. Blackwell Publishing Ltd, 2015.
16. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / отв. ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996.

REFERENCES

1. Miller, B. D. (2017). *Cultural Anthropology*. Boston et al.: Pearson.
2. Chumakov, A. N. (2018). Cultural and civilizational research: their role and value in the global world. *Vestnik of Moscow State University*, 27. Global Studies and Geopolitics, 1, 30–43. (In Russ.)
3. Monina, N. P. (2016). Comparative analysis of the axiospheres of Western and Eurasian civilizations. *International Research Journal. Yekaterinburg*, 6(48), 4, 97–99. (In Russ.)

4. Pashaeva, I. V. (2011). Ethical assessment in the paradigm of anthropological linguistics. *Vestnik of Irkutsk State Technical University*, 7(54), 250–257. (In Russ.)
5. Peeters, B. (2017). Applied ethnolinguistics is linguaculturology, but is it linguaculturology? *Speech genres*, 1(15), 37–50. (In Russ.)
6. Peeters, B. (2015). Language, culture and values: towards an ethnolinguistics based on abduction and salience. *Ethnolinguistics* 27. (pp. 47–62).
7. Kubrjakova, E. S. (2004). *Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznaniu mira = Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world.* Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)
8. Karasik, V. I. (2002). *Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, and discourse.* Volgograd: Peremena. (In Russ.)
9. Abdulganeeva, I. I. (2023). The role of artistic discourse texts in the formation of linguistic competence = К вопросу о роли текстов художественного дискурса в формировании лингвострановедческой компетенции. *Germanistika – 2022: nove et nova* (pp. 6–9): proceedings of an international scientific conference. (In Russ.)
10. Vereshhagin, E. M., Kostomarov, V. G. (2005). *Jazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie konцепции: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy = Language and culture. Three linguistic and cultural concepts: lexical background, speech and behavioral tactics and sapientemes.* Moscow: Indrik. (In Russ.)
11. Vorkachev, S. G. (2011). *Chto est' chelovek i chto pol'za ego: ideja smysla zhizni v lingvokul'ture = What is a human and what his benefit is: the idea of life sense in linguaculture.* Volgograd: Paradigma. (In Russ.)
12. Telija, V. N. (1996). *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmatischeskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguacultural aspects.* Moscow: Shkola "Jazyki russkoj kul'tury." (In Russ.)
13. Arutjunova, N. D. (1999). *Jazyk i mir cheloveka = Language and the human world.* Moscow: Shkola "Jazyki russkoj kul'tury." (In Russ.)
14. Lévi-Strauss, C. (1968). *Tristes Tropiques: An Anthropological Study of Primitive Societies in Brazil.* New York, Atheneum.
15. Wardhaugh, R., Fuller, J. M. (2015). *An introduction to sociolinguistics* (7th edition). Blackwell Publishing Ltd.
16. Vezhnickaja, A. (1996). *Jazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Cognition.* Moscow: Russkije slovari. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Великова Людмила Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры иностранных языков
Российской таможенной академии

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Velikova Liudmila Nikolaevna
PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the Department of Foreign Languages
Russian Customs Academy

Статья поступила в редакцию	30.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	09.09.2025	accepted for publication

Научная статья

УДК 81'25

Доминанты перевода текстов индустрии моды

Т. А. Волкова¹, Д. Д. Рудь²

^{1,2}Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

¹Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

¹tatia.volкова@gmail.com

²darya.13.3@yandex.ru

Аннотация.

Цель исследования – определить доминанты перевода англоязычных текстов индустрии моды и способы их передачи в текстах перевода. Материал исследования представлен книгами, относящимися к инструктирующему подвиду дискурса моды. В результате были выявлены общие доминанты перевода (информационность, экспрессивность, диалогичность коммуникации, коммуникативные стратегии манипуляции и самопрезентации), которые потенциально могут быть экстраполированы на дискурс моды в целом, а также частные доминанты перевода, свойственные конкретному исходному тексту (адресность текста, ценности дискурса, интердискурсивность, метаязыковая функция коммуникации).

Ключевые слова: мода, текст индустрии моды, доминанта перевода, дискурсивно-коммуникативная модель перевода, переводческое решение

Для цитирования: Волкова Т. А., Рудь Д. Д. Доминанты перевода текстов индустрии моды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 32–38.

Original article

Translation Dominants of Fashion Industry Texts

Tatiana A. Volkova¹, Daria D. Rud²

^{1,2}Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

¹Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

¹tatia.volкова@gmail.com

²darya.13.3@yandex.ru

Abstract.

The article presents the study of translation dominants of English-language fashion industry texts and the analysis of the techniques of their representation in the target texts. Analyzing two fashion books belonging to the instructive subtype of fashion discourse, authors identify translation dominants common to both books (informativity, dialogic interaction, expressivity of communication, communicative strategies of manipulation and self-presentation) that can potentially be extrapolated to the fashion discourse at large, as well as translation dominants typical of each book in particular (source text recipient, discourse values, interdiscursivity, metalinguistic function of communication).

Keywords:

fashion, fashion industry text, translation dominant, discourse and communication translation model, translation solution

For citation:

Volkova, T. A., Rud, D. D. (2025). Translation Dominants of Fashion Industry Texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 32–38. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время мода стала неотъемлемой частью нашей жизни и проявляет себя в абсолютно разных ситуациях – от выбора одежды в магазине и оформления интерьера дома до тех случаев, когда мода выступает в качестве способа самоидентификации или формирования критериев оценки людей и предметов. Как следствие, мода «в силу своей значимости в культуре социума может стать самостоятельным объектом и лингвистического исследования» [Башкатова, 2010, с. 3] – и является таковым с XIX века. Тем не менее с точки зрения перевода мода остается недостаточно изученной – к настоящему моменту проведено небольшое число исследований, которые в полной мере рассматривают специфику англоязычных текстов индустрии моды и особенности их перевода на русский язык.

Настоящее исследование представляет собой лингвистический и переводческий анализ дискурса моды с целью выявления доминант перевода текстов индустрии моды с английского языка на русский и способов их передачи в текстах перевода. Цель обуславливает, в частности, постановку следующих задач:

- рассмотреть специфику инструктирующего подвида дискурса моды, к которому принадлежит исследуемый материал;
- проанализировать основные особенности перевода текстов индустрии моды;
- с опорой на дискурсивно-коммуникативную модель выявить доминанты перевода текстов индустрии моды и проанализировать соответствующие переводческие решения.

Материалом исследования послужили книги Д. Брин, Т. Джетт, Д. Годдард “Figure It Out!” (Sixth&Spring Books, 2004), А. Риз “The Curated Closet: A Simple System for Discovering Your Personal Style and Building Your Dream Wardrobe” (Ten Speed Press, 2016) и их русскоязычные переводы – «Примерьте это немедленно!» («Эксмо», 2007) и «Умный гардероб. Как подчеркнуть индивидуальность, наведя порядок в шкафу» («Азбука-Аттикус», 2019), соответственно.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой первую попытку выявления доминант перевода текстов индустрии моды. В ходе исследования отмечены доминанты перевода, которые, вероятно, могут быть экстраполированы на дискурс моды в целом и, соответственно, служить опорой при переводе текстов, относящихся к указанному дискурсу.

Актуальность исследования определяется восребованностью текстов указанного типа и тематики на современном рынке печатной продукции, а также необходимостью комплексного изучения специфики англоязычных текстов индустрии моды и особенностей их перевода на русский язык с позиций дискурсивно-коммуникативного подхода.

Практическая ценность исследования состоит в возможности применения результатов в практике и дидактике перевода и для дальнейших исследований дискурса моды.

Перейдем к рассмотрению основных особенностей текстов индустрии моды и их перевода с английского языка на русский.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ИНДУСТРИИ МОДЫ

Согласно типологии В. И. Карасика, дискурс моды относится к институциональному, поскольку отражает «специфику соответствующего социального института» [Карасик, 2002, с. 286].

Ю. С. Болотова и Н. Ю. Мороз выделяют три подвида дискурса моды, исходя из коммуникативной интенции автора:

- информирующий (знакомит адресата с биографией деятелей моды, историей моды, тенденциями и т. д.);
- инструктирующий (помогает адресату изготовить определенное изделие, поясняет способ использования продукции индустрии моды, содержит советы по выбору одежды);
- ориентированный на маркетинг (знакомит адресата с новинками мира моды и побуждает приобрести их) [Болотова, Мороз, 2016].

Тексты, анализируемые в настоящем исследовании, можно отнести к инструктирующему подвиду. Как и другие подвиды дискурса моды, инструктирующий выполняет две основные функции – информирующую функцию и функцию воздействия. Информирующая функция реализуется за счет использования терминологии, дискурсивных формул, имен собственных. Функция воздействия реализуется за счет использования оценочной лексики, стилистических тропов, разговорных выражений, французских заимствований [Криворот, Василюк, 2017]. Главная особенность перевода текстов индустрии моды заключается, на наш взгляд, в передаче элементов, за счет которых упомянутые функции находят отражение в текстах.

Основные приемы передачи информирующих компонентов – транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод,

конкретизация, генерализация, метод прямого включения. Что касается воспроизведения элементов воздействия, то в переводах текстов индустрии моды на русский язык наблюдается смещение компонентов информирования и воздействия в сторону расширения второй страты: переводчик может привносить уменьшительно-ласкательные формы, эвфемизмы, разговорные элементы, перифразы, конструкции с оценкой внешнего облика [Губина, 2014]. В то же время тексты перевода могут уступать текстам оригинала в образности и экспрессивности в силу недостатка фоновых знаний переводчика о символичности, присущей некоторым элементам текста, или в силу опущения подобных элементов в связи с их неактуальностью для адресата [Сыромолотова, Поморцева 2015].

ОБЩИЕ ДОМИНАНТЫ ПЕРЕВОДА

Под доминантой перевода мы понимаем комплекс ключевых характеристик исходного текста, которые должны быть обязательно воспроизведены в тексте перевода [Волкова, 2022]. В рамках настоящего исследования доминанты перевода выделяются в соответствии с параметрами дискурсивно-коммуникативной модели перевода Т. А. Волковой [там же]. Рассмотрим доминанты перевода, свойственные обеим анализируемым книгам.

Первая доминанта перевода – *информационность* как типовое свойство коммуникации. Исследуемые тексты насыщены терминами индустрии моды, для передачи которых используются следующие приемы:

- подбор эквивалентных терминов в русском языке: *shoulder yoke* – кокетка, *blanket scarves* – палантины;
- транслитерация и транскрипция: *oxfords* – ботинки – оксфорды, *desert boots* – дезерты, *blazer* – блейзер;
- описательный перевод: *Mary Jane heels* – туфли на высоком каблуке с перемычкой, *camisoles* – топики с тонкими лямками;
- генерализация: *gingham pants* – штаны в клетку.

Переводчику закономерно необходимо обладать фоновыми знаниями в сфере моды и оперировать дискурсивными формулами для правильной передачи заложенного автором смысла (например, *pockets with an adequate length* – карманы нормальной глубины, *open stitches* – отпарывать). Позволим себе обратить внимание на неудачный вариант передачи информативного компонента текста в одной из книг. Так, фраза *thin knitted layers* переводится как *тонкая трикотажная двойка*,

однако костюм-двойка предполагает комплект из пиджака или жакета и брюк или юбки, в то время как в оригинале имеется в виду несколько слов о одежде из тонкого трикотажа, что также подтверждается изображением, сопровождающим текст.

Некоторые информирующие элементы нуждаются в прагматической адаптации, как, например, единицы измерения и размеры одежды: *2 inch – 5 cm, size 0 / 6 – 40 / 44 размер*.

Следующая доминанта перевода – *коммуникативная стратегия манипуляции*. Использование данной стратегии обусловлено стремлением автора показать преимущества книги над другими, чтобы вызвать у читателя желание прочитать ее. Один из способов реализации стратегии манипуляции – использование лексем французского происхождения, ассоциирующихся с миром высокой парижской моды, что делает книгу более «модной» и привлекательной в глазах реципиента: *with a soupçon of stretch* – с легким стрейчевым эффектом, *invited to a fabulous soirée at a moment's notice* – если пригласят в последнюю минуту, *coat du jour* – модель дня, *au naturelle* – в своем натуральном виде, *isn't it a little too risqué for work* – а для офиса это не чересчур. Однако данная особенность свойственна англоязычному дискурсу моды, в то время как в русскоязычном ту же функцию выполняют англицизмы, ср.: *let alone brunch on Sundays* – не говоря уж о воскресном бранче, *create a profile* – создать профайл, *must-haves the fashion industry is prescribing that season* – рекомендованные мэтрами фэшн-индустрии вещи, *sneakers* – сникеры.

Коммуникативная стратегия манипуляции тесно связана с таким типовым свойством коммуникации, как *экспрессивность*. Различные экспрессивные средства позволяют создать более интересный текст. В тексте оригинала в качестве таких средств выступают тропы, фигуры речи и составные определения. В тех случаях, где экспрессивный компонент исходного текста не удается передать в переводе, применяется компенсация.

Особый интерес представляют аттрактивные заголовки, основанные на перечисленных экспрессивных средствах (*double trouble* – за бортом, *waist not, want not* – без талии нет Италии, *furget about it* – смех, а не мех). При переводе подобных заголовков необходимо подбирать вариант, который не только не будет уступать оригинальному по красочности, но и не потеряет смысла в силу различий английского и русского языков, как это происходит в следующем примере. Заголовки *ruff ruff* и *meow meow* построены на игре слов, которая отсылает читателя к совету отказаться от ношения

Таблица 1

ТИПОВОЕ СВОЙСТВО КОММУНИКАЦИИ: ЭКСПРЕССИВНОСТЬ

Оригинал	Перевод
<i>Стилистически равноценные эквиваленты в русском языке</i>	
reasonable decision making goes out the window style shouldn't take weekend vacations	напрочь вылетает из головы все благородство у стиля не должно быть выходных
<i>Стилистически нейтральные эквиваленты</i>	
I kept close tabs on the sales section the seams of a garment should “seamlessly” integrate into the piece a jeans-and-T-shirt kinda-gal now-cringe-worthy outfits	постоянно следила за скидками вы их [швы] вообще не должны замечать вы всегда носили джинсы да футболки на редкость неудачные образы
<i>Компенсация</i>	
these [fabrics and fits] are hard to get right think things through	элементы, с которыми легко попасть впросак ломать голову

Таблица 2

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ

Оригинал	Перевод	Способ
<i>Предостережение</i>		
Coats that are too short... can make you look like a stuffed sausage. silly little buckles ridiculous	В слишком коротких куртках... вы можете вы- глядеть как фаршированная сарделька. дуряцкие маленькие пряжки смехотворно	Юмор, сарказм Лексемы с отрицательной коннотацией
<i>Совет</i>		
winsome waist pretty hands A crisp white shirt... and a silky scarf will suddenly take you on a Roman Holiday.	бесподобная талия прелестные ручки Благодаря крахмальной белой блузке...в со- четании с шелковым белым платком вы вне- запно окажетесь на «Римских каникулах».	Лексемы с положительной коннотацией Прагматическое воздей- ствие (за счет отсылки к фильму)

рюшей. В переводе заголовки передаются как «гав-гав» и «мяу-мяу», в результате чего читателю может быть неясна связь между названием совета и его содержанием.

Еще одна доминанта перевода – *диалогичность коммуникации*. Автор стремится установить дружескую атмосферу и имитировать разговор в неформальной обстановке, в связи с чем отдает предпочтение лексике разговорного стиля: *penny-pincher, high roller, no-no, pizzazz, itsy-bitsy, mishmash*. Для передачи подобной лексики используются соответствия в русском языке, выполняющие ту же функцию (*скряга, транжирка*), и диминутивные формы слов (*крошечный, местечко*). В случаях, где сохранить разговорный характер исходного текста не удается, переводчик прибегает к компенсации: *stuff* – шмотки, *skew the overall feel of your collection* – вносить сумятицу в ваш гардероб.

В обеих книгах выявлена такая доминанта перевода, как коммуникативная стратегия самопрезентации, цель которой – продемонстрировать реципиенту, как изменится его имидж, если он прислушается к советам автора. Данная стратегия реализуется за счет создания оппозиции – неудачный вариант (предостережение) и удачный вариант (он же совет автора). Ниже приведены некоторые способы, используемые автором для создания данной оппозиции.

В тексте перевода в большинстве случаев коммуникативная стратегия самопрезентации реализуется за счет тех же средств. Однако в некоторых случаях используются иные средства – например, с учетом указанной оппозиции переводчик усиливает уничижительное отношение автора к неудачным образам и использует гиперболизацию при описании удачных образов: *fall straight*

down – висеть мешком, *baby bracelets* – детские бирюльки, *look great* – выглядеть сногсшибательно.

В следующем разделе рассмотрим доминанты перевода, свойственные каждой из книг в отдельности.

ЧАСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ ПЕРЕВОДА

В книге “The Curated Closet: A Simple System for Discovering Your Personal Style and Building Your Dream Wardrobe” доминантой перевода становится метаязыковая функция коммуникации, обусловленная интердискурсивностью, то есть «пересечением разных дискурсов в конкретном исходном тексте» [Волкова, 2022, с. 114–115]. В данном случае можно говорить о пересечении дискурса моды с учебным дискурсом. Интердискурсивность прослеживается в установлении значений терминов и использовании развернутых сравнений, которые помогают читателю понять суть совета на простом примере из другой области. Кроме того, в переводе используется дробный синтаксис для отделения совета от менее релевантной информации.

Позволим себе отметить, что при переводе развернутых сравнений важно последовательно описывать образ и не «бросать» его, как это происходит, на наш взгляд, в следующем примере:

Developing a personal style is *like creating a sculpture*. Your favorite colors, materials, silhouettes, and other aesthetic preferences are *the clay*. Before you can do anything else, you first have to *gather your clay*: dig deep, immerse yourself in inspiration... If you are a

complete fashion newbie, get ready to *gather your clay*. – Процесс работы над собственным стилем схож с *созданием скульптуры*. Любимые цвета, ткани, силуэты выступают в роли *своеобразной глины*, без которой невозможно приступить к творческому процессу. Самый первый шаг на пути к индивидуальному стилю – поиск вдохновения... Ну а если вы новичок, самое время окунуться в *водоворот вдохновения*.

В книге “Figure It Out!” прослеживается ориентация текста на гендерную принадлежность реципиента. Поскольку текст адресован женщинам, для передачи обращений к читателю используются лексемы женского рода: *dear friend* – дорогая подруга. Кроме того, реципиентами выступают именно женщины с крупными формами, в результате чего фигура читательницы становится одной из *ценности дискурса*. Автор использует эвфемизмы и лексемы с положительной коннотацией при описании форм и телосложения адресата: *great-looking bust, bountiful bosom, well-endowed hips, rubenesque*. В переводе эта особенность учитывается, для передачи подобных фраз используются аналогичные средства в русском языке: *великолепная грудь, пышный бюст, Богом данные бедра, рубенсовские формы*.

В книге “The Curated Closet: A Simple System for Discovering Your Personal Style and Building Your Dream Wardrobe” доминантами перевода становятся такие ценности, как индивидуальность и бережливость, которые эксплицируются за счет лексики с положительной коннотацией и при

Таблица 3

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ

Оригинал	Перевод
<i>Установление значений терминов</i>	
The most important property of cotton is its staple length, that is, the length of the individual fibers comprising the fabric.	Самая важная характеристика хлопка – это длина волокна, то есть длина отдельных частичек, составляющих вместе ткань.
<i>Развернутые сравнения</i>	
Think of your closet like a house that needs a top-to-bottom renovation. Before you can paint the walls and install new floors, you need to strip off that ugly wallpaper, tear up the old carpet, and get rid of broken, rusty hardware.	Смотрите на свой гардероб как на дом, который нуждается в капитальном ремонте. Прежде чем красить стены и перекладывать полы, нужно содрать уродливые обои и старый ковролин и избавиться от ржавого и поломанного старья.
<i>Дробный синтаксис</i>	
If you want to keep wearing a capsule wardrobe for the foreseeable future, either because you love the simplicity of it or have a work capsule, a good time frame to rebuild is every three months, to keep your wardrobe tailored to the weather.	Если вы не собираетесь отказываться от этой концепции в обозримом будущем (например, вам нравится простота капсульного гардероба или вы используете его для работы), я советую обновлять его раз в три месяца – просто чтобы ваша одежда соответствовала сезону.

помощи средств выразительности (эпитеты, ирония): *defining your unique aesthetic and perfecting your wardrobe* – сосредоточиться на совершенствовании своего уникального стиля; *represents your personal style to a tee* – максимально полно отражает вашу индивидуальность; *unless you have an unlimited budget (and who does?)* – если, конечно, вы не обладатель бездонного кошелька.

Указанные ценности переносятся в текст перевода при помощи тех же средств, в некоторых случаях имплицитно выраженные ценности эксплицируются за счет лексем с положительной и отрицательной коннотацией:

a pretty good idea of what you want your overall wardrobe to look like by now – довольно ясное представление о своем идеальном гардеробе;
doesn't mean you have to wait that long until you can start dressing according to your personal style – еще не значит, что вы не можете начать одеваться в своем индивидуальном стиле;
what's not such a good idea is spending a lot of money on new clothes – просто сама идея тратить кучу денег на новые вещи... – не очень-то удачная;
it's better to wait before spending a lot of money – не торопитесь спускать все сбережения на новую одежду.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основе дискурсивно-коммуникативной модели выявлены доминанты перевода двух книг индустрии моды. Среди общих для обоих текстов доминант перевода отмечаются

информационность, диалогичность, экспрессивность коммуникации, использование коммуникативных стратегий манипуляции и самопрезентации. Можно предположить, что перечисленные доминанты перевода могут быть экстраполированы на дискурс моды в целом.

Также были выделены доминанты перевода, свойственные каждому из текстов. Для первого анализируемого текста это ориентация на гендерную принадлежность и телосложение реципиента, для второго – ценности «индивидуальность» и «бережливость», интердискурсивность (связь дискурса моды с учебным дискурсом) и метаязыковая функция коммуникации.

В текстах перевода для реализации указанных доминант в основном используются те же средства, что и в исходных текстах, например, разговорная лексика, вопросно-ответная форма, апелляция к авторитету, терминология индустрии моды, средства выразительности, отрицательно и положительно окрашенная лексика. В случаях, где сохранить ключевые особенности оригинала не удается, применяется компенсация и иные средства, позволяющие добиться равноценного коммуникативного эффекта. Например, французские заимствования передаются при помощи англизмов, а негативное отношение автора к определенным видам одежды выражается не только за счет лексики с отрицательной коннотацией, но и за счет диминутивов, передающих иронию.

Безусловно, для определения доминант перевода, типичных для дискурса моды в целом, необходима более репрезентативная выборка, что составляет перспективу исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Башкатова Д. А. Современный русский дискурс моды: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
3. Болотова Ю. С., Мороз Н. Ю. О стратегиях и тактиках дискурса моды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. Вып. 20 (759). С. 23–32.
4. Криворот В. В., Василюк А. С. Специфика дискурса моды и особенности его перевода с английского на русский язык // Наука и инновации в XXI в.: актуальные вопросы, открытия и достижения: сборник статей IV Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 3. 2017. С. 21–23.
5. Губина В. В. Современный русскоязычный дискурс моды как проблема филологической топологии // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. 4. 2014. С. 91–97.
6. Сыромолотова Е. М., Поморцева Н. П. Проблема перевода текстов в сфере моды с английского на русский язык // Terra linguae: сборник научных статей. Вып. 2. 2015. С. 168–171.
7. Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель как система детерминант стратегии перевода: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2022.

REFERENCES

1. Bashkatova, D. A. (2010). Sovremennyy russkiy diskurs mody = Modern Russian fashion discourse: abstract of PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)

2. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
3. Bolotova, Yu. S., Moroz, N. Yu. (2016). On the strategies and tactics of fashion discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 20(759), 21-32. (In Russ.)
4. Krivorot, V. V., Vasilyuk, A. S. (2017). Specific features of the discourse of fashion and peculiarities of its translation from English into Russian. Nauka i innovatsii v XXI veke: aktual'nyye voprosy, otkrytiya i dostizheniya (pp. 21-23): proceedings of the IVth International scientific and practical conference, part 3. (In Russ.)
5. Gubina, V. V. (2014). Modern Russian language fashion discourse as a subject of philological topology. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics and intercultural communication, 4, 91-97. (In Russ.)
6. Syromolotova, E. M., Pomortseva, N. P. (2015). The problem of translating fashion texts from English into Russian. Terra linguae: collection of scientific articles, 2, 168-171. (In Russ.)
7. Volkova, T. A. (2022). Diskursivno-kommunikativnaya model' kak sistema determinant strategii perevoda = Discourse and communication translation model as a system of translation strategy determinants: Senior Doctoral thesis in Philology. Nizhny Novgorod. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волкова Татьяна Александровна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода

Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

профессор кафедры теории и практики перевода и коммуникации

Московского педагогического государственного университета

Рудь Дарья Дмитриевна

ассистент кафедры теории и практики английского языка и перевода

Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Volkova Tatiana Aleksandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor

Professor at the Department of the English Language and Translation Theory and Practice

Linguistics University of Nizhny Novgorod

Professor at the Department of Translation and Communication Theory and Practice

Moscow State Pedagogical University

Rud Daria Dmitrievna

Lecturer at the Department of the English Language and Translation Theory and Practice

Linguistics University of Nizhny Novgorod

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.07.2025
25.08.2025
09.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК [811.14=811.161.1]:81'25

Переводческие трансформации глагольной и именной областей в паре «русский – греческий»

А. Ю. Гришин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
grishinaj@yandex.ru

Аннотация.

Цель работы состоит в исследовании изменения модели валентности в новогреческом языке с конъюнктивной на дизъюнктивную в качестве фактора, вызывающего переводческие трансформации в паре русский-греческий. Реорганизация синтаксической связи глагольного узла, а также изменения в именной области создают предпосылки для регулярных переводческих трансформаций, как на уровне синтаксиса, так и на уровне лексем и морфем. Для проведения исследования были использованы четыре греческих текстовых корпуса, к материалам которых были применены сравнительно-типологический, структурно-семантический, контекстуальный и другие методы.

Ключевые слова: актантная структура, конъюнктивная валентность, дизъюнктивная валентность, атрибутивные модели, функции артикла, переводоведение

Для цитирования: Гришин А. Ю. Переводческие трансформации глагольной и именной областей в паре «русский – греческий» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 39–45.

Original article

Translation Transformations of the Verbal and Nominal Domains in the Pair “Russian – Greek”

Alexey J. Grishin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
grishinaj@yandex.ru

Abstract.

The purpose of the article is to analyze the change in the valence model in Modern Greek from conjunctive to disjunctive as a factor causing translation transformations in the Russian-Greek pair. The reorganization of the syntactic connection of the verbal node, as well as changes in the nominal domain, create the prerequisites for regular translation transformations, both at the level of syntax and at the level of lexemes and morphemes. To conduct the study, four Greek text corpora were used, to the materials of which comparative-typological, structural-semantic, contextual and other methods were applied.

Keywords:

актантная схема, конъюнктивная валентность, дизъюнктивная валентность, атрибутивные модели, функции артикла, переводоведение

For citation:

Grishin, A. J. (2025). Translation transformations of the verbal and nominal domains in the pair “Russian – Greek”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 39–45. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследование переводческих трансформаций имеет двойкий характер: на теоретическом уровне оно представляет возможность точного описания языка методом его сопоставления с другим языком или даже языками, а на практическом – позволяет формировать у обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение» паттерны, обеспечивающие адекватный перевод. Настоящая работа представляет собой прямое продолжение типологического исследования переводческих трансформаций [Гришин, 2024]. В данной статье продолжается исследование механизмов актантной деривации, которая не исчерпывается рассмотренной ранее лабильностью; еще одним таким механизмом служит дизъюнктивизация валентности, то есть замена конъюнктивной валентности на дизъюнктивную. Кроме того, в рамках исследования представляется важным анализ переводческих трансформаций именной области, что предполагает рассмотрение особенностей изменения структур именных групп и их компонентов при переводе. Продолжение исследования в этом направлении позволяет разработать в комплексе типологию переводческих трансформаций в указанной паре языков. Для достижения этой цели потребовалось проследить параллельные процессы упрощения морфологии глагола, перестройки синтаксиса глагольного узла, а также изменений в именной области. Задачи настоящего исследования состоят в следующем:

1) рассмотрение перехода греческого языка с конъюнктивной валентности на дизъюнктивную как фактора образования переводческих трансформаций с применением таких методов, как сравнительно-типологический, структурно-семантический, контекстуальный и другие;

2) выявление факторов в именной области, приводящих к регулярным переводческим трансформациям в паре «русский – греческий» путем дистрибутивного, сравнительно-сопоставительного, контекстуального анализа, а также методов корпусного лингвистического исследования.

Разработка типологии переводческих трансформаций в языковой паре «русский – греческий» не только предопределяет новизну и практическую значимость исследования, но и в целом вносит свой вклад в формирование теоретической базы сравнительно-сопоставительного лингвистического анализа и переводоведения, а также практической методологии обучения переводу. Для достижения репрезентативности и достоверности исследования автором были использованы Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).

ги) и четыре греческих текстовых корпуса (около 30–40 млн слов каждый), варьирующихся по охвату различных типов источников):

Σώμα Ελληνικών Κειμένων (корпус греческих текстов)¹,

Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας (Национальный тезаурус греческого языка)²,

Πύλη για την Ελληνική Γλώσσα (Портал в греческий язык)³,

Корпус новогреческого языка *Corpus of Modern Greek*, созданный М. Кассилиером и Т. Архангельским⁴.

ПЕРЕХОД ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА НА ДИЗЪЮНКТИВНУЮ ВАЛЕНТНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Понятие валентности было введено и разработано С. Д. Кацнельсоном [Кацнельсон, 1987] в конце 40-х годов XX века на материале русского языка и затем внедрено в европейскую лингвистику филологом-славистом Л. Теньером [Теньер, 1988]. В соответствии с их концепциями глагольный узел определяет всю синтаксическую структуру предложения. Значение глагола предопределяет событийную схему, распределяет между актантами их семантические роли и приписывает каждому отдельному месту валентности свою грамматическую форму. При этом места валентности могут заполняться по отдельности. Такое независимое друг от друга присоединение зависимых членов имеет характер конъюнкции. Однако, в отдельных случаях выявляются примеры взаимоисключающего заполнения различных синтаксических мест валентности одним и тем же семантическим актантом. Ю. Д. Апресян, исследуя это явление, вводит понятие дизъюнкции при описании валентности глагола⁵. Следует отметить, что это явление представляется для русского языка периферийным, в то время как в новогреческом устройство глагольной валентности по принципу дизъюнкции становится преобладающим фактором.

Система глагольной валентности в древнегреческом языке принадлежала к ярко выраженному

¹URL: <http://www.sek.edu.gr/login?next=%2F> (дата обращения: 25.08.2025).

²URL: https://hnc.ilsp.gr/index.php?current_page=main&lang=en (дата обращения: 25.08.2025).

³URL: <https://www.greek-language.gr/greekLang/index.html> (дата обращения: 25.08.2025).

⁴URL: <http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?ysclid=1zpdlnqfae75946033> (дата обращения: 25.08.2025).

⁵По определению Ю. Д. Апресяна, дизъюнкция является синонимическим средством языка. Среди примеров, приводимых ученым, есть, в частности, «Учить студентов математике» и «Учить студентов управлять комбайном». Можно привести и поливариантные примеры вроде «почесать кота за ухом», «почесать коту за ухом» и «почесать коту ухо» [Апресян, 1995, с. 84].

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

конъюнктивному типу, подобно тому, как это происходит в русском языке, например: *платить за что кому что / чем*. В новогреческом языке это значение безальтернативно закрепилось за словом *πληρώνω*. Изначально это слово обозначало *наполнять*, в том числе предусмотренную для оплаты меру. Поскольку лексемы этого семантического круга формируются уже на достаточно развитом этапе социализации, в древнегреческом языке оставалось еще несколько слов со значением *платить*, так что наряду со словом *πληρώ* в этом значении использовались *τίνω*, *ἀποδίδωμι* и др. При всем различии их происхождения и этимологии они демонстрировали схожее управление, поскольку за актантом-бенефициаром была закреплена форма дательного падежа (*τινί*), актант, передающий стоимость или платежное средство, занимал место прямого дополнения (*τι*) и, наконец, актант, соответствующий предмету приобретения (*за что?*), вводился аналогичным союзом *ἀντί*. Таким образом, мы имеем дело с четырехвалентными (четырехместными или четырехактантными, считая агентс) глаголами, все линии валентности которых не пересекаются между собой, но остаются постоянными и могут актуализироваться независимо друг от друга. Места валентности древнегреческого глагола (как и русского) остаются неизменными по форме синтаксической связи независимо от заполненности других мест, что удовлетворяет понятию конъюнктивной валентности.

В новогреческом языке наблюдается совсем иная картина. Глагол *πληρώνω* в своем двухактантном употреблении (т. е. с агентсом и пациентом) демонстрирует дизъюнктивную валентность, поскольку позицию прямого дополнения в винительном падеже может занимать как агентивный пациент, обозначающий лицо, которому платят за работу, так и неодушевленный пациент:

Πληρώνω τὸν υδραυλικό (Acc). – Я плачу сантехнику. *Πληρώνω τῇ δουλειᾷ* (Acc) – Я плачу за работу / оплачиваю работу.

Изменчивость линий валентности легко прослеживается при трехактантном употреблении этого глагола. Если требуется сказать: *платить кому за что*, то агентивный пациент занимает место непрямого дополнения (*ἐμεόσο αντικείμενο*), соответствующего дательному падежу:

Πληρώνω τῇ δουλειᾷ (Acc) *στὸν υδραυλικό* / *Τὸν πληρώνω τῇ δουλειᾷ*. – Плачу сантехнику за работу / Ему плачу за работу.

Здесь слово *δουλειά* (*работа*) в позиции прямого дополнения принимает форму винительного падежа, а слово *υδραυλικός* (*сантехник*) образует предложную конструкцию, трактуемую в новогреческой грамматике как *έμεόσο αντικείμενο* – непрямое или косвенное дополнение, которое функционально заместило утраченный дательный падеж.

Трехактантное употребление больше соответствует схеме управления русского предложения с поправкой на то, что в гомологичном русском высказывании вместо слова *платить* использовалось бы слово *оплачивать*, например: *оплачивать работу сантехнику*. И, наконец, четырехактантное употребление максимально приближается по синтаксису к древнегреческому и русскому:

Πληρώνω μεγάλο ποσό (Acc.) *στὸν υδραυλικό* (непр. дополнение = дат.) *για τῇ δουλειᾷ*. – Плачу большую сумму (вин.) сантехнику (дат.) за работу.

Τὸν (непр. доп. = Dat) *Πληρώνω μεγάλο ποσό* (Acc) *για τῇ δουλειᾳ*. – Ему (дат.) плачу большую сумму (вин.) за работу.

Важно понять, что третье место (*сантехнику – στὸν υδραυλικό*) не является самостоятельным и принимает такой вид только при реализации второго места (*работу – τῇ δουλειᾳ*). Таким образом, соотношение актантов (услуги, бенефициара и платежного средства) и предусмотренных для них синтаксических мест (прямого дополнения, косвенного дополнения и предложной конструкции) не оказывается фиксированным по умолчанию, как в русском языке. При отсутствии в синтаксическом построении высказывания актанта услуги актант бенефициара займет позицию прямого дополнения, приняв соответствующую грамматическую форму, а именно – винительного падежа без предлога.

Здесь представляется уместным говорить о прототипическом дополнении, которое при полной речевой актуализации событийной схемы вытесняет все остальные актанты с позиции прямого дополнения. Как было продемонстрировано, при трехчленной схеме актант услуги вытесняет актант бенефициара с позиции прямого дополнения, однако и сам оказывается вытесненным оттуда актантом платежного средства при четырехчленной схеме. При полной речевой актуализации данной событийной схемы иное синтаксическое выражение семантики актантных ролей невозможно, что и подтверждает наше предположение о прототипическом дополнении, лежащем в основе всего грамматического строя предложения. Именно этот принцип и делает полностью реализованную

новогреческим языком событийную схему схожую с древней формой языка, а также и с русским языком. Тем не менее при реализации двухместной схемы (подлежащее и дополнение при глаголе) любой из трех участников ситуации (кроме субъекта-агенса) может занять синтаксическую позицию прямого дополнения, что было бы невозможно в языках с фиксированной валентностью, как русский или древнегреческий.

Механизм валентности в новогреческом языке действует скорее по принципу вытеснения, чем по принципу дизъюнкции. При формировании глагольного узла главным фактором оказывается степень прототипичности актантов в качестве прямого дополнения. Остальные актанты будут подстраиваться под сложившуюся конфигурацию. Речь не идет о понятии дизъюнктивной валентности в узком смысле этого слова, который вкладывал в данный термин Апресян [Апресян, 1995]. Употребление какого-либо из актантов в качестве прямого дополнения не исключает использования остальных участников ситуации в других позициях. Таким образом, исключительность или дизъюнктивность проявляется только в возможности для актанта занять определенную синтаксическую позицию, но тем актантам, которые он вытеснил с этой позиции, также выделяется место в структуре предложения.

В русском языке с его конъюнктивной валентностью, предполагающей фиксированные места, мы имеем жесткую взаимосвязь между семантической и синтаксической валентностью. Семантическая валентность определяет синтаксическую, распределяя актанты по валентным местам в зависимости от их значения. В новогреческом валентные места заполняются по мере употребления актантов, так что глагольный узел формируется в большей степени благодаря смысловому взаимодействию актантов между собой, чем в силу определенных семантикой глагола синтаксических предустановок его валентностей.

Возвращаясь к приведенному выше примеру, нельзя не указать на возможность альтернативного построения при трехактантном заполнении: *Πληρώνω τον υδραυλικό για τη δουλειά / Τον πληρώνω για τη δουλειά*, при котором актант исполнителя-бенефициара оказывается в позиции прямого дополнения, а выполняемая им работа отодвигается на второй план, передаваемый предложной конструкцией.

Глаголов, обладающих подобным плавающим управлением, в новогреческом языке насчитывается достаточно много. К ним относятся такие трехместные глаголы, как *διευκολύνω* (облегчать кому/что), *σερβίρω* (подавать, сервировать кому/

что), *εμπνέω* (вдохновлять, навеивать кому/что) и др. По логике новогреческого синтаксиса можно облегчить работу, но можно и человека, который ее выполняет, сервировать можно не только обед, но того, кому его подают, вдохновлять можно как идею, так и автора и т. д. Но при использовании схемы с двумя актантами один займет синтаксическое место прямого дополнения, а другой – косвенного. Есть и двухместные глаголы, вроде *κλέβω* (крадь / обкрадывать) или *σπέρω* (сеять / засевать), также свободно варьирующие предмет кражи или посева с актантом, обозначающим владельца украденного предмета или поле в позиции прямого дополнения.

Среди русских соответствий подобным греческим глаголам лишь глаголы *спрашивать* и *учить* допускают использование в позиции прямого дополнения как предмета вопроса или обучения, так и лица, от которого ожидается получение ответа или образования соответственно. Эти довольно редкие для русского языка модели управления помогают понять устройство глагольного управления в греческом. Выбор одушевленного или неодушевленного актанта в позиции прямого дополнения в греческом языке в большинстве случаев требует от русского перевода замены лексемы, так что речь идет о переводческой трансформации.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ИМЕННОЙ ОБЛАСТИ

Как показывает предшествующее исследование [Гришин, 2024], синтаксические изменения глагольного узла и актантная деривация обусловливают наибольшее количество переводческих трансформаций в паре «русский – греческий»; тем не менее именная область также представляет материал для регулярных перестроений при переводе. Разумеется, в данной языковой паре, как и в любой другой, встречается довольно много случаев генерализации, конкретизации и других случаев несоответствия, вызванных полисемией, однако они не носят регулярного характера, оставаясь переводческими трансформациями на уровне отдельных лексем¹. Помимо них можно выделить особый тип переводческих трансформаций, вызванный дефективностью образования прилагательных в новогреческом языке. В русском прилагательные образуются от подавляющего большинства существительных, в то время как в греческом языке по ряду причин

¹Подобного рода лексические трансформации описаны в исследовании Электры Филиппиду [Филиппиду, 2024] и в теоретической части учебника по теории перевода [Тресорукова, Гришин А., Гришин Д., 2022].

значительное количество имен не имеет атрибутивной деривации. В связи с этим десятки словосочетаний, среди которых *автобусная остановка*, *автомобильное сиденье*, *комнатная температура*, *древесный лист*, *кухонная мебель*, *правовое государство* и т. д., образуются в греческом языке при помощи двух существительных, одно из которых принимает форму родительного падежа без артикля. Эта модель оказывается настолько продуктивной, что приживается в греческом даже в случаях образования соответствующего прилагательного. Так, например, такие словосочетания как *солнечные очки*, *насильственные преступления*, *скоростная магистраль* или *аудиофайл* образуются по той же модели с использованием формы родительного падежа без артикля, невзирая на наличие в греческом языке прилагательных *солнечный*, *насильственный*, *скоростной* и *звуковой*.

Данная модель оказывается продуктивной и при титулованиях: Князь Московский – *Δούκας Μόσχας* (князь Москвы), Митрополит Закинфский – *Μητροπολίτης Ζακύνθου* (митрополит Закинфа). В греческом языке образование прилагательных от топонимов не носит регулярный характер, поэтому титулования по определению представляют собой отдельный вид переводческих трансформаций.

Приведенный выше ряд однотипных сочетаний двух существительных, одно из которых принимает форму родительного падежа без артикля, оказывается сродни падежной функции *Genetivus Qualitatis* в латинском языке. Особая роль здесь отводится артиклю, точнее его отсутствию, поскольку нулевой артикль в этой позиции указывает на атрибутивную роль существительного. Поэтому словосочетание *στάση λεωφορείου* без артикля следует переводить как *автобусная остановка*, а *στάση του λεωφορείου* – как *остановка автобуса*. Данные словосочетания не являются коннотативно равнозначными, поскольку вариант *остановка автобуса* предполагает, что автобус попадает в фокус высказывания (например: *Встретимся на остановке автобуса и поедем на экскурсию*), а на *автобусной остановке* можно, допустим, укрыться от дождя. Фраза *укрыться от дождя на остановке автобуса* и в русском языке выглядит избыточно детализированной, поскольку безосновательно считать, будто автобусная остановка защищает от осадков лучше по сравнению с троллейбусной или трамвайной. Артикль сам по себе также является, уже в силу его отсутствия в русском языке, источником переводческих трансформаций. В древнем языке ему принадлежала синтаксическая роль: он указывал, в частности, на субъектную функцию в оборотах вроде

двойного винительного и двойного именительного, субстантивировал инфинитивные конструкции и т. д. В новогреческом языке артикль разился в инструмент передачи тема-рематических отношений, которые в русском языке передаются порядком слов.

Есть, однако, в новогреческом языке, и такие функции артикля, для которых русский язык сохранил традиционные средства смысловыражения. Речь идет о категории определенности и полноты совершения действия по отношению к объекту. Одной из главных возможностей русского языка в этом отношении служит использование родительного падежа в качестве дополнения, передающего количественную неопределенность: *выпил молоко* – *выпил молока*, *взял деньги* – *взял денег*. В новогреческом языке это отличие передается наличием и отсутствием определенного артикля: *Ήπιε το γάλα* – *Ήπιε γάλα* и *Πήρε τα λεφτά* – *Πήρε λεφτά*. Использование русским языком родительного падежа для выражения неполноты действия гомологичны частичному артиклю во французском языке. Для русского языка это далеко не единственный способ отражения количественной неопределенности, которая может передаваться также глагольными приставками или видом глагола. В новогреческом языке единственным способом выражения категории полноты совершения действия в отношении объекта остается артикль: *покупает акции* – *Αγοράζει μετοχές*, *скупает акции* – *Αγοράζει τις μετοχές* или *брал деньги* – *Πήρε λεφτά*, *взял деньги* – *Πήρε τα λεφτά*.

Большой интерес представляют переводческие трансформации, обусловленные отрицанием. В частности, русский язык выработал весьма гибкую, практически не ограниченную никакими условностями систему отрицания, в то время как в новогреческом языке, напротив, возможности отрицания предельно сужены. Отрицательная частица *δεν* сочетается только с глаголом, поэтому для указания на то слово, к которому по смыслу относится отрицание, пришлось выработать особые синтаксические механизмы. Одним из основных таких механизмов служат сильные формы местоимений. Не принимая отрицания сами по себе, они, тем не менее, указывают на то, что отрицание при глаголе относится именно к ним. Так, фраза из известного кинофильма «Заметьте, не я это предложил!» имеет единственно возможный перевод, в котором отрицательная частица *δεν* сочетается с глаголом, а принадлежность отрицания местоимению проясняется использованием сильной формы местоимения: «*Προσέξτε, δεν το πρότεινα εγώ!*» Очевидно, что такого рода

ситуации возникают постоянно, создавая повод для регулярных переводческих трансформаций.

Другим таким механизмом служит противопоставление с использованием того члена, к которому относится отрицание. В случае совершения действия другим лицом, а не тем, о котором можно было подумать, отрицание, тем не менее, ставится при глаголе: *Δεν πλήρωσε το γεύμα ο Κώστας*. На то обстоятельство, что обед всё же оплачен, пусть и не Костасом, указывает лишь эмфатическая позиция, которую занимает соответствующий актант в конце предложения. Окончательно прояснить ситуацию способно лишь противопоставление, которое в новогреческом языке может быть построено по большому и по малому кругу:

Ο Κώστας δεν πλήρωσε το γεύμα το πλήρωσε ο Νίκος (букв.: 'Костас не оплатил обед, его оплатил Никос').

Δεν το πλήρωσε ο Κώστας, αλλά ο Νίκος (букв.: 'Его не оплатил Костас, но Никос').

Отрицательная частица и в том, и в другом случае продолжает использоваться при глаголе; однако в первом случае повторяется вся глагольная группа, контраст подлежащих при которой и указывает на истинное место отрицания, а во втором случае противопоставление строится по упрощенной схеме при помощи противительного союза *αλλά*.

Еще одна регулярно возникающая ситуация, в которой неизбежно приходится прибегать к переводческим трансформациям, обусловлена тенденцией греческого языка избегать слов с негативным значением. Так, носитель греческого языка вместо «Я плохо говорю по-русски» скажет «Δε μιλάω καλά Ρωσικά» (букв.: «Не говорю хорошо по-русски»), вместо «Мой дядя плохо слышит» «Ο θείος μου δεν ακούει καλά» (букв.: «Мой дядя не слышит хорошо») и вместо «У меня мало денег» – «Δεν έχω πολλά λεφτά» (букв.: «Не имею много денег»). Использование в подобных контекстах негативных членов оценочных бинарных оппозиций исказило смысл фраз, которые перестали бы звучать нейтрально, а приобрели бы нежелательные коннотации. Вследствие этой тенденции использовать слова с позитивным значением, а негативный смысл передавать через отрицание при глаголе, слова с позитивным значением встречаются в речи значительно чаще, чем их пары. Так, корпус греческого языка *Πύλη για την ελληνική γλώσσα* (greek-language.gr) на запрос по слову *καλά* (хорошо) выдает 193 контекста, в то время как соответствующие антонимы с негативным значением *κακά* и *άσχημα* дают

60 и 39 контекстов. Даже такие расхожие фразы, как «мне хорошо» и «мне плохо» в равной мере передаются позитивным наречием с отрицанием при глаголе во втором случае: *Είμαι καλά / Δεν είμαι καλά*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, остается заключить, что и в процессе перестройки глагольного узла, и в именной области семантика предопределяет синтаксическое строение, а синтаксис, в свою очередь, превалирует над морфологией. Как в глагольном узле новогреческого языка одни и те же актанты свободно занимают различные синтаксические позиции без всякого морфологического маркирования, так и в именной области существительное выполняет атрибутивную функцию без образования прилагательного морфологическим способом.

Рассмотрев механизмы дизъюнктивизации валентности как фактора образования переводческих трансформаций в паре «русский – греческий», мы пришли к выводу, что при смене традиционной модели управления, а именно – конъюнктивной валентности с совместимыми друг с другом фиксированными местами на новую модель (при которой одни актанты вытесняют другие с одних и тех же синтаксических позиций, оказывая при этом прямое влияние на управление глагола и опосредованное – на его семантику), происходит существенное ослабление глагольной доминанты. В классических моделях Кацнельсона и Терньера глагол директивным образом предопределяет построение всего предложения, образуя его в равной степени семантический и синтаксический узел; при новой, дизъюнктивной, а скорее, комбинаторной модели, совокупность и соотношение второстепенных актантов определяют строй предложения. Перспективы дальнейшего исследования должны включать в себя также рассмотрение влияния структур языка на системность мышления и на формирование картины мира, поскольку «отдельные этнические языки по-разному влияют на человеческое мышление и приписывают ему различные картины мира» [Костюхин, 2023, с. 57].

Особое значение имеют переводческие трансформации именной области в паре «русский – греческий», реализующиеся в рамках полисемии. Такого рода трансформации проявляются на уровне отдельных лексем, различная презентация денотатов которых также может указывать на их структурное и концептуальное воздействие на формирование картины мира.

Регулярные же переводческие трансформации в паре «русский – греческий» в именной области связаны прежде всего с дефективностью образования прилагательных в греческом языке и с функциональной ролью артикля. Соответственно, в качестве перспективы дальнейшего исследования видится более предметный анализ влияния

переводческих трансформаций на семантическую динамику и когнитивную репрезентацию мира у носителей обоих языков. При этом важно учитывать роль культурных и исторических факторов, которые обуславливают особенности языковой картины мира и, следовательно, влияют на реализацию механизмов перевода и коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Гришин А. Ю. Типология переводческих трансформаций в паре русский – греческий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 32–39.
- Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкоznания. 1987. № 3. С. 20–32.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
- Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е и зд., испр. и доп. М.: Восточная литература, РАН, 1995.
- Филиппиду Э. Имплицитность / эксплицитность смысловыражения лексических единиц в новогреческом языке в соотношении с русским // Глобальный научный потенциал. 2024. № 10 (163). С. 309–312.
- Тресорукова И. В., Гришин А. Ю., Гришин Д. А. Теория и практика перевода на материале греческого языка. М.: Изд-во МГУ, 2021.
- Костюхин А. А. Основные причины создания конструированных языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 55–61.

REFERENCES

- Grishin, A. Yu. (2024). Typology of translation transformations in the Russian-Greek pair. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 12(893), 32–39. (In Russ.)
- Katsnelson, S. D. (1987). On the concept of valence types. *Questions of linguistics*, 3, 20–32. (In Russ.)
- Ten'er, L. (1988). *Osnovy strukturnogo sintaksisa = Basics of Structural Syntax*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannye trudy. Tom I. Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka = Selected Works (Vol. I)*. Lexical Semantics: Synonymous Means of Language. 2nd ed., rev. and additional. Moscow: Vostochnaya literatura, RAN. (In Russ.)
- Philippidu, E. (2024). Implicitness / explicitness of the meaning-expression of lexical units in the Modern Greek language in relation to Russian. *Global scientific potential*, 10(163), 309–312. (In Russ.)
- Tresorukova, I. V., Grishin, A. Yu., Grishin, D. A. (2021). *Teoriya i praktika perevoda na materiale grecheskogo yazyka = Theory and practice of translation based on the Greek language*. Moscow: Izdatel'stvo MGU.
- Kostyukhin, A. A. (2023). The main reasons for the creation of constructed languages. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 12(880), 55–61. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришин Алексей Юльевич

кандидат философских наук

доцент кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grishin Alexey Yulievich

PhD in Philosophy

Associate Professor at the Department of the Scandinavian, Dutch and Finnish Languages
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.07.2025
25.08.2025
09.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'373:811.113.6

Роль экстралингвистических факторов в формировании новейшей лексики шведского языка

Е. Л. Жильцова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
el-zhilc@yandex.ru

Аннотация.

Цель настоящего исследования – выявить, как изменения в разных областях жизни человека и общества влияют на формирование словарного состава шведского языка. Материалом для анализа послужили неологизмы, зафиксированные в шведском языке в 2022–2024 годах и опубликованные на сайте Шведского языкового совета и в лингвистическом журнале *Språktidningen* («Спроктиднинген»). В результате исследования был выделен ряд тематических групп новейшей шведской лексики, связанных с новыми явлениями в общественно-политической жизни в стране и в мире, такими как обострение политической и экономической ситуации, энергетический кризис, проблемы экологии и климата, искусственный интеллект. Для анализа материала использовался метод синхронного социолингвистического описания.

Ключевые слова: шведский язык, лексика, неологизм, экстралингвистические факторы, тематическая группа

Для цитирования: Жильцова Е. Л. Роль экстралингвистических факторов в формировании новейшей лексики шведского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 46–52.

Original article

The Role of Extralinguistic Factors in the Formation of the Newest Lexical Units in the Swedish Language

Elena L. Zhil'tsova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
el-zhilc@yandex.ru

Abstract.

The goal of this research is to show how changes in various areas of the life of an individual person and society influence the vocabulary formation of the Swedish language. The data analyzed in this study were the neologisms recorded in the Swedish language in 2022–2024 and published on the website of the Language Council of Sweden and in the linguistic journal “Språktidningen”. During the research a range of theme groups of the new Swedish vocabulary was found, all of which were related to the new events in the social and political life in the country and the world, such as the escalation of the political and economic situation, the energy crisis, ecological and climate problems, artificial intelligence. The method of synchronous sociolinguistic description was used for the analysis of the material.

Keywords:

Swedish language, vocabulary, neologism, extralinguistic factors, theme group

For citation:

Zhil'tsova, E. L. (2025). The role of extralinguistic factors in the formation of the newest lexical units in the Swedish language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 46–52. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Существенное влияние на формирование словарного состава шведского языка оказывают экстралингвистические факторы, в частности, новые явления и тенденции в жизни шведского общества и вызывающие большой резонанс международные события [Савицкая, 2003]. Для обозначения понятий, связанных с данными явлениями и событиями, в шведском языке появляется большое количество новых слов. Списки таких слов ежегодно составляются Шведским языковым советом (*Språkrådet*) и публикуются на сайте Института языка и фольклора¹ (*Institutet för språk och folkminnen*) и в лингвистическом журнале «Спроктиднинген» (*Språktidningen*).

Появившиеся в шведском языке за последние два с половиной десятилетия неологизмы составляют несколько тематических групп, имеющих отношение к самым актуальным сферам современной жизни: информационным технологиям, экологии и изменениям климата, проблемам гендерного равенства [Жильцова, 2019]. Многие слова данной тематики представлены в изданном в 2015 году словаре неологизмов «Новые слова в шведском языке» (*Nyord i svenska*)², однако и после 2015 года в списках новых слов фиксировался ряд неологизмов, принадлежащих к этим тематическим группам. Это, например, *piratbibliotek* (2021)³ «пиратский веб-сайт», на котором можно бесплатно скачивать книги (информационные технологии), или *koldioxidsug* (2021) 'устройство для поглощения двуокиси углерода из воздуха' (экология).

В 2020–2021 годах появился целый пласт новой лексики, связанной с пандемией коронавируса [Жильцова, 2023]. Это, в частности, такие слова, как *vaccinpass* (2021) 'паспорт вакцинированного', *hybridarbete* (2021) 'работа в смешанном формате', *självkarantän* (2020) 'самоизоляция', *coronahund* (2021) 'собака, которую завели во время пандемии коронавируса'.

Материалом для данной работы послужили шведские неологизмы, вошедшие в списки новых слов 2022–2024 годов, всего 99 лексических единиц.

В качестве основных задач исследования можно назвать следующие:

- показать связь новой шведской лексики с экстралингвистическими факторами, т. е. теми процессами, которые происходили

в рассматриваемый период в шведском обществе и мире в целом;

- выделить тематические группы шведских неологизмов, в зависимости от того, какие общественные явления и события они описывают;
- определить перспективы вхождения неологизмов в основной словарный состав шведского языка.

Актуальность исследования определяется тем вниманием, которое в работах по шведской лексикологии уделяется новой лексике в целом [Маслова-Лашанская, 2011], а также влиянию экстралингвистических факторов на образование шведских неологизмов [Савицкая, 2003; Чекалина, 2004; Allén, Gellerstam, Malmgren, 1989].

Новизна работы проявляется в том, что в ней впервые дается описание новейшей шведской лексики в связи с теми экстралингвистическими факторами, которые стали причиной ее появления.

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что она вносит вклад в социолингвистические исследования словарного состава шведского языка.

Практическая ценность исследования заключается в том, что материалы и выводы, содержащиеся в нем, могут быть использованы как в преподавании практического шведского языка, так и при чтении курса по теоретической лексикологии.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НЕОЛОГИЗМОВ

В 2022 году обострилась внешнеполитическая ситуация в Европе в целом и внутриполитическая ситуация в отдельных странах, в том числе в Швеции. Это нашло отражение в новой лексике, появившейся в этом и в последующие годы в шведском языке. На кризисный характер сложившейся ситуации указывает существительное *permakris* (2022), образовавшееся в результате стяжения словосочетания *permanent kris* 'перманентный кризис'. Оно обозначает состояние постоянного кризиса, когда кризисы сменяют друг друга и их начало и завершение невозможно предугадать. В рассматриваемый период такое кризисное состояние было характерно для целого ряда европейских стран и проявлялось в разных областях: во внутренней и внешней политике, экономике, энергетике.

Внешнеполитическая ситуация, военная тематика

В связи с началом в 2022 году вооруженного конфликта в Европе в шведском языке появился ряд неологизмов, имеющих отношение к проведению боевых действий. Это прежде всего лексемы,

¹*Institutet för språk och folkminnen*: [сайт]. URL: <http://www.isof.se/sprak/nyord.html> (дата обращения: 04.07.2025).

²Agazzi B. Nyord i svenska. Stockholm: Morfem, 2015.

³Зд. и далее в скобках указывается, в каком году неологизм вошел в список новых слов.

называющие новые виды оружия, которые ранее не использовались в ходе вооруженных конфликтов. К ним относятся такие слова, как *kamikazedrönare* (2022) 'дрон-камикадзе' и *drakdrönare* (2024) 'дрон-дракон'. Первый компонент сложного существительного *kamikazedrönare* – *kamikaze* – представляет собой заимствование из японского языка. Второй его компонент *drönare* – исконно шведское слово, основное значение которого '(пчелиный) трутень'. Позже данная лексема приобрела переносное значение 'тунеядец, бездельник', а сейчас так называют и появившиеся совсем недавно беспилотные летательные аппараты, дроны. Существительное *drakdrönare* называет один из видов таких беспилотников и представляет собой композит, первым компонентом которого служит форма слова *drake* 'дракон'. Таким образом, всё существительное представляет собой полукальку с украинского языка [Hanell, Karlsson, Svensson, 2025].

К рассмотренным словам примыкает заимствованное из английского языка существительное *vertiport* (2022), которое образовано путем стяжения английского словосочетания *vertical airport* 'вертикальный аэродром'. Так называют аэродром для летательных аппаратов с вертикальным взлетом и посадкой, т. е. для вертолетов и беспилотников.

Наконец, еще одно существительное, имеющее отношение к военной тематике, *krigssponsor* (2023) 'спонсор войны', обозначает предпринимателей, которые ведут бизнес в воюющей стране, выплачивают там налоги и, таким образом подпитывая экономику страны, косвенно помогают ей, предоставляя средства для ведения и продолжения боевых действий.

Внутриполитическая ситуация в Швеции

Довольно много новых слов описывают внутриполитическую ситуацию в Швеции, к сожалению, главным образом с отрицательной стороны. Так, в 2023 году в Швеции прошла целая серия публичных акций, имевших целью осквернение священной книги мусульман Корана. Поскольку шведские власти не препятствовали проведению этих акций, в частности, публичному сожжению Корана, мотивируя это необходимостью обеспечения в обществе свободы выражения любого мнения, это вызвало недовольство и активные протесты мусульман не только в Швеции, но и по всему миру. Возникла сложная политическая ситуация, получившая название *korankris* (2023) 'коранический кризис', для разрешения которой премьер-министру Ульфу Кристерссону в сентябре 2023 года пришлось в рамках проведения сессии

Генеральной ассамблеи ООН встречаться с лидерами мусульманских стран.

В рассматриваемый период и даже чуть раньше в Швеции активизировалась деятельность преступных группировок, во многом связанная с большим наплывом мигрантов. Групповая преступность накладывает отпечаток на внутриполитическую и общественную жизнь, распространяя свое влияние практически на все сферы жизни в стране. Такая ситуация получила название *det svenska tillståndet* (2023) 'положение в Швеции'. Интересно, что это словосочетание заимствовано из норвежского языка, где оно звучит как *svenske tilstander*, и появилось впервые в списке норвежских новых слов в 2017 году. Соответствующее выражение используется и в датском языке. В Финляндии говорят о *den svenska vägen* 'шведский путь' в том же значении.

С преступностью связан и ряд других новых слов, которые изначально появились в бандитском сленге, а затем стали употребляться в средствах массовой информации и в повседневной речи при описании деятельности преступных группировок. Это существительное *klivare* (2023) 'наемник', человек, совершающий за деньги преступления по заказу криминальных структур. Оно образовано от шведского глагола *kliva* 'шагать, ступать', который в сленге имеет значение «быть готовым к совершению преступления, идти на дело». К сожалению, нередко такими наемниками становятся дети и подростки 15 лет и младше. Их называют *barntorped* (2024) 'ребенок-киллер' (букв. 'ребенок-торпеда') и вербуют в течение нескольких часов по телефону или через соцсети. Второй компонент композита *barntorped*, существительное *torped* 'торпеда', обозначает тип подводного снаряда, т. е. предмет, который убивает, и в шведском сленге имеет семантику 'наемный убийца, киллер'. Словосочетание *grön gurta* (2024) (букв. 'зеленая старушка') используется, когда речь идет о молодых девушках, которые никогда не были замешаны в преступной деятельности. Таких девушек преступные сообщества нанимают для выполнения отдельных противоправных поручений, поскольку они находятся вне поля зрения полиции и, как правило, не вызывают подозрений. В данном словосочетании прилагательное *grön* 'зеленый' имеет переносное значение 'молодой, неопытный', а существительное *gurta* 'старуха' приобретает часто используемое в разговорной речи значение 'девчушка, девчонка'. Таким образом, всё словосочетание может быть переведено на русский язык как 'зеленая девчонка' (ср. со словосочетанием 'зеленый юнец' в русском языке). К этой же группе слов относится сложное существительное *tryckarlägenhet* (2024)

(*trycka* 'прятаться, спрятаться' + *lägenhet* 'квартира') 'квартира-укрытие', в которой преступники прячутся до или после совершения преступления.

Экономика

Экономический кризис 2022 года в Швеции, как и во многих других европейских странах, нашел свое выражение в существенном повышении цен на большинство товаров. В Швеции эти высокие цены были названы *magdapriser* (2022) (букв. 'цены Магды') от имени тогдашнего премьер-министра Швеции Магдалены Андерссон. Таким образом, данное слово представляет собой эпоним, т. е. композит, одним из компонентов которого является имя собственное [Vejdemo, 2015].

Во многих случаях повышение цены было существенно больше увеличения расходов на производство товара. Такое повышение цен получило название *smygflation* (2022). Это сложное слово образовано путем стяжения от глагола *smyga* 'красться тайком' и *inflation* 'инфляция'. Аналогичным способом образовано существительное *snikflation* (2023) 'скрытая инфляция' с первым компонентом усеченной формой прилагательного *sniken* 'жадный, алчный'. Оно используется для обозначения процесса, при котором предприятие вместо того, чтобы повышать цены, ухудшает качество товара, уменьшая таким образом свои расходы и увеличивая прибыль.

Энергетика

Поскольку кризис 2022 года в значительной степени затронул энергетику, в шведском языке появился целый ряд слов, относящихся к данной тематической группе.

В связи с неблагоприятным влиянием на климат, а также по политическим причинам многие европейские страны задумались о постепенном сокращении использования ископаемого углеродного топлива и уменьшении зависимости от него. Этот процесс в шведском языке получил название *avkarbonisering* (2022) 'декарбонизация', представляющее собой кальку английского слова *decarbonization*. Одним из признаков такой декарбонизации стала технология, использующая в сельском хозяйстве не традиционные источники энергии, а энергию солнца. Такая технология определяется в Швеции с помощью заимствованного из английского языка прилагательного *agrivoltaisk* (2022) 'основанный на агривольтаике', методе, позволяющем комбинировать сельское хозяйство и солнечную энергию.

Сокращение использования ископаемого топлива привело к увеличению цен на

энергоносители и, в частности, на электроэнергию для потребителей. В связи с этим многие домохозяйства стали вынуждены экономить электричество на отоплении, приготовлении пищи и т. п. Для описания такой ситуации в шведском языке появилось существительное *energifattigdom* (2022), обозначающее недостаточный уровень потребления электроэнергии. Второй компонент данного композита *fattigdom* 'бедность' имеет в его составе переносное значение «недостаток, скучность».

Поскольку энергоснабжение играет в современном обществе ведущую роль как в экономике, так и в повседневной жизни, недостаточные поставки энергии или ее блокада могут быть использованы в качестве средства давления. Когда это происходит, то такая ситуация определяется новым сложным существительным *energikrig* 'энергетическая война'.

Экология и климат

С проблемами энергетики тесно связаны проблемы экологии и климата. Неологизмы этой тематической группы по-прежнему достаточно распространены. В частности, это композиты с первым компонентом *klimat* – 'климат', которые и в предшествующие два десятилетия занимали значительное место среди новых слов шведского языка [Савицкая, 2017].

Так, существительное *klimatbiljett* (2022) букв. 'климатический билет' употребляется, когда речь идет о сезонном билете на общественный транспорт, который продается с большой скидкой, с тем чтобы люди ездили на городском транспорте, а не на личных автомобилях, что позволяет уменьшить выбросы выхлопных газов. Другой композит с тем же первым компонентом *klimatskadestånd* (2022) 'возмещение убытков, вызванных изменениями климата', обозначает финансовую компенсацию, которую получают страны, сильнее всего страдающие от изменения климата.

Существительное *evighetskemikalier* (2023) букв. 'вечные химикалии' называет вещества, которые синтезируются искусственно, накапливаются и не разлагаются в природе, а остаются в ней навсегда, оказывая тем самым крайне негативное воздействие на экологию и климат. Но бывают ситуации, когда хорошая экология в каком-либо районе вредит людям, там проживающим. Это происходит при захвате иностранными государствами территорий и присвоении ресурсов в экологических целях, приводящих к тому, что местные жители нередко вынуждены покидать земли, на которых они живут или зарабатывают себе на жизнь. Данное явление в шведском языке называют *grön kolonialism* (2023)

'зеленый колониализм', словосочетание представляет собой кальку с английского языка.

«Зеленый колониализм» – одна из многих причин, по которым в ряде африканских и азиатских стран наблюдается нехватка продовольствия. Эта ситуация, обострившаяся в последние годы, обозначается в шведском языке посредством композита *matfattigdom* (2022) 'недостаток еды', в составе которого существительное *fattigdom* 'бедность' также употребляется в переносном значении «скучесть, недостаток». Чтобы удовлетворять материальные потребности людей, не вредя природе и экологии, была придумана модель экономической системы, получившая в Швеции название *munkmodell* (2022) (букв. 'монашеская модель'), цель которой – воспитывать у всех людей разумные потребности, которые можно удовлетворять, не выходя за рамки того, что может выдержать наша планета.

Искусственный интеллект

В течение последних нескольких лет начала стремительно развиваться совершенно новая область человеческой деятельности – искусственный интеллект. Чаще всего для обозначения этого явления в шведском языке используется аббревиатура *AI* – сокращение словосочетания *artificiell intelligens*. В 2023 в шведском языке были зафиксированы первые слова, имеющие отношение к профессиональному интеллекту.

Это, в частности, сложное слово *AI-klonad* (2023) 'клонированный посредством искусственного интеллекта', первый компонент которого – аббревиатура, обозначающая искусственный интеллект, а второй – перфектное причастие от глагола *klona* 'клонировать'. Данный композит используется, когда речь идет о музыкальном произведении, тексте или голосе, скопированных с помощью искусственного интеллекта. Словосочетание *generativAI* (2023) 'порождающий искусственный интеллект' описывает искусственный интеллект, который на основании сведений, заложенных в него в ходе тренировки, может создать совершенно новое содержание, например, текст, изображение или музыку.

Интересен глагол *prompta* (2023), образованный от заимствованного английского глагола *prompt* 'побуждать, подталкивать, подсказывать' посредством продуктивного шведского глагольного суффикса *-a*. Этот глагол в шведском языке употребляется в значении 'писать текстовую инструкцию для службы искусственного интеллекта'.

Существительное *cyberresiliens* (2023) – 'киберустойчивость' – обозначает способность интернет-систем противостоять информационно-технологическим и кибератакам искусственного интеллекта

и сохранять при этом свои основополагающие функции.

Последнее из появившихся в шведском языке слов, имеющих отношение к искусственно-му интеллекту, заимствованное из английского языка существительное *slop* (2024) 'отстой'. Этот неологизм используется, когда речь идет о низкокачественных продуктах, сгенерированных искусственным интеллектом.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВХОЖДЕНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В ОСНОВНОЙ СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА

Всегда возникает вопрос, войдут ли новые лексемы в основной словарный состав шведского языка, закрепятся ли в нем. Представляется, что это зависит от того, сохранят ли свою актуальность те явления, которые эти слова обозначают. Так, новая лексика, имеющая отношение к информационным технологиям, уже прочно вошла в словарный состав шведского языка и употребляется как в устной, так и в письменной речи, поскольку большинство людей пользуются и будут пользоваться в дальнейшем интернетом и цифровыми технологиями. Вероятно, такая же судьба ждет и слова, связанные с искусственным интеллектом, поскольку эта область быстро и активно развивается и всё больше внедряется не только в науку и технологии, но и в повседневную жизнь.

В то же время, если посмотреть на такие слова, как *askmoln* 'облако пепла', *asktåg* 'поезд для компенсации отмененных самолетов' и другие композиты с первым компонентом *aska* 'пепел, зола', вошедшие в последний словарь шведских неологизмов¹, то в 2010 году после извержения вулкана в Исландии они были у всех на слуху. Теперь же об этих словах мало кто вспомнит.

Отходит на второй план и лексика, связанная с пандемией коронавируса, поскольку она потеряла свою актуальность. Показательно, что в списках новых слов за 2022, 2023 и 2024 годы нет ни одного неологизма, имеющего отношение к коронавирусной инфекции.

Что касается лексем, вошедших в списки неологизмов за последние три года, то среди них также есть слова, которые вряд ли надолго сохранятся в шведском языке. В качестве примера можно привести существительное *Barbenheimer* (2023), образованное путем стяжения от названий двух фильмов – «Barbie» «Барби» и «Oppenheimer» «Оппенгеймер», пользовавшихся большой популярностью в 2023 году. Этим словом называют

¹Agazzi B. Nyord i svenska. Stockholm: Morfem, 2015.

совместные мероприятия (например, обсуждение), посвященные этим двум фильмам. Очевидно, что когда пик популярности фильмов пройдет, данное слово может выйти из употребления и забыться.

Как считает эксперт Шведского языкового совета Ула Карлссон, в языке остаются те новые слова, которые обозначают понятия, важные для жизни людей, носителей языка, независимо от актуальной политической или экономической ситуации [Karlsson, 2023]. Поэтому, по его мнению, существительное *väntesorg* (2022) (букв. 'скорбь ожидания'), чувство, которое испытывают перед неизбежной потерей близкого человека, вида приближение его смерти, должно сохраняться в шведском языке, поскольку оно выражает возможные переживания каждого человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная в статье лексика далеко не исчерпывает все новые слова, зафиксированные в шведском языке в 2022–2024 годах. Тем не менее проведенное на ее основе исследование убедительно показывает, что семантика и тематическое группирование новых слов в шведском языке тесно связаны с экстралингвистическими факторами – теми процессами, которые происходят в разных областях общественной и политической жизни как в самой Швеции, так и в мире в целом.

В зависимости от того, к какой именно области относятся неологизмы, в работе было выделено несколько их тематических групп. Это лексика,

связанная с внешнеполитической ситуацией, внутриполитическими проблемами Швеции, такими как религиозный кризис и групповая преступность, экономикой, в частности, существенным повышением цен на многие товары, проблемами в области энергетики, экологии и климата, искусственным интеллектом.

С экстралингвистическими факторами связан и процесс закрепления неологизмов в шведском языке. Если те или иные явления не утрачивают своей актуальности, то слова, обозначающие их, сохраняются в языке, как это произошло с лексикой, связанной с информационными технологиями, и, с большой вероятностью, произойдет со словами, имеющими отношение к искусству интеллекту. В то же время, когда явление теряет свою актуальность, как это случилось, например, с пандемией коронавируса, лексика, связанная с ним, отходит на второй план и впоследствии может полностью выйти из употребления.

Очевидно, что состав шведских неологизмов зависит не только от общественно-политических факторов, но и от языковой ситуации в стране. Речь идет, в частности, о широком распространении английского языка в научной, образовательной и ряде производственных сфер, а также об использование мигрантами своих родных языков. Таким образом, исследование влияния языковой ситуации в Швеции на формирование новейшей лексики представляется интересным и перспективным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Савицкая А. В. Модная лексика современного шведского языка // *Philologica Scandinavica*: сб. статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 176–182.
2. Жильцова Е. Л. Новые тенденции развития лексики современного шведского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1 (817). С. 163–174.
3. Жильцова Е. Л. Новейшая шведская лексика: тематические группы, происхождение, особенности словообразования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 35–41. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_4_872_35.
4. Маслова-Лашанская С. С. Лексикология шведского языка. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011.
5. Чекалина Е. М. Новая шведская лексика в зеркале общественных процессов // Скандинавская филология. *Scandinavica*. Вып. VII. СПб: Филол. ф-т СПбГУ, 2004. С. 129–138.
6. Allén S., Gellerstam M., Malmgren S.-G.. *Orden speglar samhället*. Stockholm: Allmänna, 1989.
7. Hanell L., Karlsson O., Svensson A. *Här är orden som bygger bo i svenska* // *Språktidningen*. Stockholm, 2025. № 1. С. 16–24.
8. Vejdemo S. *Odödlighet genom ordet* // *Språktidningen*. Stockholm, 2015. № 6. С. 44–49.
9. Савицкая А. В. Традиционное и новое в современном шведском словообразовании: сборник статей по материалам XLVI Междунар. филол. конф. 13–27 марта 2017 г., Санкт-Петербург. СПб.: ВВМ, 2017. С. 62–68.
10. Karlsson O. *Från pandemi till permakris* // *Språktidningen*. Stockholm, 2023. № 1. С. 26–28.

REFERENCES

1. Savitskaya, A. V. (2003). Fashionable vocabulary of the modern Swedish language. In *Philologica Scandinavica. Collection of Articles on the 100th Anniversary of Mikhail Steblin-Kamensky's Birth* (pp. 176–182). Saint Petersburg: Faculty of Philology of Saint Petersburg State University. (In Russ.)
2. Zhiltsova, E. L. (2019). New Trends in the Development of the Vocabulary of Modern Swedish. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(817), 163-174. (In Russ.)
3. Zhiltsova, E. L. (2023). The newest Swedish vocabulary: theme groups, origin, word-formation peculiarities. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 4(872), 35–41. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_4_872_35. (In Russ.)
4. Maslova-Lashanskaya, S. S. (2011). The lexicology of the Swedish language. Saint Petersburg: Faculty of Philology of Saint Petersburg State University. (In Russ.)
5. Chekalina, E. M. (2004). New Swedish vocabulary in the mirror of social processes. *Scandinavian philology. Scandinavica*, VII, 129–138.
6. Allén, S., Gellerstam, M., Malmgren, S.-G. (1989). *Orden speglar samhället*. Stockholm: Allmänna.
7. Hanell L., Karlsson O., Svensson A. *Här är orden som bygger bo i svenska* (2025). *Språktidningen*. Stockholm, 1, 16–24.
8. Vejdemo, S. (2015). Odödlight genom ordet // *Språktidningen*. Stockholm, 6, 44-49.
9. Savitskaya, A. V. (2017). Traditional and New in Modern Swedish Word Formation. In Proceedings of the XLVI International Philological Conference 13–22 March 2017, Saint-Petersburg (pp. 62–68). Saint-Petersburg: VVM. (In Russ.)
10. Karlsson, O. (2023). *Från pandemi till permakris*. *Språktidningen*. Stockholm, 1, 26–28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жильцова Елена Леонидовна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры германской и кельтской филологии
филологического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhil'tsova Elena Leonidovna
PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the Department of Germanic and Celtic Philology
Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	30.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	09.09.2025	accepted for publication

Научная статья

УДК 81'373:801.673

Четыре лексемы со значением «земля» в «Старшей Эдде» и их древнегерманские параллели

А. Д. Казачкова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

anna.kazachkova99@gmail.com

Аннотация.

Целью работы является подробное исследование четырех лексем, обозначающих землю в песнях «Старшей Эдды», в том числе с точки зрения этимологии, и изучение сохранности этих лексем и их параллелей в современных скандинавских, а также английском и немецком языках. Используемыми методами являются семасиологический метод, метод контекстного анализа и метод этимологического анализа. Материалом исследования служат четыре древнеисландских существительных: *jörð, land, grund* и *bjöð*. В результате исследования найдены типичные контексты, в которых эти лексемы используются в эддических песнях, а также сделаны выводы о сохранности континуантов анализируемых лексем и их древнегерманских параллелей в современных германских языках.

Ключевые слова: древнеисландский язык, древнегерманские языки, «Старшая Эдда», этимология, континуанты, синонимы, земля

Для цитирования: Казачкова А.Д. Четыре лексемы со значением «земля» в «Старшей Эдде» и их древнегерманские параллели // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 53–59.

Original article

Four Words for “Earth” in the Poetic Edda and their Parallels in Old Germanic Languages

Anna D. Kazachkova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

anna.kazachkova99@gmail.com

Abstract.

The purpose of this study is to carefully analyse four words denoting earth in the Poetic Edda, including analysing from the perspective of etymology, and to examine whether they and their parallels have continuants (descendant words) in modern Scandinavian, English and German languages. The approaches used by the author are semasiological approach, contextual analysis and etymological analysis. The material of the research includes four Old Icelandic nouns: *jörð, land, grund* and *bjöð*. As a result, some typical contexts are found, in which these words are used in the eddic poems, as well as the conclusion about the preservation of the continuants of the analysed words and their Old Germanic cognates in modern Germanic languages is drawn.

Keywords:

Old Icelandic language, Old Germanic languages, Poetic Edda, etymology, continuants (descendant words), synonyms, earth

For citation:

Kazachkova, A. D. (2025). Four words for “earth” in the Poetic Edda and their parallels in Old Germanic Languages. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 53–59. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Представленное в статье исследование проводится на материале 10 песен о богах и 19 песен о героях рукописи «*Codex Regius*» (Рейкьявик, Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum, GKS 2365 4°) в издании «Эддиические песни: Эdda Сэмунда» под редакцией Гюдни Йоунссона¹. Всего в текстах песен используется шесть лексем, обозначающих землю: *jörð, land, grund, bjöð, fold* и *mold*. Чтобы провести подробное многостороннее исследование, которое при этом поместилось бы в рамках одной статьи, было принято решение рассмотреть только четыре из этих лексем: *jörð, land, grund* и *bjöð*. Эти четыре отобранные лексемы репрезентативны, потому что представляют как нейтральные, так и поэтические обозначения земли и имеют разную степень сохранности в современных языках. Для каждой анализируемой лексемы приводятся этимологические сведения на древнегерманском и индоевропейском уровнях. Особое внимание уделяется континуантам этих лексем в ряде современных германских языков: исландском, норвежском (букмоле и нюнорске), датском, шведском, английском и немецком.

Актуальность представленного в статье исследования подтверждается высоким интересом к проблемам функционирования синонимов в германских языках Средневековья: например, древнеанглийском [Cronan, 2004], средневерхненемецком [Фомичева, 2022]. Исследования древнегерманских поэтических синонимов ведутся и в контексте проблем перевода [Гвоздецкая, 2020]. Что касается древнеисландского языка, наименования отдельных элементов эддиического ландшафта рассматривались отечественными исследователями [Топорова, 2015; Казачкова, 2024]. Обозначения земли наряду с обозначениями неба в эддиической поэзии в рамках своего обширного исследования эпического слова изучала Т. В. Топорова по специальному разработанной ею схеме описания эпического слова [Топорова, 2011].

Новизна данной работы состоит в том, что исследование лексем со значением «земля» в «Старшей Эдде» впервые проводится с точки зрения их сохранности в современных германских языках, прежде всего скандинавских, значения континуантов этих лексем подробно рассматриваются с опорой на словари соответствующих современных языков. Исследование обладает практической ценностью, поскольку предложенный в нем подход к исследованию синонимов в древнем языке может быть применен для исследования других

¹URL: <https://heimskringla.no/wiki/Eddukv%C3%A6%C3%80i> (дата обращения: 24.07.2025).

синонимических рядов как в древнеисландском, так и в других древних германских языках.

Для достижения цели исследования формулируются следующие задачи:

1) проанализировать различные значения, в которых выделенные лексемы встречаются в песнях «Старшей Эдды», с опорой на словари Р. Клисби и Г. Вигфуссона² и Г. Т. Зойга³, а также на словарь древнескандинавской прозы «Ordbog over det norrøne prosasprog»⁴ в качестве вспомогательного источника. Для решения этой задачи применялся семасиологический метод и метод контекстного анализа;

2) установить типичные контексты, в которых употребляются анализируемые лексемы, и сделать выводы о том, чем обоснован выбор определенного члена синонимического ряда в конкретных случаях с помощью метода контекстного анализа и уделяя внимание аллитерации;

3) привести параллели этих лексем в других древних германских языках, а также этимологические сведения о каждой лексеме по этимологическим словарям Я. де Фриса⁵, В. Лемана⁶, Ю. Покорного⁷, Г. Кронена⁸, Э. Хельльквиста⁹, Н. О. Нильсена¹⁰, Ф. Клюге¹¹, а также «The Oxford Dictionary of English Etymology»¹² и другим релевантным источникам, сделать выводы о сохранности анализируемых лексем в современных германских языках и изучить значения континуантов с опорой на материал словарей «Bokmålsordboka»¹³, «Nynorskordboka»¹⁴, «NAOB»¹⁵, «Den Danske Ordbog»¹⁶, «SAOL»¹⁷, «SO»¹⁸, «SAOB»¹⁹, «Исландско-русского словаря»²⁰, «Cambridge

²URL: <https://cleasby-vigfusson-dictionary.vercel.app/> (дата обращения: 24.07.2025).

³URL: <https://old-icelandic.vercel.app/> (дата обращения: 24.07.2025).

⁴URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php> (дата обращения: 24.07.2025).

⁵Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch: zweite verbesserte Auflage. Leiden: E. J. Brill, 1977.

⁶Lehmann W. P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden: E. J. Brill, 1986.

⁷Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke Verlag Bern und München, 1959. II. Band.

⁸Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden, Boston: Brill, 2013.

⁹URL: <https://runeberg.org/svetym/> (дата обращения: 24.07.2025).

¹⁰Nielsen N. Å. Dansk Etymologisk Ordbog. Gyldendal, 1966.

¹¹Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, New York: De Gruyter, 1989.

¹²The Oxford Dictionary of English Etymology / C. T. Onions (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1966.

¹³URL: <https://ordbokene.no/nno/bm> (дата обращения: 24.07.2025).

¹⁴URL: <https://ordbokene.no/nno/nn> (дата обращения: 24.07.2025).

¹⁵URL: <https://naob.no/> (дата обращения: 24.07.2025)

¹⁶URL: <https://ordnet.dk/ddo> (дата обращения: 24.07.2025).

¹⁷URL: <https://svenska.se/saol/> (дата обращения: 24.07.2025).

¹⁸URL: <https://svenska.se/so/> (дата обращения: 24.07.2025).

¹⁹URL: <https://svenska.se/saob/> (дата обращения: 24.07.2025).

²⁰Берков В.П. Исландско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1962.

Dictionary»¹, «Collins Dictionary»² и «Duden»³. При решении этой задачи применялся метод этимологического анализа.

В этимологических выкладках используются следующие сокращения названий языков:

англ. – английский,
бм. – букмол,
гот. – готский,
др.-англ. – древнеанглийский,
дат. – датский,
др.-в.-нем. – древневерхненемецкий,
др.-ирл. – древнеирландский,
др.-исл. – древнеисландский,
др.-сакс. – древнесаксонский,
др.-фриз. – древнефризский,
и.-е. – индоевропейский,
исл. – исландский,
нем. – немецкий,
нн. – нюнорск,
общ.герм. – общегерманский,
швед. – шведский.

Другие принятые в статье сокращения: сущ. (существительное), ж. р. (женский род), м. р. (мужской род), ср. р. (средний род).

Лексема *jörð*

Древнеисландское существительное ж. р. *jörð* имеет следующие значения: 1) «земля (как противоположность неба)»⁴; 2) «поверхность земли»; 3) «пастбище»; 4) «(рыхлая) почва, земля (вещество)»; 5) «земля, земельное владение». Кроме того, *Jörð* – имя великанши, матери бога Тора. В песнях «Эдды» Тор не раз назван «сыном Ёрд» (*Jardar burr*).

Др.-исл. лексема *jörð* восходит к общ.герм. *егþō- «земля, почва» и имеет германские параллели: гот. *aīþfa*, др.-англ. *eorþ(e)*, др.-фриз. *irthe*, др.-сакс. *erða*, др.-в.-нем. *erda* «земля». Общ.герм. *егþō- является вариантом общ.герм. *егð- с щелевым формантом -þ-, восходящим к и.-е. суффиксу -t-, который имеет значение результата действия. Соответственно, общ.герм. *егðō- – это «земля» как «пахотная», «вспаханная». Эти общ.герм. основы восходят к и.-е. *er- (ег-t-, ег-ȝ-) «земля». Др.-исл. лексема и ее параллели имеют прекрасную сохранность в современных германских языках: исл. *jörð*, бм., нн., дат., швед. *jord*, англ. *earth*, нем. *Erde* «земля». Во всех этих языках данные

¹URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (дата обращения: 24.07.2025).

²URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 24.07.2025).

³URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения: 24.07.2025).

⁴Перевод дефиниций из иноязычных словарей и примеров из «Старшей Эдды» и др. древнетерманных памятников на рус. язык наш. – А. К.

лексемы используются в том числе в качестве названия планеты Земля.

Jörð – основное обозначение земли в древнеисландском языке. Так, именно это слово использовано в заголовке отрывка о кеннигах земли в «Младшей Эдде»: *Jardarkenningar*⁵. В строфе 9 «Речей Альвиса» Тор, спрашивающий у карлика, как в разных мирах называется земля, в вопросе использует именно эту лексему: *hvé sú jörð heitir* – «как та земля зовется». В следующей строфе Альвис говорит, что *jörð* – это слово, которое используется о земле в мире людей: *jörð heitir með töppum* – «*jörð* зовется среди людей».

Противопоставление земли и неба – частотный мотив в песнях «Эдды». Так, в строфе 3 «Прорицания вёльвы» говорится, что в начале времен не существовало «(ни) земли, ни (верхнего) неба» (*jörð fannsk æva // né upphiminn*), а в строфе 2 «Песни о Трюме» Тор говорит Локи, что о похищении молота Мьёлльнира не знают «ни на земле, ни на (верхнем) небе» (*jarðar hvergi // né upphimins*). Такое же противопоставление встречается и в памятниках других древних германских языков, при этом для обозначения земли используются слова, родственные др.-исл. *jörg*. Например, в древневерхненемецкой «Вессобруннской молитве»⁶: *ero ni uuas / noh ufhimil* «(ни) земли не было, ни верхнего неба». Др.-в.-нем. гапакс его является рефлексом общ.герм. *егð- без форманта -þ-.

В значении «поверхность земли» лексема *jörð* выступает в повторяющемся в «Эдде» обороте *fyr jörð neðan* «под землей» («Прорицание вёльвы» 43; «Перебранка Локи» 23 и др.). В строфе 1 «Плача Оддруна» есть пример употребления аллитерирующего *jörð* в антонимичной конструкции *fyr jörð ofan* (букв. означающей «над землей», т. е. «среди живущих на земле»: *engi mátti // fyr jörð ofan / Heiðreks dóttur // hjalpir vinna* «никто не мог на земле Хейдрека дочери помочь оказать». В строфе 15 «Поездки Скирнира» служанка, рассказывая Герд о прибывшем в их края Скирнире, говорит, что он сошел с коня и пустил его пастьись. В этом фрагменте лексема *jörð* используется в значении «пастбище»: *til jarðar takar* «приняться за пастбище». В значении «земля (вещество)» можно рассмотреть слово *jörð* в строфе 28 «Второй Песни о Хельги убийце Хундинга», когда Хельги сообщает Сигрун, что большинство ее родных «лежат в земле» (*liggja at jörðu*). «Ordbog over det norrøne prosasprog» также выделяет значение «земля как

⁵URL: <https://heimskringla.no/wiki/Sk%C3%A1ldskaparm%C3%A11> (дата обращения: 24.07.2025).

⁶URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/08Jh/Wessobrunn/wes_text.html (дата обращения: 24.07.2025).

место захоронения». В вышеуказанном фрагменте у лексемы присутствует и это значение. В значении «земельное владение» *jörd* выступает в «Эдде» всего один раз, в строфе 37 «Краткой Песни о Сигурде», когда Брюнхильд говорит своему мужу Гуннару, что ее брат обещал не делиться с ней «ни золотом, ни землями» (*gull né jardir*), если она не выйдет замуж. В других случаях в этом значении в «Эдде» встречается лексема *land*.

В двух песнях рукописи «*Codex Regius*» упоминается некая «сила земли»: *jarðar megin* («Речи Высокого» 137) и *jarðar magn* («Вторая Песнь о Гудрун» 21). Согласно гномической строфе 137 «Речей Высокого», земля «противостоит пиву» (*jörd tekri við öldri*), а потому человек должен обращаться к ней, когда пьет этот хмельной напиток. В строфе 21 «Второй Песни о Гудрун» силой земли, а также прохладой моря и жертвенной кровью сдобрены напиток, позволяющий забыть обиды. Эти же три силы впитал в себя Хеймдалль, сын Одина, рожденный девятью матерями, в строфе 37 «Песни о Хюндле»¹, не входящей в рукопись «*Codex Regius*». В этой песне сила земли упоминается второй раз в строфе 42 – ее впитал в себя и другой, неназванный бог.

Наделение земли магическими свойствами характерно как для древнерусской, так и для других индоевропейских традиций, в частности, славянской, ср. заговор из былины о Добрыне Никитиче, который богатырь произносит, чтобы остановить поток крови сраженного змея Горыныча: «Разступись-ко, матушка сыра-земля,/ На четыре разступись на четверти, / Пожри-ко всю кровь зм'иную!»². В качестве примера обращения к силе земли в памятниках других древних германских языков можно привести строки древнеанглийского заговора «*Wiþ Wæterælfadle*»³ («От водяники», букв. «От болезни водяного эльфа»): *Eorþe þe onbere eallum hire // mihtum and tægenum* «Земля да разрушит тебя всеми своими силами и мощью». *Eorþe* – параллель древнеисландского *jörd*.

Лексема *land*

Древнеисландское существительное ср. р. *land* имеет значения: 1) «земля как противоположность морю, суша»; 2) «(противоположный) берег реки, залива, фьорда»; 3) «страна»; 4) «земля, земельное владение». Кроме того, это слово часто выступает в качестве второго элемента в композитах – названиях стран и регионов. В песнях «Эдды»

¹URL: <https://heimskringla.no/wiki/Hyndlulj%C3%B3r%C3%ADr> (дата обращения: 24.07.2025).

²Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск: Олонецкий губ. стат. ком., 1864. Ч. 3.

³URL: https://sacred-texts.com/neu/ascp/a43_07.htm (дата обращения: 24.07.2025).

много примеров таких композитов: *Húnalund* букв. «страна гуннов», т. е. страна какого-то южного народа [Стеблин-Каменский, 1963, с. 242] в строфе 6 «Первой Песни о Гудрун», *Valland* («Песнь о Харбарде» 24, прозаический пролог «Песни о Вёлунде», «Поездка Брюнхильд в Хель» 2) и другие. Интересно, что в «Песне о Харбарде» *Valland* означает «страна полей битв», тогда как в «Поездке Брюнхильд в Хель» служит обозначением южных стран вообще [там же, с. 227, 244].

Др.-исл. существительное ср. р. *land* имеет параллели в других древних германских языках: *göt. land*, др.-англ., др.-сакс. *land*, др.-фриз. *lond*, др.-в.-нем. *lant* «земля». Реконструируемое общ.-герм. соответствие – **landa* «земля», в свою очередь, восходящее к и.-е. **lendh-* «свободная земля», «пустошь», «степь». Слово хорошо сохранилось в современных германских языках: исл. *land* «суши; земля; страна; берег»; бм., нн., швед., дат., нем. *land* «суши; земля; страна; сельская местность». Англ. *land* «суши; земля» также имеет книжное значение «страна», а в определенной форме обозначает сельскую местность.

Для противопоставления суши и моря в древнеисландской поэзии, и в прозаических текстах *land* часто используется сущ. м. р. *lögr* «море». Например, в строфе 21 «Первой Песни о Хельги убийце Хундинга» заглавный герой посыпает гонцов «по суше и по морю» (*of land ok um lög*). Несколько примеров противопоставления суши и моря с этими же аллитерирующими лексемами можно найти в «Песни о Хельги, сыне Хъёрварда»: *ok stíga ek á land af legi* «и сойду я на сушу с моря» (строфа 21) и *hér sté hon land af legi* «здесь сошла она на сушу с моря» (строфа 26). В строфе 29 этой же песни слово *land* противопоставлено сущ. ср. р. *vatn* «вода»: *á landi ok á vatni* «на суше и на воде». Как правило, *vatn* обозначает пресную воду или озеро, однако здесь речь идет о воде фьорда Хати (*Hatafjörð*), т. е. о морской воде.

В значении «берег» лексема встречается, например, в строфе 7 «Песни о Харбарде». Тор спрашивает перевозчика: «Кому принадлежит лодка, которую ты держишь у [противоположного] берега [пролива]?» (*hverr á skipit, er þú heldr við landit?*). В этом же значении можно рассматривать форму дательного падежа множественного числа от *land* в строфе 27 «Первой Песни о Хельги убийце Хундинга»: дружина Хельги расправляет паруса в Варинсфьорде и отправляется «прочь от берегов [фьорда]» (*löndum fjarri*), т. е. в открытое море. Примером использования *land* в значении «страна» в «Эдде» служит фрагмент прозаического пролога к «Речам Гrimнира», когда Один хвастается Фригг, что его подопечный Гейррёд «конунг и правит

теперь страной» (*er konungr ok sitr nū at landi*). В значении «земля, земельное владение» *land* выступает, например, в строфах 12 и 14 «Отрывка Песни о Сигурде», когда злорадствующая Брюнхильд предрекает своим родичам долгое и счастливое пользование «оружием и землями» (*várná ok landa* 12), а также «землями и дружинами» (*landa ok þeina* 14) убитого ими по ее научению Сигурда. В этом значении лексема несколько раз встречается в сочетании с притяжательным местоимением («Гренландская Песнь об Атили» 32: *lands síns* «[в] свою землю») или именем человека, которому принадлежат земли (прозаический пролог к «Подстрекательству Гудруна»: *á land Jónakrs konungs* «в земле Ионакра конунга»).

Очень интересен с точки зрения употребления рассмотренных выше лексем *jörð* и *land* конец последней прозаической вставки «Перебранки Локи», где рассказывается о страшном наказании, которое придумали для него асы. Локи был связан кишками своего собственного сына, над ним повесили ядовитую змею. Когда на Локи попадал змеиный яд, он корчился настолько сильно, что «тряслась земля вся». Это сейчас называется землетрясения» (*skalf jörð öll. Pat eru nū kallaðir landsskjálftar*). Любопытно, что в композите, обозначающем землетрясение, в качестве первого компонента использована форма родительного падежа слова *land*, тогда как пояснение этого явления дано через слово *jörð*. Логично предположить, что *land* в составе этого композита полностью синонимично использованному в пояснении *jörð*. Словари также фиксируют синонимичный *landsskjálfti* композит с первым компонентом – основой сущ. *jörð* без лабиальной перегласовки – *jarðskjálfti*. В обоих композитах вторым элементом является сущ. м. р. *skjálfti* «дрожание, тряска». Примеров с *landsskjálfti* корпусе текстов «Ordbog over det norrøne prosasprog» в разы больше, чем с *jarðskjálfti*: 45 против 7. В современном исландском языке сохранились оба композита, тогда как в континентальных скандинавских языках существуют только сложные слова с первым компонентом, этимологически родственным древнеисландскому *jörð*: бм., нн. *jordskjelv*, дат. *jordskælv*, швед. *jordskalv* «землетрясение».

Лексема *grund*

Древнеисландское существительное ж. р. *grund*, «зеленое поле; покрытая травой равнина», является также поэтизмом (зеленой) земли. В «Старшей Эдде» оно встречается в четырех песнях о богах и не используется в песнях о героях. Например, в строфах 15 и 16 Вафтруднир и Один говорят

о реке, которая «делит между сынами ётунов землю и между богами» (*er deilir með jötna sonum // grund ok með godum*). Земля обозначена словом *grund*, которое аллитерирует с формой дательного падежа множественного числа сущ. *god* «бог». В строфе 20 «Речей Гrimнира» *grund* используется с начальным компонентом *jörmun-* «огромный», связанному с одним из имен Одина – *Jörmunr*. Этот компонент входит в состав нескольких мифологических имен и названий, например, в имя мирового змея Ёрмунганда (*Jörmungandr*). В «Речах Гrimнира» *Jörmungrund* – «Великая земля» – это земля, которую каждый день облетают вороны Одина Хугин и Мунин. Этимологически соответствующий древнеисландскому *jörmungrund* композит используется в англосаксонской поэме «Беовульф»¹, когда воины восхваляют заглавного героя: *þætte sið ne norð be sæt tweonum // ofer eormengrund ofer nænig* «что ни на юге, ни на севере между морями, на **огромной землей** другого [такого] нет».

Лексема имеет параллели в других древних германских языках: др.-англ., др.-фриз. *grund*, др.-в.-нем. *grunt* «земля, дно». В готском языке этиологически родственное слово зафиксировано в составе композита *grunduwaddus* «фундаментная стена, основание». Общ.герм. форма – **grundu*. Леман выдвигает предположение, что общ.герм. слово восходит к и.е. **ghrendh-* «балка». Слово хорошо сохранилось в современных скандинавских языках, однако значение разошлось в исландском, с одной стороны, и норвежском, датском, шведском – с другой. Так, современное исл. *grund* имеет значения «равнина, поросшая травой, степь; луг», а бм., нн. *grunn*, дат., швед. *grund* означают «земля (земная поверхность); участок земли, территория; дно». Последнее значение является совпадением в одной лексеме значений двух этимологически родственных древних лексем: существительных *grund* «земная поверхность» и *grunnr* «дно». В исландском языке такого совпадения не произошло, и древнее сущ. м. р. *grunnr* сохранилось в виде *grunnur*. Параллели др.-исл. лексемы *grund* сохранились также в современных английском и немецком языках: англ. *ground* «поверхность земли, почва, участок земли, морское дно», нем. *Grund* «поверхность земли, почва, дно». Значение «участок земли» особенно характерно для австрийского немецкого.

Лексема *bjöð*

В самом начале «Прорицания вёльвы» (строфа 4) появляется мотив поднятия земли: согласно

¹URL: <https://heimskringla.no/wiki/Beowulf> (дата обращения: 24.07.2025).

версии сотворения мира, описанной в этой песни, боги Один, Вилли и Ве «подняли землю»: *Áðr Burs synir // bjöðum of urrdi* «Пока Бура сыновья земли не подняли». В этой строфе для обозначения земли использована форма дательного падежа множественного числа от существительного *bjöð*, аллитерирующего с именем *Burr*.

Древнеисландское существительное *bjöð*, согласно словарю Т. Г. Зойга, относится к ж. р. и имеет значение «плоская земля; земля». Этимология этого слова спорна. В словаре Я. де Фриса германские параллели не приводятся. С. Бугге выдвигал предположение, что *bjöð* может быть ирландским заимствованием (из *dr.-irl.* *bioth, bith* – «мир») [Bugge, 1881–1889, с. 6]. А. М. Стёртевант пишет, что в пользу теории С. Бугге говорит отсутствие древнегерманских параллелей, но предлагает и другую этимологию, возводя это *dr.-isl.* слово к общ.герм. **bed-*ō, в свою очередь, восходящее к *u.-e.* **bhedh-* «копать», и объясняет семантический переход как «что-либо вскопанное» – «поверхность земли, почва» – «земля» [Sturtevant, 1941, с. 222].

Лексема *bjöð* встречается в «Старшей Эдде» только один раз в строфе 4 «Прорицания вёльвы». Далее в этой же строфе при описании покрытой зеленью земли используется лексема *grund*, аллитерирующая с двумя другими словами в цитируемых строках: *þá var grund gróin // grænum lauki* «тогда была земля поросшая зеленым чесноком». Помимо строфы 4 указанной эддической песни, слово *bjöð* встречается в тухах среди хейти земли и используется в скальдической поэзии, например, в песни «Выкуп головы» Эгиля Скаллагримсона¹: *á Engla bjöð* «в земле англов». Согласно словарю Я. де Фриса, это слово не сохранилось в современных скandinавских языках.

¹URL: <https://heimskringla.no/wiki/H%C3%B6fu%C3%B0lausn> (дата обращения: 24.07.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой статье на примерах из «Старшей Эдды» были подробно проанализированы значения, в которых четыре древнеисландские лексемы, обозначающие землю, встречаются в песнях этого литературного памятника. Были подробно описаны типичные контексты, в которых употребляются данные лексемы. Там, где это представлялось релевантным, были также приведены примеры из текстов на других древнегерманских языках (древневерхненемецком и древнеанглийском), в одном случае был дан выход на индоевропейскую перспективу (на примере русского заговора). В результате тщательного анализа контекстов была сделана попытка объяснить выбор конкретной лексемы из ряда синонимов, при этом внимание также уделялось аллитерации.

Для каждой лексемы была приведена этимологическая сводка, включающая в себя древнегерманские параллели анализируемых древнеисландских лексем. Сводка была сделана на основе материала целого ряда этимологических словарей разных индоевропейских языков и работ по этимологии отдельных лексем в «Старшей Эдде», при необходимости приводились также однокоренные древнеисландские слова и связанные общегерманские основы. Особое внимание было направлено на континуанты анализируемых лексем и их древнеанглийских и древневерхненемецких этимологических параллелей в современных германских языках.

Хорошая сохранность данных лексем в современных языках свидетельствует об устойчивости древней ландшафтной лексики. Представляется интересным и перспективным подтвердить этот тезис в ходе дальнейшего исследования синонимических рядов обозначений других элементов ландшафта в древнеисландском языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cronan D. Poetic words, conservatism and the dating of Old English poetry // Studia Neophilologica. 2004. Vol. 33. P. 23–50.
2. Фомичева А. А. Эволюция лексической синонимии в средневерхненемецком эпосе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.
3. Гвоздецкая Н. Ю. «Беовульф» в России: язык древнеанглийского героического эпоса в русском художественном переводе // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 9. С. 226–239.
4. Топорова Т. В. Эпическое слово: обозначения воды в Старшей Эдде. М.: Тезаурус, 2015.
5. Казачкова А. Д. Лексемы со значением ‘море’ в «Старшей Эдде» и их древнегерманские параллели // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2024. Т. 20. № 4 (66). С. 14–24.
6. Топорова Т. В. Эпическое слово: обозначения земли и неба в «Старшей Эдде». М.: ТЕЗАУРУС, 2011.
7. Стеблин-Каменский М. И. Комментарии // Старшая Эдда / под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М., Л.: Издательство академии наук СССР, 1963.

8. Bugge S. Studier over de nordiske gude- og heltesagns oprindelse. Christiania: A. Cammermeyer, 1881–1889.
9. Sturtevant A. M. Some Etymologies of Old Norse Poetic Words // Scandinavian Studies. 1941. Vol. 16. No. 6 (MAY, 1941). P. 220–225.

REFERENCES

1. Cronan, D. (2004). Poetic words, conservatism and the dating of Old English poetry. *Anglo-Saxon England*, 33, 23–50.
2. Fomicheva, A. A. (2022). The evolution of lexical synonymy in Middle High German epic poetry: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Gvozdetskaya, N. Yu. (2020). Beowulf in Russia. The language of the Old English heroic epic in Russian literary translation. RSUH/RGGU Bulletin. «Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies» Series, 9, 226–239.
4. Toporova, T. V. (2015). Epic word: the designations of water in the Poetic Edda. Moscow: Tezaurus. (In Russ.).
5. Kazachkova, A. D. (2024). Words for 'sea' in the Poetic Edda and their parallels in Old Germanic languages. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 20–4(66), 14–24. (In Russ.)
6. Toporova, T. V. (2011). Epic word: the designations of earth and heaven in the Poetic Edda. Moscow: Tezaurus. (In Russ.).
7. Steblin-Kamenskii, M. I. (1963). Notes. Starshaya Edda. Ed. by M. I. Steblin-Kamenskii. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR. (In Russ.).
8. Bugge, S. (1881–1889). Studier over de nordiske gude- og heltesagns oprindelse = Studies of the origin of the Norse Mythological and Heroic poems. Christiania: A. Cammermeyer. (In Danish).
9. Sturtevant, A. M. (1941). Some Etymologies of Old Norse Poetic Words. *Scandinavian Studies*, 16(6), 220–225.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Казачкова Анна Дмитриевна

преподаватель кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
Московского государственного лингвистического университета
аспирант кафедры германской и кельтской филологии
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kazachkova Anna Dmitrievna

Lecturer at the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages
Moscow State Linguistic University
PhD Student at the Department of Germanic and Celtic Philology
Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	30.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	09.09.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 32.019.5:811.112.2

Создание негативного образа России в немецких мультимодальных текстах СМИ как средство воздействия на концептуальную картину мира (на материале журнала «Der Spiegel»)

О. М. Куницына

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kunitsyna_mglu@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются стратегии конструирования негативного образа России в немецком журнале «Der Spiegel» в период с сентября 2022 по февраль 2025 года. Цель исследования – выявить основные коммуникативные тактики дискредитации России в мультимодальных медиатекстах. Материалом послужили 48 публикаций журнала, в которых интегрируются вербальные и визуальные элементы для создания воздействия на аудиторию. Выделяются ключевые тактики: обвинение, криминализация, катастрофизация, ассоциация с фашизмом. Установлено, что сочетание негативно-оценочной лексики с визуальными аллюзиями на милитаризм и тоталитаризм формирует стереотипы, закрепляющие негативный образ России. Результаты исследования показывают, что мультимодальные тексты в «Der Spiegel» выполняют не только информационную, но и идеологическую функцию, трансформируя концептуальную картину мира аудитории в антироссийском ключе.

Ключевые слова: дискредитация, негативный образ России, мультимодальные тексты, речевое воздействие, изменение картины мира

Для цитирования: Куницына О. М. Создание негативного образа России в немецких мультимодальных текстах СМИ как средство воздействия на концептуальную картину мира (на материале журнала «Der Spiegel») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 60–67.

Original article

Constructing of a Negative Image of Russia in German Multimodal Media Discourse as a Means of Influencing the Conceptual Worldview (a case study of “Der Spiegel”)

Olesya M. Kunitsyna

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kunitsyna_mglu@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of strategies for constructing a negative image of Russia in the German magazine “Der Spiegel” during the period from September 2022 to February 2025. The aim of the study is to identify the main communicative tactics used to discredit Russia in multimodal media texts. The material for the research consists of 48 publications from the magazine, in which verbal and visual elements are integrated to influence the audience. The key tactics highlighted are accusation, criminalization, catastrophization and association with fascism. It has been established

that the combination of negatively connoted vocabulary with visual allusions to militarism and totalitarianism forms stereotypes that reinforce Russia's negative image. The research results demonstrate that multimodal texts in "Der Spiegel" perform not only an informational but also an ideological function, transforming the audience's conceptual worldview in an anti-Russian direction.

Keywords: discreditation, negative image of Russia, multimodal texts, speech impact, transformation of the worldview

For citation: Kunitsyna, O. M. (2025). Constructing of a negative image of Russia in German multimodal media discourse as a means of influencing the conceptual worldview (a case study of "Der Spiegel"). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(905), 60–67. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы на фоне специальной военной операции (СВО) в материалах журнала «Der Spiegel» последовательно формируется негативный образ России и российских политических лидеров. Мультимодальные тексты, сочетающие вербальные и невербальные средства, становятся мощным инструментом идеологического влияния. Журнал «Der Spiegel» содержит многочисленные примеры лингвистических и экстралингвистических средств, а также их комбинаций, используемых для целенаправленного воздействия на ментальный мир человека.

В статье рассматривается стратегия конструирования негативного образа России в публикациях «Der Spiegel» с опорой на лингвистический, контекстуальный, семиотический, контент- и дискурс-анализ мультимодальных медиатекстов с целью выявления основных принципов данной коммуникативной стратегии для формирования нового отношения немцев к России.

Актуальность исследования определяется усилением противостояния между Россией и странами коллективного Запада, проявляющимся в виде информационной войны, в ходе которой стратегически создается и закрепляется негативный дискурсивный образ России. В связи с этим значимым представляется изучение тенденций и стратегий, используемых в медийных практиках формирования общественного мнения.

Отечественные и зарубежные исследователи рассматривают широкий спектр коммуникативных стратегий и тактик речевого воздействия¹ [Егошкина, 2018; Алексеев, 2022]. Важным направлением исследования выступает изучение мультимодальных текстов, в которых речевые и визуальные средства интегрируются с целью создания более убедительного и эмоционально нагруженного сообщения [Полимодальные изменения дискурса, 2022; Wetzchewald, 2012; Stöckl, 2016].

¹Исснер О. С. Речевое воздействие: учебное пособие. 6-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2020.

Особое место занимают исследования, в которых искажается образ России и формируется устойчивое негативное отношение к ней. В научных публикациях подчеркивается, что СМИ выполняют функцию не только канала передачи информации, но и инструмента структурирования реальности, задающего определенные стереотипы, социальные роли и ценностные ориентиры [Гусейнова, Горожанов, 2023а; Тихонова, 2021; Головов, 2023; Данилова, Зиновьева, 2023]. При этом медийные материалы конструируют иллюзорные картины мира, усиливают общественные страхи, могут провоцировать социальную агрессию, а также способствуют формированию новых систем ценностей [Дзялошинский, 2020; Карасик, Слышик, 2023]. Как показывают исследования политического дискурса Германии, современные медиатексты всё чаще становятся средством намеренного представления России в негативном ключе, выступая инструментом идеологизации и закрепления определенных ценностных установок [Guseynova, Gorozhanov, 2024; Красавский, 2023].

Задачами исследования являются:

- 1) определение основных коммуникативных тактик, реализующих стратегию дискредитацию России в СМИ;
- 2) определение лингвистических и стилистических средств, которые используются для реализации стратегии дискредитации;
- 3) иллюстрация комбинирования семиотических ресурсов для большего комплексного воздействия на адресата.

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Мультимодальность представляет собой естественное состояние современной коммуникации и актуализируется в медийном пространстве как один из ключевых механизмов воздействия на массовое сознание и формирования общественного мнения. Для анализа медиатекста необходимо учитывать лингвистические и нелингвистические

факторы, экстралингвистические и специфические медийные, которые дополняют и усиливают друг друга [Wetzchewald, 2012].

Средства массовой информации дают свою интерпретацию происходящим в мире событиям и быстро доносят эту информацию до всех слоев населения. При помощи использования тех или иных стереотипов СМИ способствуют созданию положительного либо негативного образа того или иного государства. Когнитивные и коммуникативные процессы, сопровождающие порождение и восприятие мультимодальных сообщений, выступают взаимосвязанными: коммуникация в данном случае не сводится исключительно к обмену информацией, но предполагает формирование ментальных репрезентаций участников дискурса и их последующую трансформацию под воздействием знаковых систем. Формируя сообщение, автор медиаматериала использует репертуар знаков различной степени символизации для целенаправленного конструирования образа события, личности или государства. Тем самым мультимодальный медиатекст становится инструментом влияния на картину мира адресата.

Согласно экспериментам А. Г. Сонина, мультимодальные тексты, в которых сочетаются вербальные и визуальные компоненты, оказываются более доступными для восприятия и запоминания, чем тексты монокодовые. Причем при их обработке ведущую роль играет визуальная составляющая: сначала активируется механизм идентификации изображения, а затем к нему присоединяются лексические репрезентации, что обеспечивает прочное закрепление соответствующих смыслов в сознании реципиента [Сонин, 2005].

В условиях немецкой медиасферы данная особенность функционирования мультимодальных текстов используется как инструмент формирования негативного образа России. Визуальные и вербальные коды взаимодействуют таким образом, что закрепляют в сознании аудитории устойчивые концептуальные представления, способствующие трансформации ментальной картины мира адресата. Отбор речевых и неречевых средств осуществляется в соответствии с избранной стратегией речевого воздействия, успешность или неуспешность коммуникации напрямую зависит от тематики и корректности ее реализации [Егошина, 2018]. Итогом такого целенаправленного воздействия должно стать изменение поведения, установок или взглядов адресата. Таким образом, с помощью речи субъект речевого влияния управляет интеллектуальной и практической активностью реципиента, тогда как объект речевого воздействия претерпевает определенные изменения

под влиянием полученной информации вплоть до перестройки его информационной и ценностной картины мира¹.

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ ТАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА РОССИИ

Анализ немецкоязычных политических статей журнала «Der Spiegel», опубликованных с сентября 2022 по февраль 2025 года, включает 48 иллюстративных примеров мультимодальных текстов. Попытаемся сфокусироваться на некоторых из них.

Установлено, что коммуникативная стратегия дискредитации России реализуется путем используемых тактик, таких как обвинение, оскорбление и акцентирование отрицательной информации [Красавский, 2023], а именно – нагнетание страха по поводу ухудшения экономического положения, энергетического кризиса, безопасности данных, обвинение в кибератаках, нарушении прав и свобод человека, акцентированное упоминание возможной ядерной войны, в которую будет вовлечена и Германия [Гусейнова, Горожанов, 2023б]. Дополним этот список тактикой делигитимации и морального осуждения, тактикой криминализации и ассоциации с фашизмом. Эти темы формируют восприятие российской идентичности и культуры у немецкой аудитории.

Для их воплощения используется ряд лексических и стилистических средств, которые подкрепляются визуальной составляющей мультимодальных текстов, например, оценочная лексика и стилистические средства, такие как метафоры, игра слов и большое количество негативно-оценочных эпитетов. Лексика с резко отрицательными коннотациями часто используется при возможности именования тех же событий и их участников словами с положительными или нейтральными коннотациями [Боева-Омелечко, Постерняк, 2015].

Тактика необоснованного обвинения, направленная на очернение России, в ряде случаев строится на доводах, которые нелогичны или основываются на нереальных или вовсе ложных фактах. Россия обвиняется, например, в глобальной дестабилизации, реальной военной угрозе Европе и информационной войне. Ряд публикаций представляет российского президента в роли архитектора агрессивной мировой политики. Используются прямые аллюзии на «зачинщика новых войн» и утверждается существование реальной военной угрозы для Европы – подобный нарратив подкрепляется ссылками на «экспертные мнения» (1, 2),

¹Исснер О. С. Речевое воздействие: учебное пособие. 6-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2020.

утверждающие «вероятность войны» (1) или «нападения на запад» (2) «около 80 %» (1).

- (1) Putin wünscht sich einen breiten Gürtel neutraler oder russlandfreundlicher Staaten an seiner Westgrenze. „Die Bedingungen, dieses Ziel mit Gewalt umzusetzen, sind jetzt so gut wie kaum zuvor“, sagt Gressel. „Ich schätze die Kriegsgefahr in Europa derzeit auf etwa 80 Prozent“ (*Der Spiegel*. 22.02.2025. № 9).
- (2) Fast drei Jahre ist es nur her, dass Russland die Ukraine überfallen hat. Russland hat seine Wirtschaft auf Krieg umgestellt- Experten sagen, dass es in wenigen Jahren in der Lage sein wird, den Westen anzugreifen (*Der Spiegel*. 18.01. 2025. № 4).

России представляется как сверхдержава, проводящая многолетние войны, осуществляющая кибератаки и кампании дезинформации против соседних стран и стран Западной Европы (3).

- (3) Putin treibt eine Weltordnung an, in der ein Land über weite Teile Europas herrscht – eine Supermacht auf Augenhöhe mit den USA und China. Dafür führt er seit mehr als zehn Jahren Krieg in der Ukraine und überzieht Russlands Nachbarn mit Desinformationskampagnen, Cyberattacken und Sabotage (*Der Spiegel*. 22.02.2025. № 9).

Риторика этих текстов строится на гиперболизированных обвинениях, а иллюстративный материал (военные карты, изображения лидеров крупным планом) формирует визуальный дискурс масштабной и вездесущей угрозы.

Дополнительное подкрепление опасного образа осуществляется посредством описания провокационных действий: упоминания о российских военных самолетах, якобы нарушающих натовское воздушное пространство, диверсиях на стратегических объектах, а также регулярных кибератаках против государственных институтов Германии (4), кроме того, якобы осуществляются попытки влиять на публичное мнение через подкуп политиков партии АдГ и провоцировать таким образом внутреннюю дестабилизацию.

- (4) Immer wieder nähern sich russische Kriegsflugzeuge provokativ dem NATO-Luftraum, zuletzt hat offenbar ein Schiff der russischen Schattenflotte Unterseekabel auf dem Ostseegrund durchtrennt. Es gibt Hackerangriffe gegen die Institutionen der Bundesrepublik.

Wieder und wieder versuchen russische Stellen, auf die deutsche Öffentlichkeit Einfluss zu nehmen, es gibt mit großer Wahrscheinlichkeit Schmiergeldzahlungen auf AfD-Politiker (*Der Spiegel*. 18.01.2025. № 4).

В Германии даже создается специальная структура (Zentrale Stelle zur Erkennung ausländischer Informationsmanipulation), призванная распознавать «фейковые новостные кампании», якобы управляемые Москвой (5).

- (5) Die neue Einheit (Zentrale Stelle zur Erkennung ausländischer Informationsmanipulation) verfolgt für die Regierung, ob sich im Internet und den sozialen Netzwerken Fake-News-Kampagnen zusammenbrauen, die oft von Moskau gesteuert werden (*Der Spiegel*. 22.02.2025. № 9).

Статья (5) указывает на «организованный и манипулятивный характер российских действий». Визуальное сопровождение в виде карикатур с «русскими хакерами» усиливает миф о киберугрозе и преподносит Россию как источник внешней дестабилизации.

Рис. 1. *Der Spiegel*. 22.02.2025. № 9.

Тактику ядерной угрозы и непредсказуемости проиллюстрируем следующими примерами.

- (6) Putin spielt mit der Bombe. Wie begründet ist die Angst vor einem Atomschlag? (*Der Spiegel*. 29.10.2022. № 44)

Использование метафоры «игра с бомбой» (6) приписывает российской стороне безответственность, опасную легкомысленность, реципиентам внушается страх перед ядерной угрозой.

Обсуждение ядерного арсенала России и прямое предостережение о возможном начале ядерной войны мы видим в следующем примере. Если существует «6000 ядерных боеголовок и такие люди как Путин в Кремле, будет сохраняться опасность для соседей» (7) Россия представляется как источник перманентной угрозы. На фото В. В. Путин

изображен на кресте с траурной лентой, что усиливает образ опасности и неминуемой трагедии.

- (7) Ich fürchte, solange Russland 6000 atomare Gefechtsköpfe hat und Leute wie Putin im Kreml, wird eine Bedrohung für seine Nachbarn blieben (*Der Spiegel*. 29.01.2023. № 5).

Во многих публикациях Россия обвиняется во лжи и ядерной эскалации (8), поразительным является в этой статье визуальный ряд. На развороте журнала мы видим с одной стороны фото В. В. Путина, надевающего затемненные очки и фото ракетных испытаний. И на следующей странице разворота – разрушенная Хиросима после атомного взрыва 1945 года, что создает для читателя ложную визуальную параллель.

- (8) Russland beschuldigt die Ukraine eine „schmutzige Bombe“ zu bauen. Ist es nur eine weitere Lüge aus Moskau oder – oder der erste Schritt zur nuklearen Eskalation? (*Der Spiegel*. 29.10.2022. № 44).

Пока ядерная война еще не началась, считается, что угроза разрушений дронами исходит в Германии тоже от России (9), причем данным фактам нет никаких доказательств. Для подтверждения вербальной информации и нагнетания страха на фото изображены дроны в большом количестве.

- (9) Über Kasernen und Industrieparks werden regelmäßig Drohnen gesichtet. Experten gehen davon aus, dass Russland dahintersteckt, und sehen Deutschland schlecht gewappnet (*Der Spiegel*. 11.01.2025. № 3)

Угроза и катастрофа простираются даже на дальнейшие поколения (10), создается перспектива глобальной угрозы миру будущих поколений, намек на будущие военные преступления.

- (10) Wenn Putins Methode Schule macht, mit Kriegsverbrechen und Atomwaffen zu drohen, werden unsere Kinder in einer noch gefährlicheren Welt aufwachsen (*Der Spiegel*. 29.10.2022. № 44).

Комплексная тактика оскорблений, делигитимации и морального осуждения России реализуется через системное противопоставление векторов добра / зла, героизма / агрессии. Вербальные и невербальные средства усиливают концептуальное противопоставление: Украина и ее лидеры – геройизированы и легитимированы, Россия – демонизирована и подвергнута моральному

осуждению. Президенту Российской Федерации в разных примерах приписывается жестокость, что комбинируется с элементами клеветы и подтасовки фактов. Приведем пример карикатуры, изображающей «рыцарские правила Путина» (рис. 2), которые являются ложными и противоположными тем, которые на самом деле провозглашаются в рамках СВО. Откровенно ироничным, обвинительным тоном сообщаются в статье (11) циничные «правила», которые нацелены против мирных объектов, женщин и детей. На карикатуре изображены двое военных, которые изучают цели нападения: электростанции, жилые здания, линии электропередач и водоснабжения. Изображение усиливает сатирическую подачу, визуально можно обвинять российское военное руководство в преступлениях против мирных граждан.

- (11) Putins ritterliche Regeln: zielt auf Frauen und Kinder zuerst! Wohngebäuden, Wassertank, Stromleitung, Kraftwerk (*Der Spiegel*. 29.10.2022. № 44).

Рис. 2. *Der Spiegel*. 29.10.2022. № 44.

К моральному осуждению читателем взвывает и изображение разрушенного православного храма на новых территориях. На фото русский солдат стоит в центре абсолютно разрушенного храма (12). Хотя нет достоверной информации, при каких обстоятельствах этот военнослужащий попал в храм и кем он в действительности был разрушен, в статье утверждается, что виновниками является российская сторона.

- (12) Im dritten Jahr des Ukrainekrieges jedoch sorgt russischer Raketenbeschuss für schwere Zerstörungen an der orthodoxen Kirche (*Der Spiegel*. 03.08.2025. № 32).

Как инструмент формирования устойчивого негативного образа современной России используется тактика криминализации, акцент делается на теме репрессий. Вербальные конструкции строятся на утверждении, что «в России опасно иметь собственное мнение» (13).

- (13) Aber wenn man in Russland lebt, eine Meinung hat und sich nicht scheut, sie laut zu äußern, muss man auf alles gefasst sein (*Der Spiegel*. 15.12.2025. № 8).

Кульминацией среди используемых тактик дискредитации России в немецких СМИ является стратегия ассоциации с фашизмом. Характерный пример подобного приема – публикация в «Der Spiegel» (№ 32, 3.8.2025), где в заголовке статьи певца Shaman прямо называют «фашистским певцом» (14). В статье дается описание сценического действия певца с использованием чемодана с красной кнопкой как аллюзии на ядерную атаку, на изображении певец запечатлен с поднятой вверх рукой. Такая жестикуляция отсылает к гитлеровскому приветствию и служит визуальным и вербальным подкреплением негативных коннотаций, формируя у читателя устойчивую связь между Россией и тоталитарными практиками.

- (14) Und der Titel Ihres Artikels wird lauten „Der faschistische Sänger Shaman hat für seine Anhänger gesungen?“ ...Bei einem Konzert vor Zehntausenden in Sankt-Petersburg ließ er sich einen Koffer mit rotem Knopf reichen, beim Refrain von „Ich bin Russe“ schlug er darauf, um ein Feuerwerk zu entzünden – offenbar eine Anspielung auf eine Atombombenangriff (*Der Spiegel*. 03.08.2025 № 32).

В ряде случаев наблюдается сопоставление настоящего и прошлого, что отражает тенденцию к историческим аналогиям в общественной дискуссии. Так, например, некий «эксперт» (Тимоти Снайдер) сообщает, что Пакт Молотова-Риббентропа сделал возможным начало Второй мировой войны, и Советский Союз стал, таким образом, якобы союзником Германии (15), что перекладывает ответственность за начало Второй мировой войны на советскую сторону. Подобные интерпретации исторических событий заслуживают категорического академического и общественного осуждения как опасная попытка переписывания истории. Такой подход игнорирует фундаментальные различия между нацистской Германией и Советским Союзом, нивелирует доказанный решающий вклад советского народа в Победу над нацизмом и освобождение Европы от фашистской диктатуры.

- (15) Timothy Snyder spricht bedächtig und leise, aber mit großer Gewissheit. Putin ist Faschist. ... Putin habe die Ukraine überfallen, wie Hitler sie überfallen hat, als imperiale Macht. ...Das

Paradoxe an Putins Faschismus, Snyder nennt ihn „Schizo-Faschismus“, иst, dass er vorgibt, im Namen des Antifaschismus zu handeln. Der Sowjetunion unter Stalin habe nie einen eindeutigen Standpunkt zum Faschismus gehabt, sie machte sich im Hitler-Stalin Pakt sogar zum Verbündeten Hitlers und ermöglichte so erst den Zweiten Weltkrieg... (*Der Spiegel*. 17.08.2025. № 34).

Стремление изменить коллективное представление о причинах войны и ее виновниках – недопустимо (тем более для таких крупных изданий, как «Der Spiegel») и должно быть предметом жесткой научной критики. Эти приемы носят политический характер и связаны с необходимостью формирования нового мировоззрения и отрицательного отношения к фактам окружающей действительности.

Как становится очевидным из анализируемых нами примеров, авторы данных медиатекстов без сомнения предпочитают не реальные факты и беспристрастный анализ, а внедрение новых ценностей, внесение корректив в ценностную картину мира аудитории читателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ медийного дискурса на материале публикаций журнала «Der Spiegel» демонстрирует системную реализацию стратегии дискредитации России. Негативный образ страны конструируется посредством постоянного акцентирования внимания на проблемной, конфликтной или противоречивой информации с помощью верbalных и неверbalных техник: от использования оценочной лексики, метафор, клише и аллюзий до привлечения сильных визуальных символов – карикатур, гротеска, контраста. Мультимодальная структура сообщений способствует устойчивому закреплению у аудитории когнитивных стереотипов, формирующих восприятие России как опасного, агрессивного и «чужого» субъекта международных отношений, и общей перестройке концептуальной картины мира аудитории в антироссийском ключе.

В этом контексте особую актуальность приобретает задача критического осмысливания медийного контента. Осознание механизмов идеологической маркировки и манипулятивных стратегий позволяет аудитории выстраивать более взвешенное и сбалансированное восприятие информации. Именно формирование альтернативного, многомерного взгляда на Россию способно противостоять тенденции одностороннего и искаженного представления страны в немецком медиапространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Егошина В. А. Речевые стратегии привлечения и удержания внимания адресата в развлекательном радиодискурсе // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 115–122.
2. Алексеев А. Б. Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 1. С. 96–111.
3. Полимодальные изменения дискурса / О. К. Ирисканова и др. 2-е изд. М.: Издат. дом ЯСК, 2022.
4. Wetzchewald M. Bildlinguistik (Text & Bild) im Internet // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2012. No. 40 (1). P. 139–142.
5. Stöckl H. Multimodalität – semiotische und textlinguistische Grundlagen // Handbuch Sprache im multimodalen Kontext. Berlin ; Boston: De Gruyter, 2016.
6. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкоznание. 2023а. Т. 22. № 3. С. 67–76.
7. Тихонова С. А. Стратегия дискредитации как способ создания негативного образа России в британском массмедиийном дискурсе, посвященном Олимпийским играм в Токио // Политическая лингвистика. 2021. Вып. 5 (89). С. 168–174.
8. Головов А. Г. Попытка дискредитации России в западных СМИ как проблема информационной безопасности // Культура в фокусе научных парадигм. 2023. С. 302–306.
9. Данилова Е. А., Зиновьева А. А. Конструирование политического имиджа России в американских медиа // Социально-политические исследования. 2023. Вып. 3 (20). С. 34–46.
10. Дзялошинский И. М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникации. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ. 2020.
11. Карасик В. И., Слыскин Г. Г. Медийный дискурс как стимулятор истероидного и фобического поведения // Мир лингвистики и коммуникации. 2023. № 3 (73). С. 1–22.
12. Guseynova I.A., Gorozhanov A.I. Un/words as a factor of ideologization in the modern german political discourse // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2024. Vol. 23 No. 4. P. 84–95.
13. Красавский Н. А. Коммуникативная стратегия дискредитации России в немецких СМИ при освещении событий на Украине (март – май 2022) // Казанский лингвистических журнал. 2023. Вып. 6 (1). С. 123–133.
14. Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкоznания. 2005. № 6. С. 115–124.
15. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2023б. Вып. 16 (6). С. 911–920.
16. Боева-Омелечко Н. Б., Постерняк К. П. Лингвистические средства создания негативного образа России в британском медиадискурсе 2014–2015 гг. // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2015. Вып. 3. С. 124–131.

REFERENCES

1. Egoshkina, V.A. (2018). Speech strategies for attracting and retaining the addressee's attention in entertainment radio discourse. *Communicative Studies*, 2(16), 115–122. (In Russ.)
2. Alekseev, A. B. (2022). Communicative strategy of marginalization as a manipulative strategy of power in political discourse. *Vestnik of NSU. Linguistics and intercultural communication*, 20(1), 96–111. (In Russ.)
3. Iriskhanova, O.K. et al. (2022). Multimodal discourse changes. Moscow: Izdatel'skij dom YSK. (In Russ.)
4. Wetzchewald, M. (2012). Bildlinguistik (Text & Bild) im Internet. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 40(1), 139–142.
5. Stöckl, H. (2016). Multimodalität – semiotische und textlinguistische Grundlagen. *Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*. Berlin ; Boston: De Gruyter.
6. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023a). Ideology as a factor in translation: traditions in innovations. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22(3), 67–76. (In Russ.)
7. Tihonova, S. A. (2021). The strategy of discreditation as a means of constructing a negative image of Russia in British mass media discourse devoted to the Tokyo Olympic Games. *Political Linguistics*, 5(89), 168–174. (In Russ.)

8. Golodov, A. G. (2023). The Attempt to Discredit Russia in Western Media as a Problem of Information Security. *Culture in the Focus of Scientific Paradigms*, 302–306. (In Russ.)
9. Danilova, E. A., Zinov'eva, A. A. (2023). Construction of Russia's political image in American media. *Social and political research*, 3(20), 34–46. (In Russ.)
10. Dzyaloshinskij, I. M. (2020). *The Philosophy of Digital Civilization and the Transformation of Media Communication*. Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YUUrGU. (In Russ.)
11. Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2023). Media Discourse as a Stimulus for Histrionic and Phobic Behavior. *The World of Linguistics and Communication*, 3(73), 1–22. (In Russ.)
12. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Un/words as a factor of ideologization in the modern German political discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 23(4), 84–95.
13. Krasavskij, N. A. (2023). Communicative Strategy of Discrediting Russia in the German Media in the Coverage of Events in Ukraine (March–May 2022). *Kazan Linguistic Journal*, 6(1), 123–133. (In Russ.)
14. Sonin, A. G. (2005). Experimental study of multimodal texts: main directions. *Linguistic Issues*, 6, 115–124. (In Russ.)
15. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). The Connotative Image as a Means of Constructing Information Confrontation in the Literary and Journalistic Genre. *Journal of Siberian Federal University. Humanities*, 16(6), 911–920. (In Russ.)
16. Boeva-Omelechko, N. B., Posternyak, K. P. (2015). Linguistic Means of Constructing a Negative Image of Russia in British Media Discourse of 2014–2015. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 3, 124–131. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куницына Олеся Мироновна

кандидат филологических наук

доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права

Института международного права и правосудия

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kunitsyna Olesya Mironovna

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law
Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.07.2025
25.08.2025
09.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'25:811.113.5

Основные этапы в истории переводов русской художественной литературы на норвежский язык. Часть 1

А. А. Любаева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
lyubaevaa@gmail.com

Аннотация. Цель исследования, представленного в статье, заключается в систематизации переводов русской художественной литературы на норвежский язык. В первой части статьи рассматривается ранний этап – переводы за 1867–1940 годы. Материалом выступили сами переводы, критические заметки о них, биографии переводчиков. Методы исследования – переводоведческий и культурно-исторический анализ. В результате определены ключевые переводчики, сыгравшие роль в ознакомлении норвежского читателя с творчеством русских писателей, выявлены переводческие стратегии, характерные для обозначенного периода, описаны особенности раннего этапа переводов русской художественной литературы на норвежский язык.

Ключевые слова: норвежский язык, историческое переводоведение, классическая русская литература, переводческие стратегии, культурно-исторический анализ

Для цитирования: Любаева А. А. Основные этапы в истории переводов русской художественной литературы на норвежский язык. Часть 1 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 68–74.

Original article

An Overview of Literary Translations From Russian Into Norwegian. Part 1

Anastasia A. Lyubaeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
lyubaevaa@gmail.com

Abstract. The study addresses the lack of systematization of the literary translations from Russian into Norwegian. The first part of the article examines the early period of the literary translations from Russian into Norwegian (translations from 1867 to 1940). The material includes translations, critical reviews, and translator biographies. The research method combines translation analysis and cultural-historical analysis. As a result, the translators who played a key role in introducing the works of Russian writers to Norwegian readers were identified, typical translation strategies of the period were determined, and the features of the early period of the literary translations from Russian into Norwegian were described.

Keywords: Norwegian language, historical translation studies, classical Russian literature, translation strategies, cultural-historical analysis

For citation: Lyubaeva, A. A. (2025) . An overview of literary translations from Russian into Norwegian. Part 1. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 68–74. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обосновывается интересом к переводам русской литературы и рецепции русской культуры за рубежом, в частности, в странах Северной Европы. Так, в последние годы были опубликованы статьи о рецепции творчества русских писателей в странах Скандинавии: Ф. М. Достоевского [Андрейчук, 2024; Андрейчук, 2025] и современной русской литературы в Швеции [Carlström, 2024]; постсоветской художественной литературы в Финляндии на основе анализа паратекстов [Sorvari, 2024], а также современной русской литературы на основе анализа литературных рецензий [Vottonen, 2024]; в Исландии была выпущена в свет работа об истории переводов О. Э. Мандельштама и его творчестве [Thraindsdottir, 2024]; истории переводов произведений А. С. Пушкина на скандинавские языки [Воробьева, 2020] и, в частности, переводов отдельных произведений А. С. Пушкина на норвежский язык [Комарова, 1999; Ермакова, 2019], а также о влиянии русских писателей на норвежских литераторов и литераторов в странах Скандинавии [Шарыпкин, 1975]. Однако на данный момент в отечественном переводоведении практически не предпринималось попыток полноценно систематизировать историю переводов произведений русской художественной литературы на норвежский язык, чем и обусловлена новизна нашей работы.

Цель исследования – изучение и систематизация переводов русской художественной литературы на норвежский язык с момента публикации первых переводов до наших дней. Задачи данного цикла статей: выявление наиболее значимых фигур, сыгравших роль в ознакомлении норвежского читателя с творчеством русских писателей, для чего исследована переводоведческая и биографическая литература; изучение результатов их деятельности: в данном аспекте исследована переводоведческая и критическая литература.

Практическая значимость обусловлена возможностью использования материалов данного цикла статей в дальнейших исследованиях переводов отдельных произведений, сравнительном анализе переводов или изучении рецепции русской литературы в Норвегии.

Анализируя материал, мы разработали следующую периодизацию:

- 1867–1940 – ранний период. Он начинается в 1867 году с выходом первого задокументированного перевода произведения русской художественной литературы на норвежский («Арап Петра Великого» А. С. Пушкина в переводе Ханса Блума) и заканчивается
- 1940 годом в связи с оккупацией Норвегии в ходе Второй мировой войны. Данный период существенно длиннее последующих двух, однако решение обозначить именно такие временные рамки обосновано и тем, что переводов русской художественной литературы в этот период выходит меньше, чем, например, во втором, так и тем, что кардинальных изменений в переводах художественной литературы с русского языка на норвежский, каких можно было ожидать после революции 1917 года, в ходе исследования мы не отметили. Интерес к образованному в 1922 году СССР в Норвегии проявляется главным образом в социально-политической сфере, норвежские же издатели начала XX века делают ставку на досоветских классиков, а переводы советских писателей выходят в свет главным образом после 1945 года. В годы Второй мировой войны переводы с русского языка на норвежский не публиковались в связи с оккупацией Норвегии фашистской Германией с 9 апреля 1940 года по 8 мая 1945 года. Ранний период характеризуется переводами через язык-посредник, постепенным развитием русистики (переводчиками начинают выступать профессиональные лингвисты, уделяющие большое внимание разноуровневым языковым деталям оригинала), а также появлением к концу периода нового стилистического идеала (язык должен быть достаточно простым и приближенным к устной речи, из-за чего издатели призывают переводчиков к разного рода упрощениям).
- 1945–1991 – советский период – наиболее продуктивный период для переводчиков, когда расцвет интереса к русской литературе обусловлен интересом к СССР на фоне победы во Второй мировой войне. На данном этапе выходят новые переводы знакомой норвежскому читателю классики (И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского), переводы других классиков (А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. С. Лескова и др.), переводы советских авторов (М. Горького, А. И. Солженицына, Ю. В. Трифонова и др.), активнее переводится лирика (В. В. Маяковский, Е. А. Евтушенко, И. А. Бродский и др.). Новое поколение переводчиков постепенно отходит от появившейся в начале века тенденции к упрощению оригинала и возвращаются к «истокам» – качество переводов, по мнению критиков и переводоведов, существенно возрастает.
- 1991–2025 – постсоветский период. Он характеризуется обилием геополитических трудностей, осложняющих культурные связи между

Россией и Норвегией. Количество издаваемых переводов и интереса к изучению русского языка в целом снижается. Переводчики продолжают работать с классической литературой, но также и уделяют достаточно большое внимание современным авторам (В. Г. Сорокину, М. Л. Степновой, Г. Ш. Яхиной и др.).

Важно также учитывать, что многие переводчики начинали свою работу в одном из обозначенных временных промежутков, а заканчивали – в другом.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению раннего периода в истории переводов русской художественной литературы на норвежский язык, стоит упомянуть о предшествующем ему этапе.

В целом интерес к русской литературе в Норвегии имеет довольно долгую историю. Профессор русского языка и переводчик Эрик Эгеберг упоминает, что одним из первых в Норвегии о русской литературе заговорил политический деятель Николай Вергеланн (1780–1848). Тот сравнивал своего сына, Хенрика Вергеланна (1808–1845), одного из самых знаменитых в Норвегии поэтов и писателей-публицистов первой половины XIX века, с А. С. Пушкиным. Впрочем, Вергеланн вряд ли был близко знаком с творчеством поэта, поскольку воспринимал его скорее как ученика Байрона [Эгеберг, 2001]. Более основательное знакомство с русской литературой в Норвегии происходит позже, а именно – в 1870-х годах. Впрочем, не следует считать, что до этого норвежская публика не имела никакого представления о русской литературе: в силу почти полной идентичности письменного норвежского и датского литературных языков норвежцы могли без затруднений читать произведения русских классиков в датских переводах. Так, например, в Дании «Капитанская дочка» А. С. Пушкина вышла в 1843 году, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова – в 1856 году, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя – также в 1856 году, «Ледяной дом» И. И. Лажечникова – в 1861 году. Однако по мере того, как на протяжении всего XIX века происходила «норвегизация» датского письменного литературного языка, потребность в переводах с русского языка на норвежский возрастала.

ПЕРЕВОДЫ ЧЕРЕЗ ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК

Одним из первых русскую литературу норвежским читателям представил писатель Кристиан Эльстер (1881–1947). В 1869 году он издал собственный перевод романа «Дым» И. С. Тургенева, а в последующие годы перевел романы «Накануне» и «Рудин», а также рассказ «Муму». Впрочем,

свои переводы Эльстер выполнял через язык-посредник – немецкий. Аналогично поступал и писатель Кристиан Винтерельм (1843–1915) при работе над переводом романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. Перевод вышел в 1883 году под названием «Раскольников» – такую стратегию переводчик на норвежский принял у переводчика на немецкий. Писатель Холгер Синдиг (1853–1929), выпустивший в 1887 году перевод романа «Семейное счастье» Л. Н. Толстого, также переводил с немецкого. В современном переводческом сообществе такой способ переведения произведения с одного языка на другой принято критиковать¹ [Landers, 2001]. Однако не стоит также забывать и о том, что в Норвегии второй половины XIX века вряд ли бы нашлось достаточное количество специалистов, знающих русский язык на должном уровне, способное удовлетворить спрос на русскую литературу, стремительно набирающую популярность по всей Европе. Переводчик Альф Глад призывает не считать подобные переводы второсортными, так как в историческом контексте они сделали для знакомства Норвегии с Россией не меньше более поздних переводов, выполненных непосредственно с русского².

ПЕРЕВОДЫ НЕПОСРЕДСТВЕННО С РУССКОГО ЯЗЫКА

Первым же переводчиком русской художественной литературы напрямую с русского на норвежский считается Ханс Блум (в некоторых источниках фамилия транслитерируется как Блом), он же и положил начало русской филологии в Норвегии [Половинкина, 2015]. В 1867 году выходит его перевод исторического романа «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина. В 1873 году Блум издает антологию, в которую включены переводы поэзии В. А. Жуковского (отрывок из стихотворения «Певец во стане русских воинов», «Боже, Царя храни!»), А. С. Пушкина («Клеветникам России», «Пророк», «Наполеон на Эльбе»), М. Ю. Лермонтова («Пророк»), Ф. Н. Глинки («Всемогущество») и И. И. Козлова («К радости»), а также басен И. И. Дмитриева («Орел и змея») и А. Е. Измайлова («Вишня и птицы»). Большинство переводов Блума так и остались единственными. Вероятно, это случилось в силу специфичного выбора произведений – Блум, будучи в первую очередь филологом, не рассчитывал на массового читателя и руководствовался главным образом

¹URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/recommendation-legal-protection-translators-and-translations-and-practical-means-improve-status> (дата обращения: 30.06.2025).

²URL: <https://www.oversetterleksikon.no/sekundaeroversettelse-sekunda-vare/> (дата обращения: 28.05.2025).

личными интересами при выборе произведений, а также был вынужден подбирать произведения небольшого объема, так как подборка публиковалась в одном из выпусков журнала «Тидс Тавлер». Эгеберг отмечает, что Блуму из всех стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова удалось выбрать стихотворение «Пророк» – одно из центральных произведений в поэзии обоих авторов, – что, безусловно, говорит о глубоком понимании переводчиком творчества авторов [Egeberg, 2001].

В числе первых переводчиков русской литературы стоит назвать также и теолога, лингвиста и преподавателя Карла Улафа Фоссе. Известны его переводы В. М. Гаршина. В Норвегии 1890-х годов Гаршин был очень популярен. В заметке «Гаршин и Обстфеллер» историк литературы Мартин Наг утверждает, что творчество Гаршина повлияло на Кнута Гамсуна и Сигбьёрна Обстфеллера (Rogalands Avis. 25.11.1972). В число переводов Фоссе входят: рассказы «Происшествие», «Красный цветок», «Attalea princeps», «Четыре дня» (сборник «Четыре рассказа», 1892), рассказ «Надежда Николаевна» (1893), «Художники», «Медведи», «Трус», «Ночь», «Встреча», «Из воспоминаний рядового Иванова», (сборник «Шесть рассказов», 1893), «Денщик и офицер», «Аясларское дело», «Сигнал», «Лягушка-путешественница», «Очень коротенький роман», «То, чего не было», «Сказка о жабе и розе», «Сказание о гордом Аге» (сборник «Малые рассказы», 1894) – иными словами, практически вся библиография Гаршина. Литературный критик Нильс Хьер в своем эссе, посвященном творчеству Гаршина, отдельно отмечает, что на норвежский его произведения переводились напрямую с русского. Хьер отмечает, что такой подход является безусловным преимуществом, ведь результат «не изнашивается, пройдя через слишком много рук» [Kjær, 1895, с. 121].

В 1893 году Фоссе также перевел рассказы «Яшка» и «Сон Макара» из «Сибирских рассказов» В. Г. Короленко. Все переводы Фоссе были положительно отмечены критиками¹.

Фоссе первым из норвежцев в паре с русским корреспондентом Абрахамом Кораном, работавшим в Норвегии, начал переводить произведения А. П. Чехова: в 1894 году в их переводе под одной обложкой были опубликованы повесть «Палата № 6» и рассказы «Гусев» и «Страх».

Важнейшей работой Фоссе считаются переводы произведений Ф. М. Достоевского: в 1889 году выходит перевод романа «Игрок» – первый норвежский перевод произведения Ф. М. Достоевского, выполненный напрямую с русского,

¹URL: <https://www.oversetterleksikon.no/2022/08/01/carl-olaf-fosse-1860-1940/> (дата обращения: 28.05.2025).

а в 1929 году – романа «Преступление и наказание» (впрочем, вновь под названием «Раскольников») [Egeberg, 2001]. Исследовательница Анне Рагнхильд Бертеиг в рамках сравнительного анализа переводов данного произведения отмечает, что Фоссе более точно передает содержание романа и чаще дает пояснения и сноски, чем Эльза Улен (перевод 1948–1949 годов) и Ивар Дигернес (перевод 1937 года). Фоссе также использует более возвышенный стиль, чтобы максимально приблизиться к стилю оригинала, что, впрочем, отчасти объясняется принадлежностью переводчика «к языковым традициям прошлого столетия» (Фоссе родился в 1860 году), из-за чего современному читателю его язык может показаться «тяжелым и канцелярским» [Berteig, 1993, с. 65].

В начале XX века количество переводов русской литературы растет. Во многом это связано с деятельностью первого преподавателя русского языка в Королевском университете Кристиании Улафа Брука. Он первым перевел на норвежский роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (1911) и роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1915). Первый перевод «Анны Карениной» авторства Брука выдержал проверку временем лучше других² и, по словам Эрика Эгеберга (в 1974 году вышел уже его перевод), связано это с тем, что «будучи добросовестным филологом, стремящимся к сохранению написанного в оригинале», Брук ничего не добавляет в текст и не вырезает из него, как другие переводчики³, не обходит трудности оригинального текста путем упрощения [Egeberg, 2001]. То же утверждение, по мнению Эгеберга, справедливо и для перевода «Братьев Карамазовых», который переиздавался продолжительнее других выходивших переводов вплоть до самого нового и полного авторства Гейра Хьетса в 1993 году⁴. Вклад Брука в перевод русской художественной литературы, по мнению Эгеберга, заключается не только в том, что он перевел два «особенно хороших романа», но и в том, что сделал он это «особенно хорошо» [Egeberg, 2001, с. 23].

ПЕРЕВОДЧИКИ И НОВЫЙ СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ

Эрик Краг, профессор русской литературы в Университете Осло, перевел относительно малое количество произведений – как и Брук, он главным образом занимался наукой и преподаванием. Тем

²Имеются в виду переводы Пера Вигхолма (1928), Марты Грондт (1938), Николая Хенриксена (1950).

³URL: https://oversetterforeningen.no/media/Erik_Egeberg,_Gammel_vin_i_nye_skinnsekker.pdf (дата обращения: 28.05.2025).

⁴URL: https://oversetterforeningen.no/media/Erik_Egeberg,_Gammel_vin_i_nye_skinnsekker.pdf (дата обращения: 28.05.2025).

не менее его дебютный перевод романа «Мёртвые души» Н. В. Гоголя, вышедший в 1927 году, некоторые считают лучшим переводом с русского на норвежский в целом – произведение до сих пор переиздается в переводе Крага [Egeberg, 2001].

Однако известен Краг в первую очередь вышедшим в 1930–1931 годах переводом романа «Война и мир» Л. Н. Толстого. Данный перевод также считается золотым стандартом [там же]. Примечателен тот факт, что издательство просило Крага вырезать из перевода «длинноты» Толстого, вероятно, с целью сохранения динамики текста и его модернизации. Удалению подлежали исторические и философские рассуждения автора, однако Крагу в процессе редактирования всё-таки удалось «тайком протащить» в текст некоторые фрагменты, которые первоначально были опущены [Egeberg, 2001, с. 25].

Тенденция к определенному упрощению прослеживается сразу у нескольких переводчиков «нового» поколения (Марта Грёндт, Николай Хенриксен, Николай Геельмуйден, Томас Кристенсен). Бертеиг считает, что главная причина заключается в новом стилистическом идеале: от любой прозы в данный период требуется максимальная простота и краткость, а издательства, что вполне естественно хотят издавать книги, отвечающие такому стандарту [Berteig, 1993]. Эгеберг отмечает, что русский литературный язык прошлого и настоящего отличают сложный синтаксис, длинные предложения и максимальное использование разнообразных выразительных средств, которые предоставляет язык. В норвежском же лидирует прямо противоположная позиция: писать нужно, как говоришь – просто и понятно, что в свою очередь пагубно влияет на способность читателей воспринимать сложные тексты, «публику практически отучают от этого», а норвежский приобретает славу «простого и понятного языка»¹.

Так, в переводе романа Ф. М. Достоевского «Идиот» за авторством ученицы Брука Марты Грёндт, вышедшем в 1947 году, Краг отмечает разноуровневое стремление к упрощению: «неважные словечки» вроде «стало быть», «какой-то», «даже» опускаются, предложения разбиваются, повторения устраняются. Эгеберг утверждает, что такая стратегия работы «обесцвечивает» перевод [Egeberg, 2001, с. 26].

Грёндт работала главным образом с произведениями Ф. М. Достоевского («Неточка Невзорова», 1925; «Кроткая», 1926; «Белые ночи» и «Скверный анекдот», 1927; «Бедные люди», 1930; «Чужая жена и муж под кроватью», 1931) и Л. Н. Толстого («Сказка о Иване-дураке», «Работник Емельян и пустой

барабан», «Два брата и золото», «Ильяс», «Ягоды» и «Кавказский пленник» в сборнике «Иван-дурак и другие истории для детей и подростков», 1922; «Анна Каренина», 1938). Кроме того, в 1932 году Грёндт перевела «Рассказ о семи повешенных» Л. Н. Андреева [там же]. Литературный критик Карл Неруп пишет о переводе «Кроткой» как о «переложении» или скорее «воссоздании оригинала на норвежском языке» (норв. gjendykning), что для переводчика тех времен считается высшей похвалой, ведь «переложение» – искусство наравне с писательством (Urd. Vol. 51. 1947).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования мы можем выделить следующие особенности раннего периода в истории переводов русской художественной литературы на норвежский язык. Первая «волна» переводов русской художественной литературы в Норвегии началась с переводов через язык-посредник, главным образом немецкий, иногда французский язык, что довольно закономерно: в Норвегии практически не было специалистов по русскому языку, но интерес к русской художественной литературе уже присутствовал. Переводчики и издатели обращали внимание в первую очередь на относительно современные произведения, уже снискавшие славу в Европе: романы И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. По мере того, как в Норвегии начинает развиваться русская филология, а русский язык начинают изучать в главном университете страны, переводчики начинают работать напрямую с оригиналами текстов, всё так же направляя внимание на творчество Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Как мы увидим далее, эти писатели останутся до наших дней самыми презентированными в норвежских переводах. Ранний период вмещает в себя два «поколения» норвежских переводчиков с русского (для удобства их можно определить как «учителей» и «учеников»), избирающих в переводе две прямо противоположные стратегии: в то время как «учителя» стремятся к максимальному сохранению оригинала, «ученики», пытаясь соответствовать новому стилистическому идеалу, заданному издателями и читателями, на разных уровнях упрощают исходные тексты. Во второй статье данного цикла речь пойдет о следующем «поколении» переводчиков, многие из которых имеют русское происхождение и эмигрировали в Норвегию после революции 1917 года. Расцвет

¹URL: https://oversetterforeningen.no/media/Erik_Egeberg,_Gammelvin_i_nye_skinsekker.pdf (дата обращения: 28.05.2025).

деятельности данной группы переводчиков приходится на послевоенные годы, хотя некоторые из них начинают переводить еще до войны, о чем мы и расскажем подробнее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андрейчук К. Р. Ранняя рецепция творчества Ф. М. Достоевского в Швеции (1880). Часть первая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 115–121.
2. Андрейчук К. Р. Ранняя рецепция творчества Ф. М. Достоевского в Швеции (1880). Часть вторая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1(895). С. 119–125.
3. Carlström M. P. It's all about Russia: the reception of contemporary Russian literature in Sweden // Perspectives. 2024. Vol. 33. № 3. P. 450–464.
4. Sorvari M. The reception of post-Soviet Russian fiction through the peritexts of Finnish translations// Perspectives. 2024. Vol. 33. № 3. P. 418–431.
5. Vottonen E. Reception of Finnish translations of contemporary Russian fiction: unveiling cultural perceptions through book reviews // Perspectives. 2024. Vol. 33. № 3. P. 432–449.
6. Thrainsdottir R. Russian literature in Iceland: the translation and reception of Osip Mandelstam in Iceland // Perspectives. 2024. Vol. 33. № 3. P. 465–482.
7. Воробьева Е. В. Приключения Александра Сергеевича в Скандинавии, или история переводов произведений Пушкина на шведский, датский и норвежский языки // Studia Litterarum. 2020. Вып. 5 (1). С. 308–325.
8. Комарова О. Некоторые размышления о переводах «Бориса Годунова» на норвежский язык // Poljarnyj vestnik. 1999. Вып. 2. С. 30–45.
9. Ермакова О. С. А. С. Пушкин в норвежских переводах // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2019. № 4. С. 149–157.
10. Шарыпкин Д. М. Русская литература в скандинавских странах. Л.: Наука, 1975.
11. Эгеберг Э. Россия и Норвегия – Культуры в контакте // Норвежско-русские связи 1814–1917: сборник материалов научной конференции. 2001. С. 136–137.
12. Landers C. E. Literary Translation. A Practical Guide. Bristol: Multilingual Matters, 2001.
13. Половинкина А. М. История изучения русского языка в Норвегии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. № 3–2. С. 468–471.
14. Egeberg E. Russiske oversettelser i Norge // Øst møter Vest: fem foredrag fra et symposium for oversettere fra og til russisk. 2001. P. 20–36.
15. Kjær N. Essays: Fremmede Forfattere. Kristiania: Bertrand Jensen, 1895.
16. Berteig A. R. Norske oversettelser av Dostoevskijs Forbrytelse og straff : presentasjon, analyse og vurdering. Oslo: Universitetet i Oslo, 1993.

REFERENCES

1. Andreichuk, K. R. (2024). The Early Reception of F. M. Dostoevsky's Works in Sweden (1880s). Part 1. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 115–121. (In Russ.)
2. Andreichuk, K. R. (2025). The Early Reception of F. M. Dostoevsky's Works in Sweden (1880s). Part 2. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 119–125. (In Russ.)
3. Carlström, M. P. (2024). It's all about Russia: the reception of contemporary Russian literature in Sweden. Perspectives, 33(3), 450–464.
4. Sorvari, M. (2024). The reception of post-Soviet Russian fiction through the peritexts of Finnish translations. Perspectives, 33(3), 418–431.
5. Vottonen, E. (2024). Reception of Finnish translations of contemporary Russian fiction: unveiling cultural perceptions through book reviews. Perspectives, 33(3), 432–449.
6. Thrainsdottir, R. (2024). Russian literature in Iceland: the translation and reception of Osip Mandelstam in Iceland. Perspectives, 33(3), 465–482.
7. Vorobyeva, E. V. (2020). The Adventures of Pushkin in Scandinavia: A Survey of Pushkin's Translations into Swedish, Norwegian, and Danish. Studia Litterarum, 5(1), 308–325. (In Russ.)

8. Komarova, O. (1999). Some Notes on Norwegian Translations of "Boris Godunov". *Poljarnyj vestnik*, 2, 30–45. (In Russ.)
9. Ermakova, O. S. (2019). Alexander Pushkin in Norwegian Translations. *Nordic and Baltic Studies Review*, 4, 149–157. (In Russ.)
10. Sharypkin, D. M. (1975). Russkaya literatura v skandinavskikh stranakh = Russian Literature in Scandinavian Countries. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
11. Egeberg, E (2001). Russia and Norway – Cultures in Contact. *Norvezhsko-russkie svyazi 1814–1917* (pp. 136–137): The digest of articles of a scientific conference. (In Russ.)
12. Landers, C. E. (2001). Literary Translation. A Practical Guide. Bristol: Multilingual Matters.
13. Polovinkina, A. M. (2015). History of the Study of Russian Language in Norway. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 17(3–2), 468–471. (In Russ.)
14. Egeberg, E. (2001). Russiske oversettelser i Norge. In Øst møter Vest: fem foredrag fra et symposium for oversettere fra og til russisk (pp. 20–36): proceedings of a scientific conference.
15. Kjær, N. (1895). Essays: Fremmede Forfattere. Kristiania: Bertrand Jensen.
16. Berteig, A. R. (1993). Norske oversettelser av Dostoevskijs Forbrytelse og straff : presentasjon, analyse og vurdering. Oslo: Universitetet i Oslo.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Любаева Анастасия Алексеевна

преподаватель кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubaeva Anastasia Alekseevna

Lecturer at the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish languages
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	30.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	09.09.2025	accepted for publication

Игра слов и игра смыслов: как работают каламбуры в переводе

Д. В. Мавлеева¹, Е. А. Похолкова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹selezneva_dv@mail.ru

²pf@linguanet.ru

Аннотация.

Исследование посвящено практическому изучению перевода игры слов в художественных произведениях с корейского языка на русский. Целью исследования является практическое изучение перевода игры слов в художественных произведениях с корейского языка на русский. В качестве материала исследования был выбран хилинг-роман Ким Хёна «Магазин шаговой недоступности», состоящий из двух частей. Первая вышла в 2021 году, а вторая – в 2022 году. Идиостиль Ким Хёна отличается использованием различных художественных приемов, среди которых игра слов, аллюзии, развернутые метафоры, каламбуры, анаграммы. В результате нашего исследования мы пришли к выводу о том, что при переводе игры слов переводчику приходится находить баланс между сохранением формы и передачей смысла, а также учитывать функции текста оригинала.

Ключевые слова: художественный перевод, игра слов, идиостиль, современная южнокорейская литература, каламбуры

Для цитирования: Мавлеева Д. В., Похолкова Е. А. Игра слов и игра смыслов: как работают каламбуры в переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 75–82.

Original article

Play on Words and Play on Meanings: How Puns Work in Translation

Darya V. Mavleeva¹, Ekaterina A. Pokholkova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹selezneva_dv@mail.ru

²pf@linguanet.ru

Abstract.

The research is devoted to the practical study of the translation of wordplay in works of art from Korean into Russian. The aim of the study is a practical study of the translation of wordplay in works of art from Korean into Russian. The research material was Kim Hoyeon's healing novel «Uncanny Convenience Store», consisting of two parts. The first was published in 2021, and the second in 2022. Kim Hoyeon's idiom is distinguished by the use of various artistic techniques, including wordplay, allusions, extended metaphors, puns, anagrams. As a result of our research, we came to the conclusion that when translating a pun, the translator has to find a balance between preserving the form and conveying the meaning, as well as the function of the original.

Keywords:

literary translation, wordplay, idiom, contemporary South Korean literature, pun

For citation:

Mavleeva, D. V., Pokholkova, E. A. (2025). Play on words and play on meanings: how puns work in translation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 75–82. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Научная новизна исследования обусловлена тем, что впервые проводится анализ научных принципов и стратегий перевода каламбуров для частной теории перевода в паре «корейский – русский». Работы по данной теме раннее проводились в других языковых парах, структурно и типологически отличных от данной [Штырхунова, 2005; Ланчиков, 2013].

В задачи входит иллюстрация примеров использования каламбуров, анализ их структуры, а также стратегий их перевода. В качестве материала исследования был выбран хилинг-роман Ким Хёёна «Магазин шаговой недоступности», состоящий из двух частей¹. Первая вышла в 2021 году, а вторая – в 2022 году. Идиостиль Ким Хёёна отличается использованием различных художественных приемов, среди которых игра слов, аллюзии, развернутые метафоры, анаграммы, окказионализмы. Всё это придает произведениям писателя художественную ценность, но при этом представляет определенную трудность для переводчика.

ПОНЯТИЕ ИГРЫ СЛОВ

Рассмотрим определение понятий «игра слов» и «каламбур». Существует два подхода к изучению данных понятий. Часть исследователей считают эти понятия синонимичными и часто определяют одно через другое. Так, например, толковый словарь С. И. Ожегова приравнивает два понятия. Согласно ему, «игра слов – это шутка, основанная на одинаковом звучании разных слов, каламбур»². Аналогичное определение находим и в других словарях: «Каламбур – игра слов; намеренное соединение в одном контексте двух значений одного и того же слова или использование сходства в звучании разных слов с целью создания комического эффекта»³.

П. А. Колосова считает, что каламбур является лишь частным проявлением игры слов, обладающим, тем не менее, всеми характерными чертами [Колосова, 2013]. Д. Делабастита под игрой слов понимает понятие, объединяющее различные текстовые явления, в которых структурные особенности языка (или нескольких языков) используются для того, чтобы представить коммуникативно значимое противопоставление двух (или более) языковых структур, имеющих более или менее схожие формы и более или менее разные значения [Delabastita, 1996]. В данном определении

ученый подчеркивает важность контекста и коммуникативную значимость.

Как пишет П. А. Колосова, типологии игры слов «имеют структурный и универсальный характер, то есть рассматривают игру слов как автономный языковой феномен, самоценный сам по себе безотносительно типа текста, в котором он применяется. Учитывая тот факт, что игра слов относится к структурно-невоспроизводимым средствам текстопостроения с вариациями степени трудности трансляции, отнесение конкретного случая игры слов в художественном тексте к определенному структурному классу чаще всего фактически оказывается нерелевантным при ее переводе... При переводе игры слов в художественных текстах ее форма и способ образования не являются определяющими факторами, куда более важными для принятия переводческого решения оказываются место игры слов в содержательной и смыслообразующей системах текста, то есть как раз ее коммуникативная значимость, ее функции в тексте» [Колосова, 2013, с. 300–301].

Таким образом, при переводе игры слов с учетом коммуникативно-функционального подхода к переводу на первый план выходит сохранение функции лингвистической единицы, ее pragmatischen потенциала, а не формы. Конечно, в тех случаях, когда переводчику не удается сохранить и то, и другое. При переводе игры слов переводчику в первую очередь следует учитывать, какую функцию тот или иной каламбур выполняет в тексте и какова функция отрывка текста, содержащего его.

Говоря о функциях языка, рассмотрим классификацию Р. О. Якобсона из его статьи «Лингвистика и поэтика», к которому дает ссылку Д. М. Бузаджи в своем видео на канале «Перевод жив»⁴. Функция текста оригинала – приоритет. Остальное подчинено этому заданию. Функции языка связаны с коммуникативной ситуацией.

Существует шесть функций:

1. Эмотивная – адресована на отправителя сообщения, передачу своей оценки сообщения, модальность, коннотации. В данном случае важнее не факт, а отношение говорящего.
2. Конативная – направленная на адресата, на воздействие. Например, обращение, повелительное наклонение, шутка, вызывающая реакцию собеседников.
3. Референтативная – обращена на контекст, чем была речь. Стоит на первом месте в текстах технической направленности.

¹김호연. 불편한 편의점. 2021. 나무열의자

김호연. 불편한 편의점 2. 2022. 나무열의자

²Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / ред. Н. Ю. Шведова, 1988. С. 750.

³Русский язык. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1978. С. 107.

⁴URL: <https://rutube.ru/video/58fb0a0996f0354d14e0ac3a11f942b1/?ysclid=meh6717ca092862185> (дата обращения: 21.08.2025).

4. Фатическая – направлена на проверку канала связи. Все слова и выражения, задача которых уточнить, что тебя слышат. Среди примеров можно привести слова паразиты, переспросы («да?»), «ну вот», «ну скажем» (нет оценки, нет сообщения, только привлекаем внимание).

5. Метаязыковая функция – нацелена на код. Пояснение значения слова, уточнение лингвистической составляющей сообщения, например – синонимы. Часто такие элементы сообщения не будут иметь смысла в контексте перевода. В корейском языке данная функция может реализовываться через объяснение или с помощью синонимов разного происхождения.

6. Поэтическая функция – нацелена на само сообщение, главное то, как сформулировано сообщение. Например: поэзия, рифма, приемы, важно не столько фактическое событие, сколько художественный эффект.

Таким образом, при переводе каламбуров главное значение имеет функция, выполняемая ими в тексте. В художественном произведении речь будет идти о поэтической функции, однако важно учитывать, что это может быть не только одна функция, но и их сочетание.

СТРУКТУРА КАЛАМБУРА

Говоря о структуре каламбура, В. С. Виноградов выделяет два основных компонента – опорный элемент каламбура, его лексическое основание, или стимулятор, который соответствует существующим орфографическим, орфоэпическим и словоупотребительным нормам языка; а также «результатирующий компонент, или результатант, представляющая собой как бы вершину каламбура. Лишь после организации в речи второго компонента и мысленного соотнесения его со словом-эталоном возникает комический эффект, игра слов» [Виноградов, 2004, с. 203].

Как пишет В. К. Ланчиков, часто переводчику сначала пытаются передать наиболее формально близкий компонент, если же это не удается, то прибегают к попытке передать сам прием, но на другом лексическом материале, заменив стимулятор и, возможно, результатант. «Если семантическое поле, к которому относится лексическая единица, (такими полями могут быть техника, кулинария, экономика, цветообозначения и т. п.) представить в виде круга, то переводчик мысленно размещает “семантические круги” стимулятора и результатанты таким образом, чтобы они частично пересекались, и вращает каждый вокруг его оси, стараясь обнаружить в зоне пересечения единицу, которая относилась бы одновременно к обоим полям. Если

поиск окажется безуспешным, стоит, осмыслив изображенную в тексте ситуацию, подыскать слова, пригодные для ее описания, взять их в качестве нового стимулятора и / или результатанты и повторить операцию с их семантическими полями» [Ланчиков, 2013, с. 25]. В случае же, «если не удается передать и прием, на котором строился каламбур, можно попробовать воспроизвести лишь коммуникативный эффект, который им создавался» [там же, с. 22].

Д. Делабастита разделяет значимую и незначимую игру слов, отмечая, что переводчика, в первую очередь, интересует первый тип, так как он часто является тексто- и сюжетообразующим, определяющим всю канву повествования или же отдельные эпизоды произведения [Delabastita, 1996]. Здесь стоит говорить и о регулярности каламбура, т. е. о том, насколько часто он встречается в произведении.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Рассмотрим несколько примеров из материала нашего исследования. Так, в случае с романом Ким Хоёна само название романа представляет собой оригинальную игру слов: 불편한 편의점 [пульхёнхан пхёничжом] дословно «неудобный удобный магазин», отсылка к тому, что главное пространство, где разворачивается действие, не располагает большим ассортиментом товаров, работающей микроволновкой, приветливыми сотрудниками, таким образом, всем тем, чем полагается обладать подобного рода магазинам в Корее. Однако несмотря на это в нем люди находят психологическое успокоение, выход из ситуации, которая казалась им ранее безвыходной, а кто-то – даже творческое вдохновение, после этого все они возвращаются в реальность и исчезают из повествования. Очевидно, что в оригинале стимулятором в данном каламбуре является концепция круглосуточных магазинов возле дома, которые на многих языках именуются «удобными», а результатантой – прилагательное «неудобный». В русском языке мы подобрали вариант «магазин шаговой недоступности», сохранив формально близкий к оригиналу эквивалент и сам каламбур.

Столт отметить, что данный каламбур встречается не только в названии, но и внутри самого текста. «Неудобным удобным магазином» данную точку прозвали его покупатели. В корейском языке вариант 불편한 편의점 структурно состоит из двух трехсложных слов, которые наряду с двусложными является наиболее продуктивными с точки зрения структуры в корейском языке. Однако подобранный нами эквивалент в русском языке – «магазин

шаговой недоступности» – состоит из трех слов: двух трехсложных и одного пятисложного слова, что для русского языка не слишком узально и вряд ли могло бы использоваться для создания шутки в разговорах людей. Поэтому в переводе мы назвали данную точку большой сети «Всё для вас» (в оригинале – ALWAYS), а шутку покупателей передали как «Всё не для вас», «Ничего для вас». Пример из текста:

아니. 손님한테 불편을 줬으면 해결을 해줘야 할 거 아냐? 여기 편의점 아냐? 그래 안 그래? (ч. 1, с. 66).
– Но ты причинил мне неудобства и должен это как-то возместить. Вы называетесь «Все для вас» – а что для нас-то? (ч. 1, с. 64).

В. К. Ланчиков среди функций игры слов выделяет также функцию создания речевой или психологической характеристики персонажа. Главный герой второй части произведения часто придумывает шутки с использование иностранного языкового материала. Во время интервью с будущей сотрудницей он говорит:

“알바를 많이 하셨네. 오렌지영, 뚜스레스쥬르스…….”
“저, 뚜레쥬른데요. 올리브영이고.” “아, 그냥 내가 장난으로 그렇게 부른 거예요. 올리브영이랑 오렌지영이랑 혗갈리지 않아요? 그리고 뚜스 레스 쥬르스는 내 친구, 무식한 친구 하나 있는데 뚜 레 쥬르가 이태리어잖아요, 근데 바보 같이 영어 발음으로 읽더라고요. 뚜스 레스 쥬르스! 완전 웃기지 않아요? 아하하.” (ч. 2, с. 58).

В данном примере мы можем заметить, что в оригинале игра слов строится на фонетической близости некоторых иностранных слов, замене звуков и особенностях передачи иностранных слов на корейский язык. В переводе нам не следует прибегать к транскрипции ошибочного варианта названия бренда косметики, который использует главный герой, – [ттусы ресы чюрысы] **뚜스 레스 쥬르스**, а поразмышлять над тем, какой вариант будет звучать комично и оригинально в русском языке.

- Вы подрабатывали во многих местах. «Орандж янг», «Жур ле ту».
- Правильно «Олив янг». И «Ту ле жур».
- Я знаю, я специально так прочитал. Ну смешно же? «Орандж» и «олив» вообще легко перепутать. А «Жур ле ту» – это так мой дружбан как-то раз прочитал. С языками у него беда, даже с английским – какой уж там итальянский... (ч. 2, с. 56).

Вместо транскрипции переводчик адаптировал шутку, используя искаженный перевод

названия «Жур ле ту» (вместо «Ту ле жур»), сохранив идею смешной модификации французского. Таким образом, переводчик перенес комизм ситуации, адаптируя фонетическую игру слов под русскую фонетику и восприятие, что позволило сохранить юмор и характер персонажа. Это пример творческого эквивалента, когда дословный подход уступает место функциональной адаптации, ориентированной на целевую аудиторию.

Для корейского языка характерна высокая продуктивность словообразовательных процессов, в том числе в неформальной и междийной коммуникации. Одним из распространенных приемов, используемых при создании каламбуров, является морфемная контракция или образование сложносокращенных лексем – намеренное сокращение и слияние двух или более лексем с целью образования неологизма, обладающего новым семантическим содержанием и / или комическим эффектом. Морфемная контракция в корейском языке чаще всего реализуется путем усечения отдельных морфем входящих слов и последующего их объединения в единое фонетикографическое целое.

Каламбурный эффект в данных случаях достигается за счет фонетической ассоциации, многозначности входящих компонентов и создания неожиданного смыслового поворота, при этом новые слова могут сохранять узнаваемость составляющих элементов, что способствует интерпретации и вызывает юмористический отклик.

Аллитеративный каламбур, основанный на повторении слога **참** [чхам], встречается в четвертой главе первой части произведения. Герой по имени Кёнман, офисный сотрудник, регулярно покупает вечером три определенных продукта: лапшу **참깨라면** [чхамккэ рамён] «рамён с кунжутом», роллы **참치김밥** [чхамчхикимпап] «кимпап с тунцом» и алкогольный напиток **참이슬** [чхамисыль] сочжу «Чамисыль». Совокупность этих трех наименований в исходном тексте получила обобщающее название **참참참** [чхамчхамчхам], что представляет собой не только аллитеративное повторение, но и отсылку к популярной в Корее игре с аналогичным названием. В англоязычной среде ее иногда называют *Cham Cham game* или *head turning game*.

В русском переводе удалось сохранить эффект повторения путем подбора соответствующих элементов с начальной буквой **р**: «рамён с кунжутом», «роллы с тунцом», «сочжу “Роса”», что дало возможность сформировать аналогичный по звучанию каламбур – «три Р». Эта адаптация представляет собой пример функционально ориентированного перевода, при котором сохраняется комический и стилистический эффект.

При дальнейшем упоминании названия набора в пятой главе один из персонажей, господин Ким, реагирует на выражение «три Р» вопросом: «Это что, игра какая-то?» (ч. 1, с. 146). В данном случае мы решили не включать пояснительную сноска, так как из контекста и так понятно, что речь идет об игре. Пример из текста:

오늘 밤은 ‘참참참’이다. 지난 몇 개월간 선택해온 경만의 최적의 조합이 바로 이것이었다. 참깨라면과 참치김밥에 참이슬. 이것 이경만의 1선발이자 절대 후회하지 않을하루의마감이고빈자의 혼술상 최고 가성비가 아닐 수 없었다 (ч. 1, с. 112). – Сегодня у него вечер трех «р», его любимое сочетание, которым он наслаждался уже несколько месяцев. Рамён с кунжутом, роллы с тунцом и, наконец, сочжу «Роса» – самый подходящий вариант для бедняка и отличное завершение дня (ч. 1, с. 102).

Рассмотрим еще один пример каламбура, получившегося в результате создания неологизма в корейском языке с помощью приема морфемной контракции.

“오늘도 찰치 한시네요” – “예?”

알바인지 점장인지 모를 카운터의 중년 사내가 카드를 돌려주며 뜯금없는 소리를 내뱉었다. 소진은 당황한 채 사내를 살피야 했다.

“참이슬에 자갈치니까, 참치! 참치잖아요. 저도 그 조합 참 좋아하는데요.” “아.....” (b. 2, c. 51).

В данном примере главный герой, Кынбэ, создает каламбур для излюбленного набора покупок одной из героинь, Сочжин, – имеется в виду вышеупомянутое сочжу «Роса» и чипсы «Чагальчхи» в форме осмыножек: 참이슬 [чхамисыль] + 자갈치 [чагальчхи] = 참치 [чхамчхи], финальное слово – «тунец». Данный каламбур является своего рода сюжетообразующим для всей главы, так как автор знакомит нас с историей главной героини, которая выросла в небольшом приморском городе, но из рыбы предпочитала тунца. Поэтому результа́нта «тунец» очень важна для перевода. Переводчик принимает решение заменить само основание каламбура, введя в текст другое блюдо – «заливное» – которое отчасти фонетически, но главное – семантически вписывается в ситуацию: запивать алкоголем еду, заливать алкоголем переживания.

— О, сегодня снова «заливное», — внезапно обратился к ней мужчина средних лет, стоящий за кассой: не то продавец, не то управляющий.

– Что? – растерянно пробормотала она.

- Ну, «заливное»: будешь заливать морепродукты сочку. Я тоже такое обожаю.
- А-а, это... (ч. 2 с. 50)

При этом в продолжении главы нам удалось сохранить и тот факт, что каламбур соотнесен с любимым блюдом героини. Пример из текста:

참이슬에 자갈치, 참이슬, 자갈치, 참.....치.....에
이씨! 참치 먹고 싶다. 회를 안 먹는 소진이 유일하게
먹는 생선이 참치가 아닌가. 스무 살 때 처음 먹은
참치는 다른 회와 달리 비리지 않고 육고기처럼
기름지고 맛있었다 (ч. 2, с. 54). – «Заливное»...
Кстати, забавно, но заливное из тунца – единственное рыбное блюдо, которое она признавала. И то потому, что по текстуре и вкусу тунец напоминал мясо...
(ч. 2, с. 52).

Таким образом, переводчик отказывается от сохранения морфологического и звукового основания оригинального каламбура, создает новый каламбур на другом лексическом материале, сохраняет речевую ситуацию и обеспечивает функциональный эквивалент, соответствующий жанровой и коммуникативной установке оригинала.

Как уже упоминалось, некоторые каламбуры могут являться сюжетообразующими на уровне всего текста или отдельной главы, как в случае с данными примером. Далее героиня вспоминает о том, что всегда просила папу привезти ей из Сеула чипсы 자갈치 [чагальчи], а он называл их 가물치 [камульчхи], букв. 'змееголов'. В корейском языке игра слов строится на принципе фонетической близости двух слов. В переводе нам пришлось менять и основание каламбура, и резльтанту в попытке найти единицы, сходные фонетически и узуально подходящие под контекст. Пример из текста:

“아빠는 서울에서 일하고 우리 집은 목포였거든요. 아빠는 주말마다 집에 내려왔는데, 그때마다 내가 좋아하는 이 과자를 사 왔어요. 그러면서 늘 소진아, 아빠가 가물치 잡아 왔다! 그랬어요. 내가 자갈치라고 맨날 정정해줘도, 다음에 올 때 또 가물치라고 했다니까요. 그래서 이 자갈치, 아니, 가물치는 나한테 아빠를 떠올리게 하는 과자예요.” (4. 2, c. 77).

– Папа работал в Сеуле, а жили мы в Мокпхо. На выходные он приезжал домой, и я все время просила его привезти мне чипсы с лобстером. Он приезжал и говорил: вот твои чипсы с толстолобиком! Сколько бы я его ни поправляла! Поэтому чипсы напоминают мне о папе (ч. 2, с. 73).

«Лобстер» и «толстолобик» имеют определенную фонетическую близость за счет наличия общего фрагмента «лоб», что может быть использовано

как база для каламбура. И в конце данной главы персонаж использует лексему **가물치** [камульчхи] для того, чтобы поддержать и подбодрить героиню, потерявшую отца и переживающую трудный в жизни период. В аргумент к этому они обсуждают то, что змееголов – хищная рыба. Таким образом, необходимо было учитывать и этот факт. Изучив материалы, нам удалось выяснить, что толстолобик, будучи травоядной рыбой, при достижении крупных размеров (более десятков килограмм) может переходить на хищническое питание, погедая молодь и мелких рыб. Это происходит, если растительной пищи недостаточно¹.

“이제 소진 씨 내가 가물치라고 부를 겁니다. 힘센 가물치 씨. 그러니까 호구로 살지 말고 포식자로 살라고요. 알았죠?” (ч. 2, с. 78).

– Перестаньте быть слабохарактерной. Станьте хищником. Совсем как толстолобик (ч. 2, с. 74).

Как уже отмечалось ранее, речевые манеры героев произведения отличаются выраженной лингвокреативностью, проявляющейся в активном использовании языковой игры, неологизмов и нестандартных коммуникативных стратегий. Такой подход к построению высказываний свидетельствует о высокой степени индивидуализации речевого поведения персонажей и выполняет важную стилистическую и прагматическую функцию в тексте. Рассмотрим еще один пример:

“백화점은 한마디로 상품이 백 개는 된다는 거잖아요. 그렇게 비 유하자면 편의점은 만화점이라고 난 봐요. 백화점에서 파는 고급 제품 백 개 대신 잡다하지만사는 데 꼭 필요한 물건이 만 개는 있지요.” “만화점이라..... 재밌는데요. 만화책도 있을 것 같고. 하하.” (ч. 2, с. 173).

В приведенном фрагменте оригинального текста на корейском языке наблюдается яркий пример языковой игры, функционирующей в рамках метаязыковой функции языка.

Герой рассуждает о значении слова **백화점** [пэкхвачжом] «универсальный магазин», букв. 'магазин ста товаров', и на этой основе вводит авторский неологизм **만화점** [манхвачжом], в котором первая часть **만** [ман] означает «десять тысяч», тем самым усиливая идею широты ассортимента, а вторая часть сохраняет структурную аналогию с исходным словом. Дополнительно возникает омонимическая ассоциация с **만화** [манхва] «корейскими комиксами», что усиливает игру

¹URL: <http://fishbiosystem.ru/CYPRINIFORMES/Cyprinidae/Hypophthalmichthys1.html> (дата обращения: 21.08.2025).

слов и делает возможным двусмысленное восприятие – собеседник интерпретирует слово **만화점** [манхвачжом] так же, как «магазин комиксов».

Переводчик, отказавшись от буквальной передачи каламбура, переформулировал реплику как размыщение об универсальности ассортимента и тем самым сохранил семантическое ядро высказывания. При этом в переводе нам также удалось построить шутку с помощью метаязыковой функции, так как в русском языке «универмаг» – это сокращение от «универсальный магазин». В данном случае пришлось пожертвовать омонимической ассоциацией, использовав прием генерализации и вариант «Чего у нас тут только нет». Например:

– Так вот из названия мы понимаем, что это универсальные магазины. Но на самом деле круглосуточные куда более универсальны, ведь там продаются не дорогие люксовые вещи, а всякая всячина, которая необходима нам в повседневной жизни.

– Ха-ха, забавно. Это точно! Чего у нас тут только нет (ч. 2, с. 160).

Особую сложность при переводе в паре «корейский – русский» представляют различия в чтении китайских иероглифов в странах Дальнего Востока. Обычно это касается перевода географических названий, имен собственных и литературных произведений. Однако случается, что трудности возникают и при переводе каламбуров. Рассмотрим следующий пример:

그리고 나서 근배의 명찰에 적힌 홍금보라는 이름을 보고 눈이 뚱그랬다.

“뭐야 근배 씨. 이거 별명이야?”

“예. 황근배라서 홍금봉니다.”

점장님의 그의 외모를 다시 살피곤 깔깔 웃었다.

“이름 때문만은 아니네. 진짜 닮았잖아! 나 한창때 성룡이랑 홍금보 나오는 영화 많이 봤는데.” (ч. 2, с. 183–184).

В приведенном отрывке используется каламбур, основанный на фонетическом и графическом сходстве имени персонажа с именем известного гонконгского актера. Имя героя – **황근배** [Хван Кынбэ] Хван Кынбэ. Его прозвище **홍금보** [Хон Кымбо]. Имя гонконгского актера не может быть транскрибировано на корейский язык в корейском чтении китайских иероглифов, а, кроме того, является устоявшимся – в русскоязычной среде имя актера чаще всего записывается, как Саммо Хун, что не подходит для нашего перевода, так как теряется значимая часть

фонетического сходства. При дальнейших поисках удается найти полный вариант Саммо Хун Камбо, из которого мы выбрали второй и третий элементы, чтобы сохранить корреляцию с настоящим именем персонажа.

...Услышав положительный ответ, хозяйка благодарно похлопала его по плечу, как вдруг заметила, что на бейджике мужчины написано «Хун Камбо».

- Это еще что такое? Прозвище, что ли?
- Ага, похож ведь.
- И не только именем. Очевидное сходство! – усмехнулась управляющая, окинув Кынбэ взглядом.
- В свое время я обожала фильмы с ним и с Джеки Чаном (ч. 2, с. 170).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Игра слов представляет собой важный выразительный прием, основанный на многозначности, созвучии или омонимии, который часто используется для создания комического, ироничного или аллюзивного эффекта. При переводе таких выражений возникает особая сложность: прямая передача игры слов часто невозможна из-за различий в фонетике, лексике и культурном коде носителей языков. Поэтому переводчику приходится находить баланс между сохранением формы и передачей смысла с учетом функции текста оригинала. Удачный перевод игры слов – это не буквальный перенос, а творческая адаптация, которая требует как языковой интуиции, так и глубокого понимания контекста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Штырхунова Н. А. Лингвистическая игра слов (каламбур) в английском языке и в русском переводе: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005.
2. Ланчиков В. К. «Делайте вашу игру!» О передаче каламбуров при переводе // Мосты. Журнал переводчиков. 2013. № 1 (37). С. 18–30.
3. Колосова П. А. Текстовые типы и характеристики игры слов в художественной прозе, релевантные при переводе // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. ст. по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2013. С. 299–305.
4. Delabastita D. Introduction // The Transtator. 1996. Vol. 2. No 2: Wordplay and Translation: Essays on Punning and Translation. Manchester, 1996. P. 127–139.
5. Виноградов В. С. Перевод. Общие и теоретические вопросы. М.: КДУ, 2004.

REFERENCES

1. Shtyrkhunova, N. A. (2005). Linguistic pun in English and Russian translation: PhD thesis in Philology. Krasnodar. (In Russ.)
2. Lanchikov, V. K. (2013). «Delajte vashu igru!» O peredache kalamburov pri perevode = «Make Your Game!» On the Transfer of Puns in Translation. Mosty. Zhurnal perevodchikov, 1(37), 18–30. (In Russ.)
3. Kolosova, P. A. (2013). Tekstovye tipy i karakteristiki igry' slov v xudozhestvennoj proze, relevantnye pri perevode = Text types and characteristics of wordplay in fiction that are relevant for translation: collection of articles based on the materials of the III All-Russian Scientific Conference of Young Scientists (pp. 299–305). Yekaterinburg: Ural Federal University. (In Russ.)
4. Delabastita, D. (1996). Introduction. In The Transtator: Wordplay and Translation: Essays on Punning and Translation, 2(2), 127–139. Manchester.
5. Vinogradov, V. S. (2004). Perevod. Obshchie i teoreticheskie voprosy = Translation: General and Theoretical Issues. Moscow: Kazan Federal University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мавлеева Дарья Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры восточных языков
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Похолкова Екатерина Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент
декан переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mavleeva Darya Vladimirovna
PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the Department of Oriental Languages
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Pokholkova Ekaterina Anatolieva
PhD in Philology, Associate Professor
Dean of the Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	30.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	09.09.2025	accepted for publication

Научная статья

УДК 81`42

Функциональная прагматика фактоида в фейковом медийном дискурсе

Н. А. Пелевина

Армавирский государственный педагогический университет, Армавир, Россия
npelevina14@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – описание функционально-прагматической специфики фактоида как средства аттракции и формирования псевдореального пространства оценки в медиадискурсе при производстве фейка. В рамках диалектико-реляционного анализа определяются приемы формирования моноинтерпретации, создающей у реципиента впечатления истинности и верифицируемости фикциональной оценки. Интенциональные и саккадические элементы в делимитации фактоида и фейка демонстрируют максимизацию псевдореальных локутемы, хронемы, коммуникемы при генерации актуального фейка, распределение и деконструкция которого возможны на эмпирических основаниях, что создает особые проблемы современной лингвобезопасности. Базовые приемы фактоидной представленности фейка включают аллюзии к фактам с изменением вектора оценки, реминисценции и имитацию официального языка, «коммуникативную фиксацию», хеджирование.

Ключевые слова: фейковый дискурс, медиадискурс, фактоид, субъективная детерминация, факткетчинг, псевдореальность, делиберация

Для цитирования: Пелевина Н. А. Функциональная прагматика фактоида в фейковом медийном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 83–90.

Original article

Functional Pragmatics of Factoid Within Fake Media Discourse

Natalia A. Pelevina

Armavir State Pedagogic University, Armavir, Russia
npelevina14@gmail.com

Abstract. The study aims to describe functional and pragmatic peculiarities of a factoid as a mean of attraction and formation of a pseudo-real space for assessing in media discourse during the production of fake. Within the framework of dialectical-relational analysis, techniques for initiating mono-interpretation are determined, which create an impression of truth and verifiability of a fictional evaluation. Intentional and saccadic elements in delimiting a factoid and a fake reveal the maximization of pseudo-real locutema, chronema, communieme for generating an actual fake, the de-objectification and deconstruction of which are possible on empirical grounds, which creates special problems of modern linguistic security. Basic techniques of factoid presentation of fake content include allusions to facts with a change in the evaluation vector, reminiscences and imitation of official language, “communicative fixation”, and hedging.

Keywords: fake discourse, media discourse, factoid, subjective determination, factcatching, pseudoreality, deliberation

For citation: Pelevina, N. A. (2025). Functional pragmatics of factoid within fake media discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 83–90. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современное медиапространство характеризуется максимизацией акторов создания различного контента и интенсификацией имагинативных и функциональных компонентов оценивания инфоповодов. Объясняется данный факт не только деперсонализацией и глубокой медиатизацией контента, но и размыванием ценностно-семиотической системы рефлексивной верификации элементов информационного потока. Модификация эстимативных и эвалюативных шкал определения коллективной значимости продуцируемого сообщения основывается в современной социальной реальности скорее на критериях коммуникативной истинности, т. е. самой возможности построения адекватного потребностной сфере масс высказывания, а не на принципе истины как необходимой эмпирической верификации декларативных конструкций. На основе роста значимости делиберативных моделей оценки события ввиду общедоступности контентоформирования некоторые «либеральные» медиаплатформы в угоду привлечения как можно большего количества пользователей и увеличения собственной популярности допускают распространение непроверенной информации, которая, однако, своим броским и провокативным содержанием фокусирует внимание именно на функциональных моментах. Таким образом, осуществляется расширение дерогативного пространства оценки социальной реальности, укоренение антиценностных доминант, модификация концептуально-валёрной системы общества [Бредихин, Каменский, Шибкова, 2024]. Именно поэтому исследование механизмов трансляции псевдореализма, которое способствует снижению критического восприятия реципиентов и усиливает трансляционные возможности фейка, представляется в современных условиях информационных войн одной из наиболее значимых проблем лингвобезопасности и лингвоэкологии.

В то же время размывание смыслов и жестких паттернов оценки в провокативных фейковых нарративах способствует усилинию значимости демонстративных элементов в «живых» коммуникативных практиках и фобического отношения к реальности [Карасик, Слыскин, 2023]. Иррациональные компоненты как в генерации, так и в интерпретации инфоповодов выходят на доминирующие позиции по причине более широких областей суггестии по сравнению с эмпирически верифицируемыми сообщениями. Патерналистские формы аттракции в медийном дискурсе основаны на априорном понимании объективной иррациональности основной массы реципиентного сообщества, а субъективная иррациональность в своей дуальности (кажущейся обоснованности оценки в конкретных дискурсивных условиях) ведет к еще большему усилению коллективной значимости неаргументированных элементов псевдореальности, искажению и не просто ограниченному, но искусственно сформированному¹ «туннельному» восприятию описываемой действительности, – реальности фейка.

Актуальность исследования обусловлена высоким интересом ученых-лингвистов к проблемам изучения стратегий идеологического влияния в различных типах дискурса [Гусейнова, Горожанов, 2024; Гусейнова, Горожанов, 2023а; Гусейнова, Горожанов, 2023б]. Интерес вызывает также деятельностный подход к повышению манипулятивного эффекта фейкового контента в различных дискурсивных практиках и анализ структуры фейка с опорой на фреймовый анализ ключевых компонентов [Романов, Абросимова-Романова, 2024]. Проблемы распредмечивания и деструкции имагинативных компонентов фейка также привлекают внимание современных ученых, анализу подвергаются механизмы функционального семиозиса на лингвистических основаниях [Кошкова, Бойко, 2020].

Новизна работы состоит в том, что впервые производится различие фейка и фактоида на основании иллокутивного и функционального критериев контент-генерации, что позволяет объяснить некоторые до настоящего времени не исследованные основания интерпретации квазиреальной фикции в качестве правдоподобной. Введение в сферу анализа медиаконтента компонента глубокой медиатизации и рассмотрение процесса мимесиса дают основание для рефлексивной верификации функциональных элементов инфоповода, а также позволяет создать достоверный базис для распредмечивания и деконструкции фейка.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В процессе анализа функциональной прагматики такого интенциально привлекаемого к формированию псевдореального хронотопа механизма, как фактоидные формы аттракции и фатики, ключевым становится делимитация фейка как такового и аспектуализированного и квазиаргументированного фактоида. Данное разграничение и соподчинение фактоида происходит посредством диалектико-реляционного анализа средств интенсификации рефлексивной верификации и выявления инструментальных иллокуций как

¹Иррациональность // Большая советская энциклопедия: в 30 т. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 10. Ива-Италики.

основы вербализации функционального инфоповода [Fairclough, 2003]. Именно семиотическое измерение социальной реальности, переход в плоскость значимостной стратификации фактов агентами глубокой медиатизации позволяют «конверсационализировать публичный дискурс» (conversationalisation of public discourse), сводя верификацию инфоповода к поверхностному аффективному восприятию и позволяя массовому реципиенту основываться в интерпретации лишь на топикально детерминированном текстовом пространстве и «порядке дискурса», которое большинством современных исследователей трактуется как особая область дискурсивизации социальной реальности [Wodak, Meyer, 2009], т. е., по сути, уравнивает дискурсивную и социальную реальность в сходстве М. Фуко [Foucault, 1996].

В качестве эмпирического материала для анализа иллоктивных целей аттракции и удержания интереса читателей к фейковому контенту нами были избраны инициальные посты и поддерживающие комментарии к ним, опубликованные на официальном портале британского ежедневника «The times», общим объемом более 50 микроконтекстов, содержащих фактoidный элемент в сильной позиции текста сообщения. Главным критерием отбора для формирования стратифицированной выборки явилась топикальная детерминация и наличие провокативного нарратива псевдореальности, основанного на рекурсии целецентристической функционализации «желаемого».

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

В настоящее время традиционные новостные и аналитические издания трансформируются в цифровую плоскость. При этом «качественная» пресса не опасается представлять в качестве провокативного контента должным образом не проверенную информацию, что вкупе со значимостью подобных СМИ в иерархии медиапространства, презентацией их «доброго имени» способно породить специфические псевдореальные области оценивания инфоповодов. Эта псевдореальная истинность и квазиаргументированная верифицируемость является одним из условий трансляции фейка как воспринимаемого широкими массами вполне оправданного способа модификации концептуально-валёрной системы в угоду удовлетворения потребности поиска корреляций в реальном и волонтативном пространстве информирования.

Ключевыми механизмами обеспечения коллективной значимости функциональных элементов становятся меметизация и глубокая медиатизация. Меметизация представляет собой снятие эмпирических

ограничений интерпретации инфофакта, т. е. инфофакт вводится в область гипертекстового существования как объективный феномен, происходит гипостазирование сущности, приданье онтологического статуса рефлексивной, виртуальной посылке [Tyler, 2011]. Осуществляется этот перенос из информационного в псевдореальное пространство с помощью отсылки к мнимому прецеденту (мемологеме), которая в синестетическом представлении – переходе от визуальной, ситуативной или аудиальной формы к вербально-семиотической – «обрастает» дополнительными элементами аспектуализации, чаще всего лишь мнимыми и актуализирующими аффективный вектор оценивания инфоповода. Меметизация с данной точки зрения представляет собой специфическую форму образно-эмотивной метафоризации, способной связать реальное и виртуальное пространства в преломлении концептуализированных и легитимизированных образов в субъективно-интерпретативной иерархии значимостей. Медийный контент, наиболее выпукло и детализированно представляемый в вербалике, создает область конвергенции с визуальным контентом, который априори рассматривается реципиентом субъектом в качестве реального, поскольку не только актуальным внутренним значимостям (по А. Шюцу), но и разделяемым культурным рамкам текстопорождения. Первичным в данном случае распознается и импринтируется визуальный код как реальная точка отсчета в эмотивной интерпретации развернутого функционального вербального описания [Марченко, Бредихин, 2023].

Другим знаковым процессом, позволяющим создавать пространство некритического оценивания и псевдоэмпирической верификации на основе обращения только к гипертекстовым пространствам, является глубокая медиатизация, маркирующаяся переходом верификационных оснований из области объективной реальности в пространство медиаинтерпретации, т. е. контент-верификации со смещением фокусировки с ивент-оснований на инфо-основания [Couldry, Hepp, 2018]. Выраженная в рамках глубоко медиатизированного контента ингерентная идея аттракции («захвата» внимания аудитории любыми доступными способами) как провокативная мобилизация реципиентирующих субъектов осуществляется путем целенаправленного использования функциональных репрезентантов псевдореальности [Бредихин, Авдеев, Шишкин, 2024].

Таким образом, именно синергия намеренной трансляции непроверенного, но разделенно-го, отвечающего актуальным стереотипам генерализованного содержания, и интенциональное применение декларативных делиберативных

форм интенсификации аффективного вектора интерпретации позволяют создать правдоподобный фейк. Основой такого фейкового сообщения, как демонстрируют большинство проанализированных нами микроконтекстов, служит именно фактOIDная презентация виртуального инфоповода.

Термин «фейковая новость» (англ. fake news) для обозначения заведомо ложной информации, намеренно создаваемой как аффективно и аргументативно релевантный инфоповод, расширяющий пространство «желаемой» интерпретации актора медиадискурса, стал широко применяться относительно недавно. Фейк в современном мире при «технологизации дискурса» и канальном расширении способов кодирования принимает различные форматы, в том числе и поликодовые. Например, широко известны и доступны техники дипфейка, создаваемого при помощи искусственного интеллекта. «Технологизация» дискурсивных практик не является банальным переходом коммуникативной реальности в виртуальную сферу, но представляется инструментально-утилитарным отношением к моделям дискурса в их обеспечении идеологических, институциональных основ социальной реальности [Маркузе, 2003].

В фейковом пространстве дискурсивизации функционального псевдореального инфоповода последовательная институционализация и легитимизация векторов аффективной интерпретации осуществляется в процессе привязки к социальной регуляции зависимостей, имеющих рекуррентный, циркулярный характер (*circuits*), а потому коллективная легитимизация и институциональная конвенционализация каждого фактоида (если таковой экстраполируется на объективную реальность) закономерно включают первичную презентацию, детализацию и конкретизацию топика и локуса, структурацию, имплементацию и развитие [Плотникова, 2011].

Что касается понятия «фактоид», то оно было введено американским журналистом и писателем Норманом Мейлером почти полвека назад для обозначения имитации правдоподобной информации. Фактоидом он называл фиктивный факт, не подлежащий эмпирической верификации, но создаваемый лишь в пространстве медийного гипертекста и направленный на привлечение внимания к какому-либо событию или человеку, увеличению рейтингов массмедиа [Mailer, 1973]. Это своего рода сплетни, непроверенные сведения, интенциально имплементируемые в нарративное пространство для формирования иллюзии реальности описания. В отличие от фейка (пространства как интенциально, так и саккадически формирующихся генерализованных областей

некорректности истинному положению дел), характеризующегося ингерентной иллокуцией к введению в заблуждение, детально продуманный базис генерации фактоида, хотя и модифицирует социальную реальность, преследует лишь цель инициальной атракции и удержания читательского внимания, не подменяя интерпретационные основания реципиентного субъекта. Дифференцировать данные понятия можно в рамках делимитации базовых иллокуций, но и на юридической основе, т. е. в зависимости от того, попадают ли действия по распространению ложной информации под уголовную ответственность или нет.

Перейдем к рассмотрению некоторых микроконтекстов, репрезентирующих фактOIDную форму инициации фейкового сообщения, направленного на изменение концептуально-валерной системы таргетного заинтересованного адресата, потенциально склонного к интимизации транслируемого контента. При этом внедрение в пространство истинного эмпирически верифицируемого факта особого вида «сплетни» существенно повышает область гипостазирования при интерпретации генерализованного содержания. Происходит это в рамках наиболее привычной для некомпетентного реципиента операции аналогии, – если максимально семантически нагруженная финальная часть высказывания представляет собой проверенный и никем не оспариваемый факт, то предваряющая его посылка, выраженная в безапелляционной номинативной форме, также является фактом.

Так в одной из недавних публикаций «The Times» подкрепляется фейковый нарратив о «похищенных» с территории Украины детях:

Russia 'sending kidnapped Ukrainian children to front line'

President Zelensky's chief of staff has told The Times that potentially thousands of abductees have been forced into subscription once they reach 18 years old¹

Интенсификация псевдореального локуса осуществляется посредством использования в сильной позиции текста (заголовке и подзаголовочном комплексе) кратонимов *Russia*, *Ukraine*, а также именования официальных должностей *chief of staff*. Локутемные ситуативные спецификаторы высказывания в данном случае органично связываются с темпоральным пространством вооруженного

¹Russia 'sending kidnapped Ukrainian children to front line' // The Times. (Jul 24, 2025). URL: <https://www.thetimes.com/world/russia-ukraine-war/article/russia-sending-kidnapped-ukrainian-children-to-front-line-0jz8b2zc> (дата обращения: 30.07.2025).

конфликта между странами, что дополнительно подкрепляет хронему.

Страдательный залог с активным предлогом *have been forced into* формирует псевдореальную хронему уже свершившегося «факта», в котором реальные законы Российской Федерации о постановке на воинский учет граждан претерпевают модификацию и оцениваются в уже иррациональном пространстве инфофейка, который был задан в качестве тезиса в заголовке. При этом сама форма экспликации события как случившегося хеджируется несколькими «говорками» *once they reach 18, potentially*, – один из которых представляет собой функциональные ограничения фейкового пространства, а другой – прямой хедж, снижающий эпистемическую ответственность продуцента функционального контента.

Следует указать, что в данном случае локутема и хронема генерализованного содержания не формируют концептены и коммуникены высказывания, которая имплицируется всей фейковой новостью, продолжая провокативный нарратив западных СМИ – *kidnapped Ukrainian children*. Подмена адекватного вектора эмпирической верификации псевдоистинного сообщения о «похищении» детей находит свою трансляцию в сфабрикованных «списках похищенных», которые представляются общественности даже в официальном дипломатическом формате. Кроме того, значимым для легитимизации фейка в сообществе заинтересованных реципиентов становится «эффект коммуникативной фиксации», т. е. перманентная трансляция ингерентной идеи без развития и адаптации к дискурсивной ситуации.

Так фактOID о «похищенных украинских детях», сформированный ранее в медийном пространстве, становится инициирующей основой для генерации всё новых и новых фейков, зачастую не коррелирующих с исходной концептуализируемой функциональной идеей, но рассматривавшихся в едином пространстве намеренной дискредитации и расширения дерогативной области «очернения» образа России. «Спасение» в псевдо-делиберации заинтересованного в дискредитации сообщества может быть интерпретировано как «похищение», что меняет исходные фактологические основания с позитивных на волюнтаристивные фактодно-информационные негативные. Фейковая нарратация, транслирующая область «желательного» восприятия, игнорирует одну из наиболее значимых операций новостного дискурсопорождения, а именно – фактчекинг, заменяя его «факткетчингом», при этом социальная реальность становится менее значимой, чем рефлексивно-интерпретативная, а аффективная оперативная

топикализация становится основой управления общественным сознанием [Тамерьян, Шаипова, 2024].

Следующий микроконтекст заголовочного комплекса, вводящий фейковый вирусный контент о работе Ирана над ядерной программой вооружений, модифицирует топик, т. е. коммуникому «ядерная программа Ирана» с позитивных и эмпирически верифицируемых позиций, включающих концептemu «мирный атом», на негативный вектор интерпретации.

Israel says Iran was building warheads capable of hitting London

A ‘James Bond’ operation that hit nuclear bunkers also wiped out a programme to make Tehran ‘the No 1 ballistic missile producer’, a foreign ministry spokesman says¹

В приведенном примере обнаруживаются сходные с предшествующим микроконтекстом механизмы легитимизации функционального фейкового семиозиса. Локальное и формальное пространство ситуативной привязки маркируется кратонимами *Israel* и метонимически (*pars pro toto*) употребляемым астионимом *Tehran*. При этом использование астионима *London* в прямом значении способствует формированию дополнительного плана реально-ирреальной конвергенции, что существенно повышает дезориентацию реципиентного субъекта.

Смешение интерпретативных областей рационального и иррационального достигается также имплементацией прецедентного функционального имени ‘James Bond’ operation при описании презентационного декларативного высказывания некоего «авторитетного» неназванного источника *foreign ministry spokesman*. Упоминание официальных кругов в деперсонализированной форме (далее по тексту сообщения интервьюируемый не называется), с одной стороны, повышает уровень доверия к транслируемой информации, а с другой – может расцениваться в качестве двухуровневого хеджа. Двухуровневость снятия эпистемической ответственности достигается отсылкой к информатору (снижает ответственность за сказанное с автора статьи), а также деперсонализированной формой (не дает возможности идентифицировать информатора).

На основе прецизного анализа исходных сообщений медиадискурса, имеющих ингерентную

¹ Israel says Iran was building warheads capable of hitting London // The Times. (Aug 19, 2025). URL: <https://www.thetimes.com/world/middle-east/israel-iran/article/strikes-ballistic-missile-programme-vjwpr80s> (дата обращения: 22.08.2025).

иллокуцио трансляции фейкового контента, можно судить о первичной аттрактивно-фатической функции фактоида в мимесическом уподоблении его факту социальной реальности. Данное уподобление производится посредством актуализации периферийных иррациональных аллюзий субъективной интерпретации факта и в рамках трансформаций концептуально-валёрных систем потенциально разделяющих вектор оценки события реципиентов. При этом наблюдается обратная корреляция степени мимесичности (сходства с реальной действительностью / абсурдностью и иррациональностью инфоосновы фактоида) и закрепленности и релевантности критериальных признаков в конкретной ситуации дискурсопорождения [Бредихин, 2014].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функционально-прагматическая специфика фактоида в общем фейковом нарративе состоит именно в иллокуции модификации рефлексивного пространства массового адресата для первичного привлечения внимания (аттракции) и поддержании интереса (фатике) к функциональному инфоповоду, в то время как интенциональное пространство фейка в целом характеризуется необходимостью трансформации социальной реальности. Ключевыми механизмами имплементации фактоида, рассматриваемого как легитимизированное в массах заинтересованных реципиентов псевдореальное событие, заведомо не верифицируемое эмпирически, являются: 1) аллюзии к реальным фактам действительности с изменением вектора оценивания, 2) использование официальных наименований и клишированных фраз для создания сфер псевдологического рефлексивного

распределечивания, 3) метод «коммуникативной фиксации» ингерентного имагинативного компонента, 4) перманентное хеджирование фактоида для увеличения уровня доверия и снятия эпистемической ответственности.

Именно с вариативной аллюзивной, чаще всего нерациональной связью фактоидных форм в фейковом пространстве связаны сложности в распределечивании и нивелировке заведомо ложных нарративов. Наиболее эффективным дискурсивным механизмом противодействия такому псевдореальному, основанному на субъектно-формальной корреляции в индивидуальном поле искаженного мировидения, является рефлексивная и эмпирическая деконструкция, т. е. последовательное дефинитивное описание, подкрепляемое как рефлексивной верификацией, выстраиваемой на основе создания сложных умозаключений из верных посылок, так и эмпирической, формируемой на базе поликодовой интенсификации факта в противовес фейку.

В качестве перспектив применения предложенной методики делимитации фактоидных компонентов к деконструкции фейкового контента можно назвать создание перечня актуальных топикальных компонентов, транслируемых западными СМИ, и являющихся точками бифуркации распознавания возможной фикции. Кроме того, определение фактоидных форм в других типах дискурса (политическом, рекламном, мотивационном и т. п.) позволит существенно повысить резистентность коллективного сознания к влиянию на ценностно-ориентационную, потребностную систему лингвокультурных сообществ, а также снизить потенциал имагинативных моделей в изменении социальной реальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бредихин С. Н., Каменский М. В., Шибкова О. С. Новые медиа в процессе модификации концептуально-валерного пространства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 2. С. 107–111.
2. Карасик В. И., Слыскин Г. Г. Медийный дискурс как стимулятор истероидного и фобического поведения // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2023. № 73. С. 1–22.
3. Guseynova I. A., Gorozhanov A. I. Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2024. Vol. 23. No. 4. P. 84–95. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
4. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоzнание. 2023а. Т. 22. № 3. С. 67–76. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.3.6.
5. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023б. Т. 16. № 6. С. 911–920.

6. Романов А.А., Абросимова-Романова Л. А. Манипулятивное конструирование фейковых дискурсивных практик-подделок // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2024. Т. 20. № 4 (66). С. 53–63.
7. Кошкарова Н. Н., Бойко Е. С. Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 77–82.
8. Fairclough N. *Textual Analysis for Social Research*. NY: Routledge, 2003.
9. Wodak R., Meyer M. *Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory and Methodology* // *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage, 2009. Р. 1–33.
10. Foucault M. *Strategies of Power* // *The Fontana Postmodernism Reader*. Glasgow: Fontana Press, 1996. Р. 24–39.
11. Tyler T. *Memetics: Memes and the Science of Cultural Evolution*. North Charleston: CreateSpace, 2011.
12. Марченко Т. В., Бредихин С. Н. Системные модификации исходного содержания медийных поликодовых представителей комплексных прецедентных феноменов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 2. С. 70–85.
13. Couldry N., Hepp A. The continuing lure of the mediated centre in times of deep mediatization: Media Events and its enduring legacy // *Media, Culture & Society*. 2018. No. 40 (1). P. 114–117. DOI: 10.1177/0163443717726009.
14. Бредихин С. Н., Авдеев Е. А., Шишкин Б. А. Коммуникативные тактики конфликтогенеза в сетевом медиапространстве фронтовых регионов. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. Т. 6. № 4. С. 374–399. DOI: 10.46539/gmd.v6i4.526.
15. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: Аст, 2003.
16. Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи // Технологизация дискурса в современном обществе. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2011. С. 6–43.
17. Mailer N. K. *Marilyn: A Biography*. New York: Grosset & Dunlap, 1973.
18. Тамерьян Т. Ю., Шаипова А. М. Политический нарратив: концепции, типологии и структуры // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 1. С. 16–35. DOI: 10.29025/2079-6021-2024-1-16-35.
19. Бредихин С. Н. Элементы смысла и когниция на пути к значению // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1 (40). С. 182–186.

REFERENCES

1. Bredikhin, S. N., Kamensky, M. V., Shibkova, O. S. (2024). New media in the process of conceptual value space modification. *Proceedings of Voronezh state university. Series: Philology. Journalism*, 2, 107–111. (In Russ.)
2. Karasik, V. I., Slyskin, G. G. (2023). Media discourse as a stimulator of hysteroid and phobic behavior. *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*, 73, 1–22. (In Russ.)
3. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2024, 23(4), 84–95. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
4. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Ideology as a Factor of Translation: Traditions in Innovation. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22(3), 67–76. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.3.6. (in Russ.)
5. Guseinova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(6), 911–920. (In Russ.)
6. Romanov, A. A., Abrosimova-Romanova, L. A. (2024). Manipulative Construction of the Fake Discursive False Practices. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 20, 4(66), 53–63. (In Russ.)
7. Koshkarova, N. N., Boiko, E. S. (2020). Fake, I Know You: Linguistic Tools to Distinguish Mendacious Information. *Political Linguistics*, 2020, 2(80), 77–82. (In Russ.)
8. Fairclough, N. (2003). *Textual Analysis for Social Research*. New York: Routledge.
9. Wodak, R., Meyer, M. (2009). Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory and Methodology. In *Methods of Critical Discourse Analysis* (pp. 1–33). London: Sage.
10. Foucault, M. (1996). Strategies of Power. In *The Fontana Postmodernism Reader* (pp. 24–39). Glasgow: Fontana Press.
11. Tyler, T. (2011). *Memetics: Memes and the Science of Cultural Evolution*. North Charleston: CreateSpace.
12. Marchenko, T. V., Bredikhin, S. N. (2023). System Modifications of the Initial Content of Media Polycode Representatives in Complex Precedent Phenomena. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2, 70–85. DOI: 10.29025/2079-6021-2023-2-70-85 (In Russ.).
13. Couldry, N., Hepp, A. (2018). The continuing lure of the mediated centre in times of deep mediatization: Media Events and its enduring legacy. *Media, Culture & Society*, 40 (1), 114–117. DOI: 10.1177/0163443717726009.

14. Bredikhin, S. N., Avdeev, E. A., Shishkin, B. A. (2024) Communication Tactics of Conflict Genesis in the Network Media Space of Frontier Regions. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(4), 374–399. DOI: 10.46539/gmd.v6i4.526 (In Russ.)
15. Marcuse, H. (2003). *Eros and Civilization. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. Moscow: Ast. (In Russ.)
16. Plotnikova, S. N. (2011). *Diskursivnye tekhnologii i diskursivnoe oruzhie kak realii sovremennoy informatsionnoy epokhi = Discursive Technologies and Discursive Weapons as Realities of the Modern Information Age*. In *Tekhnologizatsiya diskursa v sovremennom obshchestve* (pp. 6–43). Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. (In Russ.)
17. Mailer, N. K. (1973). *Marilyn: A Biography*. New York: Grosset & Dunlap.
18. Tameryan, T. Yu., Shaipova, A. M. (2024). Political narrative: concepts, typologies and structures. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 1, 16–35. DOI: 10.29025/2079 6021-2024-1-16-35 (In Russ.).
19. Bredikhin, S. N. (2014). Sense constituent and cognition: on the way toward meaning. *Newsletter of North-Caucasus federal university*, 1(40), 182–186. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пелевина Наталия Александровна

старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Армавирского государственного педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pelevina Natalia Aleksandrovna

Senior Lecturer
Department of Foreign Languages
Armavir State Pedagogic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.07.2025
25.08.2025
09.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Категория интенсивности в современном немецком словосложении

Е. А. Полежаева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
eapolezhaeva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается категория интенсивности, а также ее взаимосвязь с экспрессивностью и градуальностью с целью изучения интенсивности в современном немецком языке на материале сложных слов, содержащих в своем составе усилительный компонент и отобранных методом сплошной выборки. В результате проведенного семантического, контекстного и definиционного анализа выявлено, что в роли интенсификатора в составе сложных слов чаще всего выступает существительное, которое вследствие метафорически или метонимически мотивированных изменений, основанных на ассоциациях и аналогиях, приобрело усилительное значение.

Ключевые слова: интенсификаторы, интенсивность, композит, немецкое словообразование, немецкий язык

Для цитирования: Полежаева Е. А. Категория интенсивности в современном немецком словосложении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 91–98.

Original article

The Category of Intensity in Modern German Word Composition

Elizaveta A. Polezhaeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
eapolezhaeva@yandex.ru

Abstract. The following article examines the category of intensity and its relationship with expressiveness and gradation, with the aim of studying intensity in the modern German language using compound words containing an intensifying component and selected using the continuous sampling method. As a result of the semantic, contextual and definitional analysis, it was revealed that the role of an intensifier in compound words is most often played by a noun, which, as a result of metaphorically or metonymically motivated changes based on associations and analogies, acquired an intensifying meaning.

Keywords: intensifiers, intensity, composite, German word formation, German language

For citation: Polezhaeva, E. A. (2025). The category of intensity in modern German word composition. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 91– 98. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Интенсивность представляет собой универсальную категорию и проявляется в семантической структуре разных частей речи, фразеологических единиц и целого текста, характеризуя действия, предметы или признаки. Как категориальное явление интенсивность связана со следующими философскими категориями: качество, количество, мера, где качество – нечто характерное для определенной вещи, то, что отличает данную вещь от других; количество – величина предметов (размер, объем, вес, форма и т.д.), а мера – единство количества и качества¹.

Актуальность исследования категории интенсивности заключается в том, что являясь семантической категорией, она располагает самыми разными средствами выражения, что требует, в том числе выработки четких критериев дифференциации понятий экспрессивности, градуальности и интенсивности. Исследователи разных языков и сегодня работают с категорией интенсивности, выявляя новые способы ее выражения в связи с различными словообразовательными [Фанфан, 2021] и семантическими процессами [Колесникова, 2022; Коряковцева, Рацбурская, Сандакова, 2021; Brône, Schoonjans, 2022].

Задачи исследования:

1) выявлении взаимосвязи интенсивности с экспрессивностью и градуальностью посредством дефиниционного анализа;

2) в установлении наиболее типичных словообразовательных моделей сложных слов с усилением в немецком языке при помощи семантического, контекстного и словообразовательного видов анализа.

Практическая ценность заключается в возможности использования результатов исследования как в лексикографической практике, так и в применении полученных результатов для решения проблем в области лексической многозначности.

Новизна работы определяется выявлением особенности возникновения семантической мотивированности усиления в определенных словообразовательных моделях.

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ

В первой четверти XX века британские исследователи Чарльз Огден и Айвор Ричардс обратили внимание на экспрессив – вид речевой деятельности, выражющий эмоциональное отношение говорящего к ситуации. Тем самым они доказали, что эмотивное

¹Хаврак А. П. Философия: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К, 2007.

употребление языка не сводится исключительно к обозначению или описанию [Ogden, Richards, 1923].

В этой связи закономерным является вопрос о взаимосвязи экспрессивов, экспрессивности и интенсивности. Количественное выражение экспрессивного содержания преобладает над предметно-логическим, так как интенсификация является показателем степени усиления, количественной характеристикой экспрессивной стороны речи. Другими словами, задача интенсивности – выражение меры экспрессивности [Туранский, 1990].

Сходство между экспрессивностью и интенсивностью заключается в наличии у них одинаковых средств их языкового выражения и эмоционально-оценочных характеристик. Однако обе категории содержательно отличаются. Содержательная сторона интенсивности заключается в коннотации, дополняющей основное значение языковой единицы, создающей изобразительность и выразительность речи. Интенсивность объективно выражает количественную определенность признака, а экспрессивность – субъективное восприятие степени выражения признака. При этом обе категории выполняют одну и ту же функцию усиления [там же].

Одним из первых проблему интенсивности на материале английского языка рассматривал американский ученый В. Лабов. По его мнению, языковая характеристика интенсивности основывается на социальном и эмоциональном выражении, и эту языковую особенность сложно описать, что объясняется природой самой интенсивности, определяемой как градиентный признак, т. е. развивающийся и зависимый от других языковых структур [Labov, 1984]. В этой связи интенсивность относят к градуальности, которая является универсальной понятийной категорией, связанной с оценкой, количеством и экспрессивностью [Краева, 2021]. Другими словами, интенсивность рассматривают как узкое понятие градуальности, выражающее мерительные отношения [Шелякина, 2024].

В немецкой лингвистике история исследования интенсивности в составе сложных слов подразделяется на три этапа. Первый приходится на 1850–1940-е годы и заключается в определении усиления по семантическим характеристикам с минимальным вниманием к формальным признакам. Сложные слова с компонентом-интенсификатором относят к подклассу обычных сложных слов. Г. Брюкнер считал, что сложные слова с усилением являются соединениями прилагательных с существительными, прилагательными или глаголами. Он первым предпринял попытку их структурирования [Brückner, 1854]. Л. Тоблер в 1856 году на основе классификации Г. Брюкнера попытался

разработать свою классификацию. Он относит сложные слова с усилением к особой подгруппе сложных слов. Сделанные им выводы внесли значительный вклад в последующие исследования, хотя он сам признавал несовершенство своей квалификации. Л. Тоблер первым применил перифраз как метод классификации (*honigsüß* = *süß wie Honig* – очень сладкий), ввел такой вторичный признак значения как «превышение качества» (*superklug* – очень умный) и отметил отклоняющееся от обычного сложного слова ударение [Tobler, 1858].

Второй этап (1940–1970) сконцентрирован на исследовании системного характера сложных слов с компонентом-интенсификатором, которые начинают отличать от других словообразовательных конструкций, особенно от сложных слов, с помощью семантических, морфологических и фонологических средств.

В основе исследований этого периода лежит аналогически-теоретическое изучение сложных слов с усилителями. Например, В. Хенцен впервые подразделяет исследуемые образования на три различных типа словообразования: префиксальные образования прилагательных (например, с префиксами *ur-* и *erz-*), сдвиги (*tieftraurig* – очень грустный), а остальные интенсификации – как подгруппу детерминативных соединений. Последние, в свою очередь, классифицируются в соответствии с их семантической мотивацией; семантически неясные образования, такие как *blitzdumm* (очень глупый), получили название «образования по аналогии», поскольку их происхождение связано с аналогичным переносом первых элементов по образцу уже существующих соединений *blitzdumm* по аналогии с *blitzschnell* (очень быстрый).

Третий этап исследовательской традиции датируется примерно 1970–1990 годами и связан с признанием особого словообразовательного статуса сложных слов с компонентом-интенсификатором, а также поиском новых описательных моделей. В своих работах И. Кюнхольд, О. Путцер, Г. Веллманн и другие пытались выделить новый тип словообразования на основе семантико-функциональных особенностей, а именно – класс префиксoidных или полупрефиксoidных образований. Тем самым они отделили их от класса обычных префиксoidных образований, который включает в себя словообразовательные конструкции с *ur-*, *erz-* или с иноязычными префиксами. Такие словообразовательные конструкции, как *kreuzbrav* (очень смелый), функционируют как префиксoidные образования, которые нельзя однозначно отнести ни к словосложению, ни к деривации, так как они имеют полностью десемантизованный первый элемент *kreuz*, еще полностью не достигший префиксoidного статуса. Здесь развивается тезис

об омонимической связи между первыми компонентами и свободно существующими лексемами, выдвинутый еще Г. Петерманом в 1971 году. Согласно идеи И. Кюнхольда, О. Путцера и Г. Веллманна, первые элементы сложных слов, которые служат для усиления, следует четко отличать от омонимичных лексем. Поэтому авторы рассматривают *kreuz* в *kreuzbrav* как омоним существительного *Kreuz*. Соединение *kreuzbrav* морфологически выступает как префиксoidное образование, а семантически – как градационное [Klara, 2009].

В продолжение исследований современный немецкий лингвист И. Киршбаум рассматривает природу возникновения усиления с точки зрения когнитивной теории метафоры и метонимии, акцентируя внимание на необходимости различения морфологической (*Gestern war es sauheiß.* – Вчера было очень жарко) и синтаксической (*Gestern war es sehr heiß.* – Вчера было очень жарко) интенсификации.

В первую очередь для синтаксической интенсификации важно разделять понятия оператор и operand. Оператором являются сравнительные конструкции и придаточные предложения, сравнительные частицы *sehr* и указательные формы *so*, а также различные прилагательные в значении наречия. В качестве operandов возможны различные грамматические категории: наречия, прилагательные, глаголы, предложные группы и существительные [Kirschbaum, 2019]. На лексико-семантическом уровне интенсивность может быть выражена наречиями; прилагательными с семой интенсивности; сравнительными интенсивами; словами с интенсифицирующими префиксами и полупрефиксами; сравнительными фразеологическими единицами; контекстуальными интенсификаторами и др. [Мохова, 2019]. Сравним два контекста: в случае (1) оператор выражен частицей *so*, а operand – прилагательным *schön*.

- (1) Was kann der Sigismund dafür, daß er **so** schön ist, was kann der Sigismund dafür, daß man ihn liebt' (Walser. *Ein springender Brunnen*, 1998). – Что делать Сигизмунду, если он **так** прекрасен, что делать Сигизмунду, если его любят?¹

В контексте (2) в роли operandана употребляется глагол *wehtun*, а оператора – прилагательное со значением усилительного наречия *unglaublich*:

- (2) Ich weinte, mein rechter Arm, meine Schulter taten so **unglaublich** weh (Dückers, *Spielzone* 2002). – Я плакала, моя правая рука и плечо болели **невыносимо**.

¹Зд. и далее перевод наш. – Е. П.

Под морфологической интенсификацией понимается ситуация, когда интенсификатор становится компонентом слова. Для начала напомним: по М. Д. Степановой, в немецком языке выделяют пять основных способов словообразования:

- 1) изменение корня слова (бессуффиксальное образование слов от глагольных корней);
- 2) переход слова из одного лексико-грамматического класса в другой;
- 3) словосложение;
- 4) префиксация
- 5) суффиксация [Степанова, 1953].

При морфологической интенсификации в качестве интенсификаторов могут выступать префиксы и полупрефиксы (аффиксоиды), например, *erz-, un-, ur-, über-, hyper-, mord(s)-, extra-* и др.) или суффиксы (*-reich, -voll, -chen, -lein, -cken, -pfen* и др.). Такой тип интенсификации характерен преимущественно для официально-делового и научного стилей, так как, придавая новый оттенок, они сохраняют основное значение слова [Дубовцева, 2024].

Другими словами, разные языковые средства выражают субъективную оценку говорящего, при этом каждое средство имеет свои особенности: одни содержат сему интенсивности – интенсификаторы (наречия, префиксы, полупрефиксы и т. д.), другие получают значение интенсивности в определенном контексте (синтаксические средства и словосложение) [Егорова, 2010]. Кроме того, интенсификаторы характеризуют положительные и отрицательные явления [Цветаева, 2020]. Отметим также, что в современном немецком языке отсутствуют явные границы для разграничения префиксальной интенсификации и сложных слов с компонентом-интенсификатором [Кузьмина, Ломоносова, Соболева, 2024].

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

В словообразовании основными средствами выражения интенсивности являются аффиксация и словосложение. Последнее является самым продуктивным и распространенным для пополнения словарного состава немецкого языка. Оно представляет собой процесс образования новых слов путем сложения слов или их основ без соединительных гласных или согласных (полносложные соединения) или с их помощью (неполносложные). В словосложении преобладают двучленная и трехчленная модели, но возможны модели и с большим количеством составляющих. Третьим типом словосложения считаются сдвиги, с помощью которых устойчивые словосочетания превращаются в цельно-оформленные слова, застывающие в определенной форме [Степанова, 1953].

Вслед за исследователями немецкого языка М. Д. Степановой и Ш. Штайн, мы считаем, что первый компонент-интенсификатор сложного слова можно относить к аффиксоидам, при условии, что он – «компонент сложного или сложносокращенного слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способности образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу»¹.

Таким образом, словообразовательный анализ позволил выявить, что структурная модель сложных слов с компонентом-интенсификатором представляет собой: *интенсификатор* (аффиксоид) + *существительное / прилагательное / наречие* (признак, который усиливает интенсификатор). При этом возможно наличие соединительного компонента, например, *-e(n)* (*affenartig* – очень быстрый, *bärenruhig* – очень спокойный, *bombenfest* – очень надежный, *hundemüde* – очень усталый) и его отсутствие (*bierernst* – очень серьезный, *blitzblank* – очень чистый, *blutarm* – очень бедный, *himmelbreit* – очень широкий). Среди словообразовательных моделей В. Фляйшер выделяет также гибридное словосложение по немецкой терминологии – *Hybridbildung*. Такой тип соединений основывается на наличии в его составе одного компонента иностранного происхождения в сочетании с исконным немецким: *Riesenskandal* – огромный скандал, *superneu* – самый новый, *topmüde* – очень усталый, *Blitztempo* – молниеносная скорость, *Bombenerfolg* – невероятный успех. Другой тип соединения состоит исключительно из иноязычных элементов (*Fremdwortbildung*): *Bombenapplaus* – бурные аплодисменты, *Bombenform* – лучшая фигура, *Topfigur* – лучшая фигура, *topfit* – в лучшем состоянии, *Superhit* – очень популярный хит [Fleischer, Barz, Schröder, 2007].

Все исследуемые единицы – сложные слова с интенсификатором – имеют определенную структуру. Отношения между компонентами определяльных сложных существительных и прилагательных соответствуют синтаксическим отношениям между прилагательным и уточняющим его значение членом предложения, например, *himmelhoch-hoch wie der Himmel* (очень высокий). В некоторых случаях компоненты сложного прилагательного в различной степени претерпевают изменения значения по отношению к значению самостоятельно употребляемой единицы. В таком случае первый компонент выражает предмет сравнения,

¹Лопатин В. В. Аффиксоид // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/affiksoid-20e7c7/?v=9341088> (дата обращения: 18.03.2025).

как в случае прилагательного *himmelhoch*, и употребляется метафорически [Степанова, 1953].

Так как интенсификация основывается на метафорических и метонимических переносах, то она становится носителем дополнительных ассоциативно мотивированных семантических свойств. В свою очередь, ассоциации бывают постоянные и случайные. Постоянные – культурно мотивированы, а случайные – контекстуально, поэтому существуют временно. Вторым важным механизмом является аналогия [Безрукова, 2004]. В основе аналогии лежит повторение готовых образцов и создание новых по тому же принципу¹. В результате ассоциаций и аналогий формируются коннотации, сопутствующие значениям слов [там же].

Например, в контексте (3) автор использует прилагательное *himmelschön* (*небесной красоты*) для описания красоты принцессы. Настоящее прилагательное используется для выражения положительной оценки в высокой степени, при этом первый компонент сохраняет свое исходное значение – *von himmlischer Schönheit*.

Восприятие неба как места высшего блаженства становится основанием для развития переносного значения, а затем для проявления усиливальной функции первого компонента сложных прилагательных².

(3) Und da ward Johannes gewahr, daß sein Hirsediebchen das Zauberpferdlein seiner **himmelschönen** Prinzessin war (Ludwig Bechstein: *Sämtliche Märchen*)³. – И тогда Йоханнес понял, что его воришка проса – это волшебная лошадь его **прекрасной** принцессы.

Усилильный компонент *heide-* восходит к греческому заимствованию «*Hellēnís*» (Ελληνίς), обозначавшему «гречанка, не еврейка». Средневерхненемецкая форма *Heide* возникла в XIV веке, но получила распространение в XVI веке и, особенно в языке Библии, относилась к неевреям и нехристианам, а в более поздние времена – ко всем, кто был далек от христианства. Начиная с XIX века компонент *heide(n)*, основанный на идее чего-либо необузданного, устрашающего, ужасного, чужого и неизвестного – использовался в качестве усиливателя сложных словах⁴. По своему

¹Лебедев А. В., Вдовина Г. В. и др. АНАЛОГИЯ // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/1820305> (дата обращения: 18.03.2025).

²„himmel, adj.“, Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/25, URL: <https://www.woerterbuchnetz.de/DWB?lemid=H08605> (дата обращения: 28.03.2025).

³URL: <http://www.zeno.org/nid/20004533151> (дата обращения: 28.03.2025).

⁴Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). Das Wortauskunftsysteem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart.

значению аффиксоид *heide(n)-* выражает высокую степень чего-либо, например, *Heidenangst* – панический страх, *Heidenarbeit* – изнурительная работа, *Heidengeld* – очень много денег.

Компоненты, которые переходят в интенсификаторы, относятся к определенным классам. Так, на основе исследуемого материала мы можем установить следующие группы интенсификаторов:

– зоонимы:

Affe(n)-:

Affenkälte – жуткий холод, *affenjung* – очень молодой;

Bär(en)-:

Bärenappetit – зверский аппетит, *bärenstark* – очень сильный;

Schwein / Sau:

Schweinsgalopp – очень быстрый бег, *sauwohl* – очень хорошо;

– природные явления:

Blitz-:

Blitzseile – сильна спешка, *blitzböse* – очень злой;

Himmel(s)-:

himmellang – очень длинный, *himmel(s)schön* – очень красивый;

– звукоподражательные слова:

Knall-:

Knalleffekt – невероятный эффект, *knallgesund* – очень здоровый;

Bombe(n)-:

Bombenerfolg – невероятный успех, *bombenruhig* – очень спокойный;

– библейские и религиозные понятия:

Gott(s)-:

Gottesfreude – невероятная радость, *gott(es)froh* – очень радостный;

Hölle(n)-:

Höllenhitze – сильная жара, *höllentief* – очень глубокий;

Heide(n)-:

Heidenangst – панический страх, *heidenmäßig* – очень большой;

– соматизмы:

Blut-:

blutarm – очень бедный, *blutjung* – очень молодой;

Knochen-:

Knochenarbeit – физически очень тяжелая работа, *knochendürr* – очень тонкий

– и другие:

hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 28.03.2025).

Bier-:

bierernst – очень серьезный, ieridee – безумная идея;

Ober-:

oberfein – очень нежный, oberflau – очень слабый;

Riese(n)-:

Riesendummheit – огромная глупость, Riesen-hunger – сильный голод;

super-:

superheiß – очень жаркий, Superhit – очень по-пулярный хит;

Top-:

topaktuell – очень актуальный, topmodern – очень современный.

Все существительные в качестве интенсификаторов в сочетании с существительными и прилагательными приобретают разные значения. Большинство аффиксоидов выражают усиление (= очень), например, Affe(n)-, Bier-, Hund(e)-, Himmel(s)-, Knall-, Knochen- и др.; Bär(en)-, Heide(n)-, Riese(n)-, Scheiß-, super- – выражают высокую степень; Bombe(n)-, Elefant(en)- и Riese(n)- – превосходное качество.

Кроме того, среди этих компонентов также можно выделить более и менее продуктивные, например, компонент «Bombe» выступает в роли интенсификатора в 24 композитах, в то время как «Bier» – только в шести лексических единицах. Присутствуют также композиты с непродуктивными усиливательными компонентами. Как правило, такие единицы являются малоупотребительными синонимами к словам с более продуктивными интенсификаторами, например, «Irrsinnhitze» (очень сильная жара) – «Affenhitze», «Bombenhitze», «Sauhitze» или «riepergal» (в значении «плевать!») – «scheißegal».

При этом в связи с тем, что первый компонент-интенсификатор выражен существительным, то возникает проблема разграничения детерминативных соединений и интенсификации. В случае интенсификации функция первого компонента заключается в усилении характеристик второго. Другими словами, первый компонент перестает быть носителем значения. В свою очередь, в детерминантом соединении все его составляющие сохраняют свои значения. В зависимости от контекста возможно отнесение сложного слова к обоим

типам соединений. Например, сложное прилагательное «honigsüß» в сочетании с существительным «Nachspeise» означает «eine wie Honig süße Nachspeise», а с «Mädchen» – «ein sehr süßes Mädchen», несмотря на то, что в обоих случаях «honigsüß» является мерой сравнения, но в первом словосочетании оно выражает качество, а во втором – меру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследование показало четкую взаимосвязь между интенсивностью, экспрессивностью и градуальностью. Экспрессивность является признаком, свойством текста с системой коннотаций, а интенсивность является характеристикой признака. Другими словами, экспрессивность как качественную сторону речи, невозможно определить без ее количественной стороны – интенсивности. В свою очередь, градуальность фиксирует степень изменения экспрессивности и интенсивности соответственно. Иначе говоря, одну и ту же информацию можно передать с разной степенью выражения субъективной оценки говорящего, т. е. с разнообразной мерой интенсивности в результате появления новых коннотаций. Кроме того, интенсификация может относиться как к положительным, так и отрицательным признакам, не давая оценочных характеристик самостоятельно. Также интенсификация как универсальная категория способна проявляться на разных языковых уровнях и имеет разные средства выражения.

На примере анализа сложных слов с первым компонентом-интенсификатором мы можем утверждать, что чаще всего в роли интенсификатора выступает существительное, которое в результате метафорически или метонимически мотивированных изменений, основанных на ассоциациях и аналогиях, приобрело усиливательное значение. Однако в таком случае первый компонент сложного слова не определяет второй, а усиливает его характеристики, добавляя эмоциональность. Перспективу дальнейшего исследования мы видим в подробном семантическом анализе различных компонентов-интенсификаторов в сложных словах немецкого языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фанфан Л. Суффиксально-адъективная реализация категории интенсивности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2021.
2. Колесникова С. М. Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 90–103.

3. Коряковцева Е. И., Рацбурская Л.В., Сандакова М.В. Динамика оценочных интенсификаторов в русском языке XXI века: словообразовательный и семантический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 5. С. 6–19.
4. Brône G., Schoonjans S. „So was von spannend“: Zur Distribution der „so was von X“-Konstruktion. Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2022. Vol. 50. № 3. S. 499–532.
5. Ogden C. K., Richards I. A. The Meaning of Meaning. New York: Harcourt, Brace, 1923.
6. Туренский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990.
7. Labov W. Intensity // D. Schiffrin (ed.). Meaning, form and use in context: linguistic applications. Washington D.C.: Georgetown University Press, 1984. P. 43–70.
8. Краева И. А. Развитие категории «градуальность» в английском языке. М.: ТРИУМФ, 2021.
9. Шелякина В. В. Категории интенсивности и градуальности: проблема дифференциации // Преподаватель XXI век. 2024. № 4. Ч. 2. С. 440–451.
10. Brückner G. Der Volkssuperlativ im Hennebergischen // Frommann G. K. (Hrsg.). Die Deutschen Mundarten : Monatsschrift für Dichtung, Forschung und Kritik. Nürnberg: Verlag der v. Ebner'schen Buchhandlung, 1854. S. 229–242.
11. Tobler L. Über die verstärkenden Zusammensetzungen im Deutschen // Frommann G. K. (Hrsg.) Die Deutschen Mundarten: Monatsschrift für Dichtung, Forschung und Kritik. Nördlingen: Verlag der C. H. Beck'schen Buchhandlung, 1858. S. 180–201.
12. Klara L. Ist steinreich auch steinreich?: Adjektivische Steigerungskomposita des Gegenwartsdeutschen und ihre Akzentuierung. Dissertation, LMU München: Faculty for Languages and Literatures. München, 2009.
13. Kirschbaum I. Metaphorische und metonymische Muster der Adjektiv-Intensivierung. Proceedings of Sinn und Bedeutung. 6. (Aug. 2019). 2019. S. 201–216.
14. Мохова В. И. Лексические средства выражения интенсивности в современном немецком языке // Актуальные вопросы современной лингвистики: материалы VI Региональной науч.-практ. конф., Москва, 28 сентября 2018 года. М.: Московский государственный областной университет, 2019. С. 57–64.
15. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953.
16. Дубовцева Л. В. Способы выражения высокой интенсивности признака // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 11–4 (98). С. 104–108.
17. Егорова В. Н. Особенности выражения категории интенсивности в политическом языке (на материале современного немецкого языка) // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 202–206.
18. Цветаева Е. Н. «Пространственные» интенсификаторы: пути и мотивы становления // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: материалы Международной науч. конф., Москва, 28–30 октября 2020 года. 2020. С. 189–192.
19. Кузьмина О. В., Ломоносова Ю. Е., Соболева Т. Е. Функционально-семантический подход к описанию средств выражения интенсивности в современном немецком языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 47–55.
20. Fleischer W., Barz I., Schröder M. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Niemeyer Verlag, 2007.
21. Безрукова В. В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка): дис.... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.

REFERENCES

1. Fanfan, L. (2021). Suffiksal'no-ad»ektivnaya realizatsiya kategorii intensivnosti v sovremennom russkom yazyke = Suffixal-adjective implementation of the category of efficiency in modern Russian: PhD thesis in Philology. Kazan. (In Russ.)
2. Kolesnikova, S. M. (2022). Gradable semantics in Russian and Tuva proverbs. The New Research of Tuva, 1, 90–103. (In Russ.)
3. Koriakowcewa, E. I., Ratsiburskaya, L. V., Sandakova, M. V. (2021). Intensifiers in the Language of the 21th century: Word-Bilding, Semantics, Syntagmatics and Dynamics of Evalution. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 20(5), 6–19. (In Russ.)
4. Brône, G., Schoonjans, S. (2022). „So was von spannend“: Zur Distribution der „so was von X“-Konstruktion. Zeitschrift für germanistische Linguistik, 50(3), 499–532.
5. Ogden, C. K., Richards, I. A. (1923). The Meaning of Meaning. New York: Harcourt, Brace.

6. Turanskii, I. I. (1990). Semanticeskaya kategoriya intensivnosti v angliiskom yazyke = Semantic category of intensity in English. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
7. Labov, W. (1984). Intensity. In Schiffarin D. (Ed.). Meaning, Form, and Use in Context: Linguistic Applications (S. 43–70). Washington D. C.: Georgetown University Press.
8. Kraeva, I. A. (2021). Razvitiye kategorii «gradual'nost'» v angliiskom yazyke = Development of the category of «graduality» in the English language. Moscow: TRIUMF. (In Russ.)
9. Shelyakina, V. V. (2024). Categories of Intensity and Gradation: The Problem of Differentiation. Russian Journal of Education, 4(2), 440–451. (In Russ.)
10. Brückner, G. (1854). Der Volkssuperlativ im Hennebergischen. In Frommann G. K. (Hrsg.) Die Deutschen Mundarten: Monatsschrift für Dichtung, Forschung und Kritik (S. 229–242). Nürnberg: Verlag der v. Ebner'schen Buchhandlung.
11. Tobler, L. (1858). Über die verstärkenden Zusammensetzungen im Deutschen. In Frommann G. K. (Hrsg.). Die Deutschen Mundarten: Monatsschrift für Dichtung, Forschung und Kritik (S. 180–201). Nördlingen: Verlag der C. H. Beck'schen Buchhandlung.
12. Klara, L. (2009). Ist steinreich auch steinreich?: Adjektivische Steigerungskomposita des Gegenwartsdeutschen und ihre Akzentuierung: PhD in Philosophy, LMU München: Faculty for Languages and Literatures.
13. Kirschbaum, I. (2019). Metaphorische und metonymische Muster der Adjektiv-Intensivierung. Proceedings of Sinn und Bedeutung, 6, 201–216.
14. Mokhova, V. I. (2019). Leksicheskie sredstva vyrazheniya intensivnosti v sovremennom nemetskom yazyke = Lexical means of expressing intensity in modern German (pp. 57–64): Current issues of modern linguistics: materials of the VI regional scientific and practical conference, Moscow, September 28, 2018. (In Russ.)
15. Stepanova, M. D. (1953). Slovoobrazovanie sovremennoj nemetskogo yazyka = Word formation in modern German. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh. (In Russ.)
16. Dubovtseva, L. V. (2024). The Means of Expressing Attribute Intensity Category. Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk, 11–4(98), 104–108. (In Russ.)
17. Egorova, V. N. (2010). Special Features Of The Functional-Semantic Category Of Intensity In The Language Of Policy (Based On German Language). Bulletin of the Chuvash University, 4, 202–206. (In Russ.)
18. Tsvetaeva, E. N. (2020). «Prostranstvennye» intensifikatory: puti i motivy stanovleniya = «Spatial» intensifiers: paths and motives of formation. Nauka bez granits: sinergiya teorii, metodov i praktik (pp. 189–192): the digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)
19. Kuzmina, O. V., Lomonosova, Yu. E., Soboleva, T. E. (2024). Functional-Semantic Approach to the Description of Means of Expressing Intensity in Modern German. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 3(233), 47–55. (In Russ.)
20. Fleischer, W., Barz, I., Schröder, M. (2007). Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Niemeyer Verlag.
21. Bezrukova, V. V. (2004). Intensifikatsiya i intensifikatory v yazyke i rechi (na materiale angliiskogo yazyka) = Intensification and intensifiers in language and speech (based on the English language): PhD thesis in Philology. Voronezh. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полежаева Елизавета Александровна

аспирант кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polezhaeva Elizaveta Alexandrovna

PhD Student at the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.07.2025
25.08.2025
09.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Текстообразующая функция единиц сенсорного восприятия в художественном дискурсе (на материале рассказа И. А. Бунина «Маленький роман»)

А. А. Ржешевская

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
arlen_nastya@rambler.ru

Аннотация.

Цель настоящего исследования состоит в определении роли текстообразующих компонентов в построении сюжетной линии и выражении чувственных переживаний главных героев художественного рассказа И. А. Бунина «Маленький роман». Методы лингвостилистического и когнитивно-дискурсивного анализа устанавливают формирование полимодальных единиц, состоящих из различных сенсем, которые становятся способом описания настроения героев через состояния природы. Результатом проведенного анализа становится определение текстообразующей функции единиц сенсорного восприятия как значимой в конструировании сюжетной линии, построенной на диахотомии по нескольким осям: внутреннее состояние героя, смена природных циклов, сопоставление эмоциональных состояний героев с явлениями природы.

Ключевые слова: художественный дискурс, полимодальные единства, восприятие, колоремы, кинемы, сенсемы

Для цитирования: Ржешевская А. А. Текстообразующая функция единиц сенсорного восприятия в художественном дискурсе (на материале рассказа И. А. Бунина «Маленький роман») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 99–105.

Original article

Textforming Function of Units of Sensory Perception in Literary Discourse (based on the story by I. A. Bunin “Little Affair”)

Anastasia A. Rzheshhevskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
arlen_nastya@rambler.ru

Abstract.

The given research focuses on defining the role of text building component parts in the construal of plot and emotional states of the main characters of a literary work. The material of the research is presented by a story “Little affair” by I. A. Bunin. The applied method of cognitive and discursive analysis determines that the colour sensory units combined with other units of sensory perception form certain multimodal clusters thus becoming a way of describing changes in the mood of the characters via natural phenomena. As a result, the text building function of units of sensory perception predetermines the plot construal based on several lines: the characters’ emotions and feelings, changes of natural cycles, alignment of the characters’ inner state with natural phenomena.

Keywords:

literary discourse, multimodal clusters, perception, colour sensory units, kinetic sensory units, sensory units

For citation:

Rzheshhevskaya, A. A. (2025). Textforming function of units of sensory perception in literary discourse (based on the story “Little affair” by I. A. Bunin). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 99–105. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В работе изучается функционирование единиц сенсорного восприятия в художественном дискурсе на примере произведения И. А. Бунина «Маленький роман»¹. Достижение поставленной цели требует выполнения следующих задач:

1) изучить способы искусного образного описания различных событий в художественном произведении, задействующие единицы сенсорного восприятия, в особенности, колорем как проявлений свето- и цветообозначения с опорой на понятие цветообозначения, разработанное в рамках различных теорий в области искусствоведения;

2) выявить характерные признаки единиц сенсорного восприятия в отдельном произведении – рассказе И. А. Бунина «Маленький роман»;

3) определить оригинальность авторского стиля, созданного благодаря сочетанию нескольких единиц сенсорного восприятия разнообразных модальностей.

Актуальность исследования состоит в необходимости дальнейшей разработки процедуры анализа художественного дискурса в парадигме понятийного аппарата сенсорной лингвистики, а также установлении значимости единиц различных модальностей в конструировании образа события или субъекта.

Новизна исследования заключается в определении и описании полимодальных единиц, включающих в себя визуальные, аудиальные и кинематические сенсемы, которые направлены на достоверное изображение сопоставляемых явлений природы и чувственных переживаний главных героев художественного произведения.

Особое значение и символизм придавали цвету разные народы с древнейших времен. Эпоха Возрождения дала развитие учению о цвете как отдельному научному направлению, Леонардо да Винчи провозгласил новый принцип классификации цветов, который основывается не на традициях религии или мифологии, а палитре живописца, и включил в нее шесть основных цветов и их вариации: красный, желтый, зеленый, синий, белый, черный. Появившиеся в дальнейшем теории цвета в различных научных сферах, в том числе, в физике благодаря И. Ньютону, живописи в рамках теории Р. де Пиля и другие, усовершенствовали представления о цвете, введя многоступенчатые круги цветов, основанные на физических законах или на законе цветовой индукции [Миронова, 2005].

Особая интерпретация цвета не только в искусстве, но и природе нашла отражение

в XVIII–XIX веках в теории И. В. Гёте, критикующей теорию И. Ньютона и определяющей главенствующим принцип эстетического воздействия и гармоничности цвета, который зиждется на взаимном влиянии цветов [Месяц, 2012]. В XIX веке А. Шопенгауэр разработал систему цветов, обусловленную эффективной яркостью каждого цвета в отдельности. Развитие реалистического направления в живописи в XIX веке неразрывно связано с воспроизведением природных красок, например, в работах импрессионистов и некоторых представителей других направлений изобразительного искусства [Миронова, 2005].

В начале XX века появились новые теории цветовой модели. В частности, немецкий ученый В. Оствальд предложил цветовую систему, основанную на двух противоположных вершинах: верхняя вершина – белый цвет, нижняя – черный цвет [Миронова, 2005]. Теория колористики В. Кандинского базируется на парах противоположений, среди которых особое место отводится противоположению светлого и темного, что свидетельствует о зарождении основ духовного восприятия цвета в искусстве. Светлое имеет такие значения, как белое, движение, рождение, чистота и множество возможностей. Темное включает в себя такие значения, как черное, неподвижное, окаменелое, лишенное надежд и будущего [Кандинский, 1989].

Цвет и цветовые сочетания выражают мысль, чувство, состояние природы и человека не только в живописи, но и других видах искусства. Так, эмоциональность, выразительность и драматизм цвета нашли отражение в театральном искусстве (например, персонаж носит маску определенного цвета, символизирующую его характер) и художественной литературе (например, поэзии) [Миронова, 2005].

В лингвистике роль цветообозначений связана с концептуализацией и процессами познания. Субъективное восприятие мира и самого себя в мире находит отражение в представлении перцептивных свойств, признаков и качественных характеристик объектов, в реализации когнитивной и коммуникативной функций языка [Лаенко, 2022].

Восприятие, представляющее собой непосредственно-чувственное отражение окружающего мира человеком, является процессом познавательного взаимодействия человека с окружающей средой, который проходит в форме той иной модальности, например, слуха, зрения, обоняния, осязания, вкуса или их совокупности [Gibson, 1966].

Поэтическое свето- и цветовосприятие и их верbalная презентация в художественном дискурсе активируют экспрессивно-выразительный потенциал средства языка, конструирующих

¹Бунин И. А. Маленький роман: повести ; рассказы. М.: Лисс, 1994.

образ описываемого субъекта-героя произведения, события или места действия с помощью колоримов, которые, в свою очередь, позволяют интерпретировать как эстетический образ, так и его смысловое содержание и символизм [Иттен, 2018].

Символичность формы, пространственного положения, цвета является одним из признаков образа не только в изобразительном искусстве, но и в художественных произведениях. Символика цветообозначения образует свою систему, некий смысловой код, корректная интерпретация которого ведет к правильному пониманию авторского замысла. Схожая задача заключается и в правильной интерпретации метафорических обозначений в дискурсе. Метафорическая интерпретация различных феноменов присутствует в текстах различной направленности и жанрах: поэзии, публицистике и др. Метафора понимается как средство или техника косвенной или образной экспликации смысла и одновременно как результат подобного процесса. Метафора позволяет установить схожие черты между конкретными и абстрактными объектами, которые воспринимаются разными органами чувств благодаря действию сенсорных механизмов. Такой процесс может быть охарактеризован как двунаправленный, поскольку определенное сходство между разноклассовыми объектами не только определяется, но и конструируется субъектом [Арутюнова, 1990].

Живописная искусность, палитра свето- и цветообразов, влияние изобразительных искусств на поэтику произведений И. А. Бунина привлекает внимание многих исследователей, изучающих самобытность творчества писателя и применение принципов живописи в литературе, например, использовании колорем для создания эстетического эффекта [Байцак, 2009; Курбатова, 2009; Фиш, 2009]. Так, в исследовании М. Ю. Фиш подчеркивается взаимосвязь между человеком и окружающим миром, которая состоит в том, что чувственное восприятие в произведениях И. А. Бунина является основой гармоничного и целостного существования окружающего мира, который существует благодаря тому, что чувственно воспринимается человеком. Внешний мир включает в себя как природный, так и человеческий мир. Каждое цветовое обозначение в произведениях писателя из цикла «Темные аллеи» основано на эмоционально-психологических особенностях зрительного восприятия и может являться одним из способов постижения граней жизни человека [Фиш, 2009]. Работа Ю. В. Курбатовой, направленная на изучение творческой личности, выявляет ценностные ориентиры внутреннего мира художника

и особенности его миросозерцания, неотъемлемой чертой которых становится чувственность и влияние природы на человека. Лингвистические средства способны по-своему охарактеризовать каждый этап духовного становления творческой личности [Курбатова, 2009].

Влияние изобразительного искусства на формирование особенного поэтического стиля прозы И. А. Бунина исследуется в работе М. С. Байцак, в которой главный акцент ставится на описание двумодальности, обращенности к зрению и слуху. «Живописная» речь писателя проявляется в гипертрофированном изображении цвета и преобладании эфрастичности, сложившихся под влиянием творческих контактов с художниками-современниками, среди которых П. Нилус, В. Курловский, Е. Буковецкий и др. Это приводит к формированию особой эстетической установки и восприятию мира в переходах цвета. Одна из функций эфрастичности как свойства художественного произведения заключается в необходимости декодирования сообщений смежных семиотических систем посредством мифопоэтического, структурно-семиотического, контекстуального и интертекстуального видов анализа [Байцак, 2009].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом анализа являются единицы сенсорного восприятия, формирующие образ события в произведении. Единицей анализа выступают полимодальные единства, представляющие собой кластеры единиц разных модальностей, которые указывают на разные модусы восприятия, например зрительное и аудиальное. Всего анализу подверглись 247 единиц, из которых более трети (35 %) изображают состояния и явления природы. Это позволяет отметить функциональную значимость такого элемента сюжета, как природа в широком смысле.

Методы когнитивно-дискурсивного и лингвостилистического анализа позволяют выявить основы формирования художественных образов с учетом полимодального аспекта сенсорных единиц восприятия (аудиального, визуального, кинетического) и интерпретировать данные образы исходя из комплексного анализа полимодальных единств.

ДИХОТОМИЯ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО: ЧУВСТВА ГЕРОЕВ И СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ

Рассказ И. А. Бунина «Маленький роман», разделенный на три главы, позволяет проследить зарождение и развитие чувственных переживаний в большей степени благодаря единицам

цветообозначения (колоремам), которые автор употребляет при описании явлений и состояний природы в тот или иной период эмоционального переживания персонажами. Примечательно, что употребляемые автором колоремы находятся в соответствии с положениями В. В. Кандинского, по которым свет знаменует подвижность и начало нового, а темнота – неподвижность и завершение чего-либо [Кандинский, 1989]. Таким образом, описание явлений природы становится наглядной иллюстрацией ситуативного положения героя и одновременно способом передачи информации о его настроении и эмоциональном состоянии. Например, атмосфера неожиданной встречи двух главных героев отражается в употреблении автором кинемы *ударить*, а радостное восприятие этой встречи передается через сенсему *яркое солнце*. Метафоричное представление встречи в глаза *ударило яркое вечернее солнце* отражает характер спонтанности жизненных обстоятельств главных героев, а неизвестность дальнейшего развития взаимоотношений передается через образ леса, который окрашен сенсемой световосприятия *темный*:

За станцией в глаза ударило яркое вечернее солнце, но дальше стоял тенистый лес.

Яркость чувств передается благодаря сенсемам *сверкающий, озаренный, сиять, золотой*. Радостное настроение отражается в описании неба с помощью метафоричного обозначения *веселое небо*, а также светлый оттенок синего цвета *голубой*:

– Дождь! – звонко крикнула она и еще быстрее побежала по сверкающему под ливнем лугу.

Половина его, еще озаренная солнцем, дрожала и сияла в стеклянной, переливающейся золотом сети. Видно было, как длинными иглами неслись с веселого голубого неба, из высокой дымчатой тучки, капли...

Обращают на себя внимание также не относящиеся к цветовому восприятию сенсемы, которые вносят дополнительные характеристики в описание события. В частности, динамичность за счет кинематических лексических единиц *быстрее побежала, неслись и звонкость* за счет активации аудиального канала восприятия во фразе *звонко крикнула*. Визуальная перцепция присутствует не только в прямом указании на визуальный канал восприятия (*видно было*), но и в метафорическом сопоставлении дождевых капель с иглами (*длинными иглами неслись <...> капли*).

Динамичность действия, в особенности, в описаниях дождя запечатлена в следующих фрагментах:

...и вдруг с неба посыпался легкий, быстрый, сухой шорох, а на взгорье налево пала легкая, чуть дымящаяся радуга; редкий крупный дождь сыпался торопливо и шумно.

Кинемы *посыпался, пала, сыпался* передают динамичность дождя. В то же время автор вновь прибегает к метафоричному сравнению дождя, в котором обнаруживается аудиальная перцептивность: звук дождя сопоставляется со звуком шороха (*с неба посыпался легкий, быстрый, сухой шорох*) или шума (*дождь сыпался торопливо и шумно*), при этом обогащается дополнительными перцептивными качественными характеристиками (*легкий, быстрый, сухой; торопливо*).

Следует отметить, что совокупность единиц визуального восприятия, таких как яркость, свет, высота и кинемы динамичность, конструирует событие в начале произведения и характеризует взаимоотношения между героями. В то же время отмечается, что через описание явлений природы автор реализует прием антитезы, на котором строится повествование. Воздушность и веселость встречи сменяется *непроглядной тьмой*, неизвестностью дальнейшего совместного существования.

Так, знаменуя следующий этап взаимоотношений между главными героями, автор обращает внимание на окружающую их природу. Например, после фразы *она долго шла молча* следует подробное изложение природного ландшафта, которое демонстрирует как на смену прежней легкой динамичности пришел застой, на смену теплым облакам – северные сумерки, на смену яркому солнечному дню – сумерки и темнота. Всё это находит отражение в тех сенсемах, которые привлекает автор. В частности, ощущение приближающейся неясности и неизвестности передается с помощью кинем *тянуться, надвигаться, сливаться* в словосочетаниях *тянулся на много верст вокруг, надвинулись тучи, сливаясь с темнотой леса*. В дополнение к этому единицы, выражающие визуальное и осознательное восприятие *северный, сумерки, тучи, темный* формируют кластер, который передает атмосферу холода, отчуждения, разобщения:

В лесу стояли северные сумерки. А лес, молчаливый, темный, тянулся на много верст вокруг <...> Надвинулись тучи, сливаясь с темнотой леса.

Во второй главе настрой главной героини, которая находится в свадебном путешествии, также сопоставляется с природными состояниями. Через метафоричное описание неба *небо равнодушно, кинему висит* и сенсему *низко* автор описывает отношение главной героини к своему

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

супругу – равнодушие и отсутствие возвышенных чувств. Данное впечатление подкрепляется рядом других сенсем. В частности, кинема, передающая эффект статичности, в словосочетании *неподвижно лежат*; колоронимы *свинцовый, сизый, темно-свинцовые, туманно-сизые, густел, темнел* – создают кластер единиц, которые выстраивают образ неясности, безрадостности. Обстановка разобщенности передается благодаря единице *туман* и кинеме *расплываться*, которые образуют визуальную метафору исчезающего главного героя во фразе *он мгновенно расплывался в тумане*. Темпоральная сенсема (хронема) мгновенно подчеркивает особенность восприятия данной ситуации главной героиней.

Небо равнодушно и низко висит над озерами, и неподвижно лежат темно-свинцовые озера, налипные между туманно-сизыми кряжами <...> Туман все густел и темнел, а мы шли ему навстречу <...>. Если мой невольный спутник отставал, он мгновенно расплывался в тумане.

Данный отрывок демонстрирует противопоставление тем эмоциям и чувствам, которые испытывала героиня в первой главе. Это проявляется благодаря присутствию в тексте антонимичных пар *высокий vs низкий, светлый / яркий vs темный, динамичный vs неподвижный*, которые находят вербальное выражение в разнообразных языковых единицах, передающих сенсорное восприятие.

В третьей главе, приближая развязку и фокусируясь на главном герое, автор вновь применяет разнообразные единицы сенсорного восприятия для описания состояния просветления. Например, колоронимы *розовый, лазурный*; кинемы *таять, расти, шириться*; сенсема световосприятия *светлеть, сиять*; сенсемы чувственной сферы *радостный, нежный*:

Туман розовел, таял. В мглистой тишине светлело, теплело. В небесах, в дыму облаков обозначалось что-то радостное, нежное <...> Оно росло,ширилось – и внезапно засияло лазурью.

Столкновение противоположных явлений, основанных на световосприятии и подвижности, в предложении знаменует переход от статичного состояния к динамичному, от темного к светлому благодаря соответствующим сенсемам *мглистый, тишина vs светлый, теплеть*:

В мглистой тишине светлело, теплело.

Данная идея перехода состояния прослеживается и в последующих предложениях благодаря кинеме *раскрыться* и фразеологической единице *не осталось и следа*:

И тогда от тумана не осталось и следа. Небо раскрылось над горами во всей своей необъятности.

Автор создает ощущение начала нового этапа в жизни главного героя благодаря колорониму *зеленый*, который обладает значением обновления, а также сенсеме *чистый*:

...далеко зазеленело в чистом воздухе волнистое плоскогорье.

Знаменование нового этапа подкрепляется единицами чувственной сферы восприятия *ласковый, мягкий*:

...Ветер тянул с севера, но он был ласков, мягок.

Завершая описание начала нового этапа в жизни персонажа, автор акцентирует внимание на окончании периода неясности благодаря метафоричному визуальному представлению:

...тень пала <...>. Исполинская дымчатая тень в радужном ореоле пала от меня в густой зыбкий пар под обрывом.

Аудиальная метафора колокольчик напевом говорил, встречающаяся в предложении с тем же значением, служит средством представления различных модусов восприятия для создания образности:

Колокольчик однообразным дорожным напевом говорил о долгом пути, о том, что прошлое отжито, что впереди – новая жизнь.

Окончательное формирование образа нового жизненного этапа создается с помощью сенсорных единиц *прозрачный, ясный, чистый, свежий* в совокупности с колоронимами *лазурный, зеленый*:

...стояла прозрачная тишина первых весенних дней, красота бледно-ясной лазури <...>. Здесь еще только начинали зеленеть горные скаты, отыхая от стужи и снега. Здесь хрустально чист и свеж был воздух, как бывает он чист и свеж только ранней весной...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование выявляет дихотомию в сюжетной линии избранного произведения: внутреннее состояние героя, не выраженное им вербально, находит свое отражение во внешнем – явлениях и состояниях окружающей его природы. Сочетание единиц сенсорного восприятия различных модальностей указывает на разные модусы восприятия и способствует формированию полимодальных кластеров для изображения динамики сюжетной линии, в которой одно событие противопоставляется другому. Например, кластер визуальных, аудиальных и кинесических сенсем, которые включают в себя светлые оттенки, яркие цвета, звонкость, динамичность создает радостное событие или новый жизненный этап героя (*озаренный солнцем, веселое голубое небо, звонко кричала, быстree бежала, хрустально чист и свеж, зазеленело в чистом воздухе и др.*). В то же время кластер визуальных, аудиальных и кинесическим сенсем передает атмосферу неясности, печали, тревогу, волнение (*темный, темнота леса, северные сумерки, надвинулись тучи, небо равнодушно и др.*). Примечательно, что дихотомия *счастье vs несчастье* основывается на пространственных единицах *высоко – низко*, что соотносится с идеей «счастье наверху, печаль внизу» в рамках теории пространственной метафоры [Лакофф, Джонсон, 2004].

Отмеченные цветовые обозначения, характеризующие разные этапы развития жизненных циклов, выполняют функцию интенсификации

дуальности эмоциональных переживаний и чувств героев произведения. Различные колоремы в сочетании с кинемами создают образ героя, моделируют сюжетную линию, выполняют текстообразующую функцию. Образность произведения, построенная на метафоричном сопоставлении чувственных ощущений и природных явлений, обладает экспрессивной функцией и оказывает определенное эмоциональное воздействие на читателя, позволяет толковать внутреннее – события, переживания и настроения, период становления, стадию распада и возникновение нового в жизни главных героев через внешнее – явления природы, смену временных отрезков (дня и ночи). Уникальность авторского стиля заключается в создании особого эмоционального фона, который вербализуется за счет сочетания комплекса полимодальных сенсорных единиц.

Проведенное исследование позволяет наметить дальнейшие пути развития научных изысканий, которые могут сводиться как к более подробному уточнению и детальной конкретизации уникального стиля автора или одного из этапов развития литературной мысли в рамках определенной лингвокультурной традиции, так и охватывать более широкий спектр задач, среди которых, например, определение и индивидуализация национально и культурно обусловленных признаков с точки зрения полимодального анализа взаимодействия нескольких модусов восприятия в произведениях художественной литературы той или иной лингвокультуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миронова Л. Н. Цвет в изобразительном искусстве. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2005.
2. Месяц С. В. Иоганн Вольфганг Гёте и его Учение о цвете. М.: Кругъ, 2012. Ч. 1.
3. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. Серия «Из архива русского авангарда». Л.: Ленинградская галерея, 1989.
4. Лаенко Л. В. Лингвистика перцепций. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2022.
5. Gibson J. J. The senses considered as perceptual systems. Boston: Houghton Mifflin, 1966.
6. Иттен И. Искусство цвета. М.: Аронов, 2018.
7. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
8. Байцак М. С. Поэтика описания в прозе И. А. Бунина: живопись посредством слова: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009.
9. Курбатова Ю. В. Художник и время в автобиографической прозе И. А. Бунина («Жизнь Арсеньева») и К. Г. Паустовского («Повесть о жизни»): дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
10. Фиш М. Ю. Сенсорные коды поэтики цикла рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи»: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: URSS, 2004.

REFERENCES

1. Mironova, L. N. (2005). Tsvet v izobrazitelnom iskusstve = Colour in fine arts. 3rd edition. Minsk: Belarus. (In Russ.)
2. Mesyac, S. V. (2012). Iogann Wolfgang Gete i ego uchenie o tsvete = Yohan Wolfgang Goete and his Theory of colour (Part one). Moscow: Krug. (In Russ.)
3. Kandinsky, V. V. (1989). O duhovnom iskusstve = On the spiritual in art. The series "From the archive of Russian avant-garde", Leningrad. (In Russ.)
4. Laenko, L. V. (2022). Lingvistika pertseptsiy = Linguistics of perceptions. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS. (In Russ.)
5. Gibson, J. J. (1966). The senses considered as perceptual systems. Boston: Houghton Mifflin.
6. Itten, I. (2018). Iskusstvo tsveta = The art of colour. Moscow: Aronov. (In Russ.)
7. Arutynova, N. D. (1990). Metafora i duskurs = Metaphor and discourse. In Theory of metaphor (pp. 5–32). Moscow: Progress. (In Russ.)
8. Baitsac, M. S. (2009). Poetika opisania v proze I. A. Bunina: zhivopis' posredstvom slova = Poetics if description in the prose by I. A. Bunin: painting via words: PhD thesis in Philology, Omsk. (In Russ.)
9. Kurbatova, Yu.V. (2009). Khudozhhnik i vremia v avtobiografiveskoi proze I. A. Bunina ("Zhizn' Arsenieva") i K. G. Paustivskogo ("Povest' o zhizni") = The painter and time in autobiographical prose by I. A. Bunin ("Life of Arseniev") and K. G. Paustowski ("The story of Life"): PhD thesis in Philology, Moscow. (In Russ.)
10. Fish, M. Yu. (2009). Sensornie kody poetiki tsikla rasskazov I. A. Bunina "Temnie allei" = Sensory codes of poetics in the stories by I. A. Bunin "Dark valleys": PhD thesis in Philology, Voronezh. (In Russ.)
11. Lakoff, J., Johnson, M. (2004). Metafory kotorymi my zhivem = Metaphors we live by. Moscow: URSS.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ржешевская Анастасия Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент
ведущий научный сотрудник лаборатории гендерных исследований
центра социокогнитивных исследований дискурса
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rzheshhevskaya Anastasia Alekseevna
PhD in Philology, Associate Professor
Leading Researcher at the Gender laboratory
Centre for Sociocognitive Discourse Studies
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	30.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	09.09.2025	accepted for publication

Научная статья

УДК 81'42

Интертекстуальность с позиции стратегического подхода в немецкоязычном научном дискурсе

Е. В. Садовникова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sadovnikova.ev@gmail.com

Аннотация.

В статье рассматривается категория интертекстуальности с позиции стратегического подхода к анализу дискурса. Целью исследования стало использование интертекстуальных включений при реализации аргументативной стратегии в немецкоязычной научной статье и особенностей их языкового оформления. В качестве эмпирического материала использовались фрагменты немецкоязычных научных статей лингвистической тематики, имеющие элементы межтекстового взаимодействия. Общий объем проанализированного материала составляет около 150 страниц печатного текста. Результаты исследования показали, что интертекстуальность как неотъемлемое коммуникативно-прагматическое свойство научного дискурса встречается в реализации аргументативной стратегии в немецкоязычной научной статье, помогая автору научного текста verbalизовать аргументативные интенции на уровне тактик и тактических ходов.

Ключевые слова: научный дискурс, дискурсивная стратегия, тактика, тактический ход, интертекстуальность

Для цитирования: Садовникова Е. В. Категория интертекстуальности с позиции стратегического подхода в немецкоязычном научном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 106–113.

Original article

Intertextuality from the Standpoint of a Strategic Approach in German-Language Scientific Discourse

Elena V. Sadovnikova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
 sadovnikova.ev@gmail.com*

Abstract.

The article is devoted to the study of intertextuality from the standpoint of a strategic approach to discourse analysis. The aim of the study is to analyze the use of intertextual inclusions in the implementation of an argumentative strategy in a German-language scientific article and the features of their linguistic design. Fragments of German-language scientific articles on linguistic topics with elements of intertextual interaction were used as empirical material. The total volume of the analyzed material is about 150 pages of printed text. The results of the study showed that intertextuality as an integral communicative-pragmatic property of scientific discourse actively participates in the implementation of an argumentative strategy in a German-language scientific article, helping the author of the scientific text to verbalize argumentative intentions at the level of tactics and tactical moves.

Keywords:

scientific discourse, discursive strategy, tactics, tactical move, intertextuality

For citation:

Sadovnikova, E. V. (2025). The category of intertextuality from the standpoint of a strategic approach in German-language scientific discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(905), 106–113. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивно-дискурсивная направленность современных исследований в лингвистике, включающих в качестве объекта изучения не только процесс производства текста как продукта коммуникативной деятельности человека, но и его интерпретацию адресатом, побуждает взглянуть на многие языковые явления по-новому. Категории, которые казались хорошо изученными, открывают исследователю под новым ракурсом с учетом pragматических компонентов коммуникативного процесса. Изучением категории интертекстуальности занимались отечественные и зарубежные лингвисты, указывающие на глубинную взаимозависимость всех существующих текстов [Кристева, 1993] и подчеркивающие диалог любого текста с его предшественниками [Ильин, 2004]. В условиях дискурсивной направленности современной лингвистики изучаются отдельные формы проявления интертекстуальности [Баранов, 2022; Галиуллина, 2024], ее pragматический [Быкова, 2025] и когнитивный потенциал [Линниченко, 2024]. Таким образом, актуальность исследования обусловлена повышенным интересом к феномену интертекстуальности как дискурсивного элемента. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые с помощью комплексного анализа показана интертекстуальность как основная коммуникативно-прагматическая характеристика научного дискурса в реализации аргументативной стратегии.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- 1) охарактеризовать интертекстуальность как одну из важнейших коммуникативно-прагматических составляющих научной статьи;
- 2) выделить ведущую стратегию речевого поведения автора научной статьи;
- 3) проанализировать использование интертекстуальных включений в тактиках и тактических ходах реализуемой в немецкоязычной научной статье ведущей стратегии.

Для решения первой задачи использовались общенаучные методы анализа и синтеза, а также элементы лингвопрагматического анализа. Благодаря использованию стратегического подхода к анализу дискурса удалось выделить аргументативную стратегию в качестве ведущей стратегии речевого поведения автора научной статьи, что обеспечивает решение второй задачи. С помощью метода отбора релевантной информации в тексте были выделены также тактики и тактические ходы аргументативной стратегии с участием интертекстуальных включений; дескриптивный метод и метод лингвистического анализа позволили

проанализировать реализацию интересующих тактик и тактических ходов. В качестве исследуемого материала использовались фрагменты научных статей из немецкоязычных научных журналов лингвистического профиля. Общий объем проанализированного текста составил около 150 страниц.

Практическая ценность работы заключается в возможности применения результатов исследования на лекционных и семинарских занятиях по теории текста и теории дискурса, на практических занятиях по немецкому языку, в особенности для развития навыков немецкого научного письма у будущих лингвистов.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ СОСТАВЛЯЮЩИХ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Идея о том, что «каждое высказывание – это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний» [Бахтин, 2000, с. 261], а любая наша мысль «и философская, и научная, и художественная – рождается и формируется в процессе взаимодействия и борьбы с чужими мыслями» [там же, с. 289], заложила начало для развития теории интертекстуальности как одного из важнейших свойств как дискурсивного, так и текстового плана. Являясь уникальным свойством глобального дискурса связывать отдельные дискурсы между собой на содержательном и концептуальном уровне [Королева, 2004] и представляя собой свойство каждого отдельного текста создавать межтекстовые связи [Ускова, 2003], интертекстуальность привлекает внимание современных лингвистов своим дискурсивным потенциалом, возможностями оказывать определенное воздействие на коммуникантов. Как отмечает Л. И. Гришаева, интертекстуальные связи – это важное свойство «диалога текстов», которое участвует в формировании коллективной культурной идентичности и в формировании картины мира каждого отдельного человека. Интертекстуальные связи позволяют структурировать получаемую информацию, закладывать основу для формирования картины мира у адресата, а также активизировать и концептуализировать ее согласно интенциям адресанта [Гришаева, 2019]. Эта мысль подчеркивает возможность выделения интертекстуальности как одной из коммуникативно-прагматических характеристик текстов научного дискурса, в том числе такого жанра научного дискурса, как научная статья. Использование авторами научных статей претекстов в виде прямых и косвенных цитат, ссылок, примечаний, комментариев, приложений, библиографий и терминологического аппарата

помогает включить новое научное «знание» в единую систему существующего знания, структурировать его, а также реализовать основную авторскую интенцию – аргументированно убедить читателя в истинности предлагаемой концепции, что предполагает построение автором научной статьи определенной линии речевого поведения, отвечающей этому замыслу.

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ АВТОРА НАУЧНОЙ СТАТЬИ С ПОЗИЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Стратегический подход уже несколько десятилетий успешно реализует цели лингвистических исследований в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, показывая тесную взаимосвязь ситуации общения, интенций коммуникантов и средств языковой системы, например применение стратегического подхода к анализу политического дискурса [Паршина, 2005]; религиозного дискурса [Анисимова, 2019]; публицистического дискурса [Троицкая, 2008] и др.

Стратегический подход к анализу дискурса определяется как «особый тип pragmaticального описания дискурса, содержащий образцы поведения в различных сферах общения... а лежащее в его основе понятие “стратегия” представляет собой “генеральную линию речевого поведения коммуникантов”» [Трубченкова, 2006, с. 125]. Поскольку стратегии каждого конкретного типа дискурса определяются коммуникативной установкой адресанта на достижение поставленной цели и взаимодействием коммуникантов в условиях конкретной коммуникативной ситуации, то в качестве ведущей стратегии научной статьи можно выделить аргументативную стратегию, понимаемую в данном исследовании как совокупность тех речевых действий автора научной статьи, которые направлены на читателя с целью убедить его в необходимости включения предлагаемой концепции в общую систему научного знания. Аргументативная стратегия как глобальная интенция автора научной статьиказать аргументирующее воздействие на читателя реализуется с помощью тактик и тактических ходов, предполагающих целенаправленный выбор языковых средств. Мы полагаем, что в реализации стратегического замысла принимают участие не только лексические или грамматические языковые средства. В основе реализации дискурсивной стратегии лежат также коммуникативно-прагматические характеристики дискурса. Интертекстуальность как коммуникативно-прагматическая характеристика научного дискурса является непосредственным участником реализации аргументативной стратегии в немецкоязычной научной статье.

РОЛЬ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ АРГУМЕНТАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В НАУЧНОЙ СТАТЬЕ

Одной из ключевых тактик аргументативной стратегии в научной статье является «опора на существующую парадигму знаний». В основе реализации данной тактики лежит интертекстуальность. Обращение автора научной статьи к именам ученых или научным работам других авторов выполняет различные функции, прежде всего, аргументативную, поскольку интертекстуальные включения выступают в тексте статьи в качестве доказательной базы для тезисов автора. Кроме того, обращение к трудам других ученых формирует единое интертекстуальное пространство в мире научного знания. Тактику «опора на существующую парадигму знаний» реализуют два основных тактических хода: «ссылка на авторитетный источник» и «дистанцирование от мнения третьих лиц».

Тактический ход «ссылка на авторитетный источник» относится к так называемым сквозным тактическим ходам, поскольку используется в разных структурных элементах научной статьи. Большую роль ссылки на источники играют во введении, в котором автор научной статьи должен обосновать актуальность и научную необходимость исследования. В основной части указания на источники также имеет высокую аргументативную ценность, поскольку они создают основу для тезисов автора, а также являются элементом демонстрации преемственности научного знания. Тактический ход «ссылка на авторитетный источник» имеет разные формы реализации. В качестве «авторитетного источника» могут использоваться обобщенные названия научной области (*Sprachwissenschaft, die interkulturelle Sprachdidaktik* и т. д.) или понятия собирательного характера (*wissenschaftliche Literatur, Forschungen, Expertinnen und Experten* и т. д.):

Diesen Sensibilisierungsprozess betrachten **die interkulturelle Sprachdidaktik** und *verwandte Ansätze* als graduellen Prozess der Annäherung und damit als didaktische Grundlage eines modernen Fremdsprachenunterrichts (J. Roche. Von der Differenz zur Transdifferenz. Der Deutschunterricht, 3. 2019). – Дидактика межкультурной коммуникации и связанные с ней подходы рассматривают этот процесс сенсибилизации как постепенный процесс сближения и, следовательно, как дидактическую основу современного преподавания иностранного языка¹.

¹Зд. и далее перевод наш. – Е. С.

Указывать на интертекстуальное включение в тексте в рамках тактического хода «ссылка на авторитетный источник» может наряду с лексическими средствами использование автором грамматических приемов – пассивных конструкций, форм превосходной степени прилагательных, как это показано в следующих примерах:

Die Verankerung von Wortarten an semantischen Kategorien ist ein Ansatz, der vor allem **in der Sprachtypologie als** der aussichtsreichste **gesehen wird** (W. Geuder. Eine Art Wortart: Das Adverb im Deutschen. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, 2019). – Понимание частей речи как семантических категорий является подходом, который считается наиболее перспективным, особенно в языковой типологии.

Unter Berücksichtigung **der neuesten Forschungsergebnisse im theoretischen Bereich** und nach Beratung durch Expertinnen und Experten wurden folgende zentrale Bereiche ermittelt, die für die Erstellung der Deskriptoren der neuen Skala von grundlegender Bedeutung sind... (M. Morf. Phonologische Kompetenz beim auditiven Dekodieren – ein konkretes Beispiel aus dem Bereich der Prosodie. Info DaF, 2022). – С учетом новейших результатов исследований в теоретической области и после консультаций со специалистами были выделены следующие ключевые направления, имеющие принципиальное значение для создания дескрипторов новой шкалы.

Интертекстуальные связи в тактическом ходе «ссылка на авторитетный источник» устанавливают конкретные имена ученых, ссылки на их труды в виде указания года, что соотносится с правилами оформления научного текста:

Ünal (2010) entwirft ein sehr klar durchstrukturiertes Konzept zur Behandlung von Lyrik im Fremdsprachenunterricht (B. van Well. Lyrik im germanistischen Fremdsprachenunterricht. Info DaF, 2019). – Юнал (2010) разрабатывает очень четко структурированную концепцию работы с поэзией при преподавании иностранного языка.

Непосредственными интертекстуальными включениями являются термины, введенные в систему научного знания другими исследователями, или цитаты, которые придают тезису аргументативный вес, поскольку отсылают читателя к работам, уже принятым научным сообществом. Немаловажную роль играет при этом графическое оформление таких интертекстуальных включений – с помощью курсива или кавычек, как это проиллюстрировано в следующих примерах:

Noch grundsätzlicher und präziser beschreibt der Lyrikologe Zymner diesen Aspekt der Fremdheit, indem er zunächst von einer Definition der Sprache selbst ausgeht: Sprache sei genuines Medium der Informationsvermittlung, das „**im medialen Modus performativer Vollzüge**“ systemimmanent Eigensinn prozedural generiere (Zymner, 2009, S. 94–95). Auf der Basis unseres Bedeutungswissens und im Rahmen unserer „kognitiven Möglichkeiten“ (ebd., S. 128) weisen wir Sprachzeichen einen Sinn zu (B. van Well. Lyrik im germanistischen Fremdsprachenunterricht. Info DaF, 2019). – Литературовед Зимнер описывает этот аспект чуждости еще более фундаментально и точно, исходя изначально из определения самого языка: язык – это подлинное средство передачи информации, процедурно порождающее самостоятельное мышление «в медиарежиме перформативного исполнения» (там же, с. 94–95). На основе наших знаний о значении и в рамках наших «когнитивных возможностей» (там же, с. 128) мы приписываем языковым знакам определенный смысл и значение.

In zwei Aufsätzen fordert Kramsch für den Fremdsprachenunterricht den Aufbau einer **symbolic competence** (vgl. Kramsch 2006 und 2011) (B. van Well. Lyrik im germanistischen Fremdsprachenunterricht. Info DaF, 2019). – В двух своих эссе Крамш призывает к построению так называемой *symbolic competence* при преподавании иностранного языка (ср. Kramsch 2006 и 2011).

Как видно из примеров, при цитировании автор внедряет в свой текст части чужого текста в дословной форме либо в виде свободной передачи мысли другого исследователя, либо использует смешанную форму, включающую разные виды передачи чужих слов. Интертекстуальные включения на языковом уровне всегда маркированы с помощью лексико-грамматических средств, а именно – глаголами с семантическим компонентом говорения или утверждения в презенсе – *beschreiben, fordern, bezeichnen* и др. – или формами глаголов в конъюнктиве косвенной речи в так называемых смысловых цитатах.

Поскольку индикатив, выражаящий реальность высказываемого, является основной фоновой формой наклонения большинства текстов [Ноздрина, 2000], в том числе и текста научной статьи, то используемые автором формы конъюнктивы косвенной речи обращают на себя особое внимание. Л. Б. Волкова называет в своей работе конъюнктивы косвенной речи комментирующим конъюнктивом [Волкова, 2004], подчеркивая тем самым, с нашей точки зрения, дополнительные смыслы, которыми эта глагольная форма наполняет

интертекст: критическое оценивание говорящим цитируемого фрагмента. Именно это свойство конъюнктива косвенной речи часто используется автором научной статьи в тактическом ходе «дистанцирование от мнения третьих лиц».

Как и в тактическом ходе «ссылка на авторитетный источник», основой реализации тактического хода «дистанцирование от мнения третьих лиц» является установление интертекстуальных связей между научной статьей автора и трудами других ученых. Отличие тактических ходов заключается в разных интенциях, преследуемых автором. Обращение к чужим работам в тактическом ходе «дистанцирование от мнения третьих лиц» используется автором с целью выразить критику упомянутой точки зрения и подчеркивает целесообразность корректировки существующего научного знания. Следующий фрагмент научной статьи иллюстрирует реализацию тактического хода «дистанцирование от мнения третьих лиц»:

Die Vorstellung, einfacher Kontakt von Kulturen führe automatisch zu interkulturellem Verstehen, **bedarf daher kritischer Betrachtung** (J. Roche. Von der Differenz zur Transdifferenz. Der Deutschunterricht, 3. 2019). – Идея о том, что обычный контакт между культурами автоматически приводит к межкультурному взаимопониманию, требует критического осмысления.

Как видно из примера, отсылка к претексту – к принятому в определенных научных кругах представлению о формировании межкультурного взаимопонимания – реализована на грамматическом уровне. Сомнения автора в истинности существующего мнения выражаются с помощью использования форм конъюнктива косвенной речи. С нашей точки зрения, автор намеренно избегает в этом случае использование форм индикатива, преследуя цель установить дистанцию между реальностью и утверждениями других лиц. Дистанцирование и критический взгляд автора на проблему усиливается словосочетанием *bedarf kritischer Betrachtung*.

Одной из наиболее эффективных тактик аргументативной стратегии является также тактика «включение читателя в процесс исследования». Определенные тактические ходы данной тактики, например «апелляция к опыту читателя», опираются в своей реализации на установление связей между утверждениями автора и жизненным опытом и знаниями читателя. Следующий фрагмент научной статьи иллюстрирует реализацию тактического хода «апелляция к опыту читателя»:

Im „Laufe der Zeit“ ist die Konzeptualisierung und Beschreibung der Zeit in räumlichen Begriffen für uns so natürlich geworden, dass **wir** die metaphorische Übertragung oft gar nicht mehr präsent haben. **Kaum jemand wird** so beispielsweise an die lokale Bedeutung von ‚um‘ **denken**, wenn Zeitangaben wie ‚um 12 Uhr‘ ausgedrückt werden. **Wir haben** inzwischen eine derart elaborierte Vorstellung von Raum **entwickelt**, dass **wir** bei der Projektion räumlicher Begriffe auf abstrakte Domänen dazu **neigen**, die Topologie des Raumes zu erhalten, auch wenn das in der temporalen Zieldomäne **kaum** sinnvoll ist (J. Roche, K. EL-Bouz. Zur Räumlichkeit temporaler Präpositionen – Ein kognitionsdidaktischer Ansatz. Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht, 2020). – Постепенно концептуализация и описание времени в пространственных терминах стали для нас настолько естественными, что мы часто уже не осознаем метафорического переноса. Например, вряд ли кто-то задумается о пространственном значении предлога *um*, когда говорят о времени «в 12 часов», используя этот предлог. Между тем мы продумали настолько сложную идею пространства, что, когда мы проецируем пространственные концепции на абстрактные области, мы склонны сохранять топологию пространства, в то время как это не имеет особого смысла в рамках выражения временных отношений.

В приведенном примере тактического хода «апелляция к опыту читателя», который можно было бы отнести к эмоциональным тактическим ходам аргументативной стратегии, видно, что интертекстуальная связь между двумя текстовыми «мирами», утверждением автора и жизненным опытом читателя, устанавливается с помощью использования местоимения первого лица множественного числа *wir* и соответствующей формой глаголов с семантикой когнитивной деятельности, например *entwickeln* или *neigen*. Солидаризацию автора с читателем усиливает при этом использование неопределенного местоимения *jemand*, наречия *kaum* и глагольной формы будущего времени *wird denken*, подчеркивающих дистанцию между «реальным» и «едва возможным».

Интертекстуальность участвует также в реализации тактики «прогнозирование». Тактика аргументативной стратегии «прогнозирование» задает вектор развития научной парадигме. Один из важных тактических ходов тактики «прогнозирование» – «указание на перспективность исследования», является связующим звеном между научной статьей автора и дальнейшими исследованиями по проблематике. Как правило, интертекстуальные включения в данном тактическом ходе представляют собой обобщенные указания на будущие исследования

или на научно-практическое применение результатов. Неотъемлемой частью вербализации тактического хода «указание на перспективность исследования» являются также слова и словосочетания с семантикой необходимости (*bedürfen Gen, es ist notwendig* и т. п.), что подчеркивает связь текста научной статьи автора не только в ретроспективном плане (опора на научные труды предшественников), но и в перспективном плане (с будущими исследованиями по тематике). Реализация тактического хода «указание на перспективность исследования» представлена в следующих фрагментах:

Um Aussagen treffen zu können, inwiefern es den Studierenden mit dem gewählten Format tatsächlich gelingt, die erworbenen Kompetenzen in fach- und fachdidaktische Wissensbestände zu integrieren und auf die spätere Unterrichtspraxis im Kontext von DaFZ und Mehrsprachigkeit zu transferieren, **bedarf es weiterer Forschung** (*L. Skintey. Forschendes Lernen und Gesprächsanalyse in der Deutschlehrer- und -lehrerinnenausbildung. Info DaF, 2023.*) – Необходимы дальнейшие исследования, чтобы можно было сделать выводы о том, в какой степени учащимся с выбранным форматом действительно удается интегрировать приобретенные навыки в предметные и предметно-специфические дидактические знания и перенести их в последующую педагогическую практику в контексте DaFZ и многоязычия.

...**Es ist daher notwendig**, solche Hörmuster in der Fremdsprache **mit entsprechender methodisch-didaktischer Unterstützung aufzubauen** (*M. Morf. Phonologische Kompetenz beim auditiven Dekodieren – ein konkretes Beispiel aus dem Bereich der Prosodie. Info DaF 2022.*) – ...Поэтому формирование таких моделей аудирования на иностранном языке необходимо при соответствующем методическом и дидактическом обеспечении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на материале научных статей лингвистической тематики удалось продемонстрировать участие интертекстуальности в реализации аргументативной стратегии, являющейся ведущей в научной статье. На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

- 1) интертекстуальность лежит в основе тактик и тактических ходов, обеспечивающих автору научной статьи аргументативную базу для высказанных им тезисов в пользу предлагаемой новой научной концепции;
- 2) интертекстуальность участвует в обеспечении поддержки авторской концепции со стороны читателя за счет обращения к общим жизненным ценностям и опыту;
- 3) интертекстуальные включения обеспечивают проспективные и ретроспективные связи в научной статье, необходимые для создания единого научного пространства, в котором автор научной статьи перенимает опыт предшественников и идет дальше;
- 4) интертекстуальность как непосредственный участник аргументативной стратегии в научной статье находит свое выражение в особенных формах графического оформления, а языковыми сигналами интертекстуального включения являются не только лексические, но и грамматические средства – пассивные формы глаголов, превосходная степень прилагательных, глагольные формы конъюнктива косвенной речи, личное местоимение первого лица множественного числа и др.

Перспектива исследования видится в дальнейшем изучении интертекстуальности с позиции стратегического подхода, например, в условиях реализации других дискурсивных стратегий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4. С. 427–457.
2. Ильин И. П. Интертекстуальность. Западное литературоведение XX века: энциклопедия. М.: INTRADA, 2004.
3. Баранов К. С. Цитата как форма проявления интертекстуальности (на материале немецких рекламных текстов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2 (857). С. 9–15.
4. Галиуллина О. Р. Аллюзия как средство реализации интертекстуальности в англоязычной сетевой кинорецензии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30. № 3. С. 142–151.
5. Быкова О. А. Прагматический потенциал интертекстуальности во франкоязычном интернет-дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (897). С. 65–72.
6. Линниченко С. И. Интертекстуальность как способ художественно-языковой когниции авторов эпохи постмодерна (на материале романов «Meeresstille» Н. Любича и «Das Känguru-Manifest» М.-У. Клинга) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 12. С. 4733–4740.
7. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.

8. Королева Н. В. Средства и способы реализации интертекстуальности в научном дискурсе: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2004.
9. Ускова Т. А. Вербализация интертекстуальности в текстах массовой коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
10. Гришаева Л. И. Межтекстовые и интертекстуальные связи как проявление диалога текстов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. № 16 (2). С. 172–187.
11. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005.
12. Анисимова Е. Е. Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019.
13. Троицкая Т. Б. Средства реализации полемической стратегии в немецкоязычном публицистическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
14. Трубченникова А. А. Эмотивность и оценочность в немецком газетном спортивном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
15. Ноздрина Л. А. Поэтика грамматических категорий (курс лекций по интерпретации художественного текста). М.: Диалог–МГУ, 2000.
16. Волкова Л. Б. Категория пересказывательности в немецком и русском языках // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета: труды и материалы. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. С. 136–137.

REFERENCES

1. Kristeva, Iu. (1993). Bakhtin, slovo, dialog i roman = Bakhtin, word, dialogue and novel). Dialog. Karnaval. Khronotop = Dialogue. Carnival. Chronotope, 4, 427–457. (In Russ.)
2. Il'in, I. P. (2004). Intertekstual'nost'. Zapadnoe literaturovedenie XX veka = Intertekstualnost. Western literary criticism of the 20th century: entsiklopediia. Moscow: INTRADA. (In Russ.)
3. Baranov, K. S. (2022). Quotation as an explicit form of intertextuality (based on german advertising texts). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 9–15. (In Russ.)
4. Galiullina, O. R. (2024). Allusion as a means of implementing intertextuality in English-language online film review. Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology, 30(3), 142–151. (In Russ.)
5. Bykova, O. A. (2025). Pragmatic potential of intertextuality in french internet discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 65–72. (In Russ.)
6. Linnichenko, S. I. (2024). Intertextuality as a way of artistic-language cognition of postmodernism authors (on the material of the novels "Meeresstille" by N. Lubitsch and "Das Känguru-Manifest" by M.-U. Kling). Philology. Theory & Practice, 17(12), 4733–4740. (In Russ.)
7. Bahtin, M. M. (2000). Avtor i geroj: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk = Author and Hero: Towards the Philosophical Foundations of the Humanities. St. Petersburg: Azbuka. (In Russ.)
8. Koroleva, N. V. (2004). Sredstva i sposoby realizacii intertekstual'nosti v nauchnom diskurse: na materiale anglijskogo jazyka = Means and methods of implementing intertextuality in scientific discourse: based on the English language: PhD thesis in Philology. Saransk. (In Russ.)
9. Uskova, T. A. (2003). Verbalizaciya intertekstual'nosti v tekstah massovoj kommunikacii = Verbalization of intertextuality in mass communication texts: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
10. Grishaeva, L. I. (2019). Cross-textual and intertextual connections as manifestation of dialogue between texts. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 16(2), 172–187. (In Russ.)
11. Parshina, O. N. (2005). Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoj politicheskoy elity Rossii = Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia: Senior Doctorate in Philology. Saratov. (In Russ.)
12. Anisimova, E. E. (2019). Religioznyj diskurs: funkcional'nyj i antropologicheskij aspekty = Religious discourse: functional and anthropological aspects. Moscow: MSLU. (In Russ.)
13. Troickaya, T. B. (2008). Sredstva realizacii polemicheskoy strategii v nemeckojazychnom publicisticheskem diskurse = Means of implementing the polemical strategy in German-language journalistic discourse: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
14. Trubcheninova, A. A. (2006). Emotivnost' i ocenochnost' v nemeckom gazetnom sportivnom diskurse = Emotivity and Appraisal in German Newspaper Sports Discourse: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)

15. Nozdrina, L. A. (2000). Poetika grammaticeskikh kategorij (kurs lekcij po interpretacii hudozhestvennogo teksta) = Poetics of grammatical categories (course of lectures on the interpretation of literary text). Moscow: Dialog-MGU. (In Russ.)
16. Volkova, L. B. (2004). Kategoriya pereskazyvatel'nosti v nemeckom i russkom yazykah = The category of retelling in German and Russian languages. Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: sostoyanie i perspektivy: mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, posvyashchennaya 200-letiyu Kazanskogo universiteta: trudy i materialy (pp. 136–137). Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Садовникова Елена Викторовна

кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка
Московский государственный лингвистический университет

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sadovnikova Elena Viktorovna

PhD in Philology
Senior Lecturer at the Department of German Language Grammar and History
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	30.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	09.09.2025	accepted for publication

Многозначность заглавия в романе «Срок» Л. Эрдрич и сложность ее передачи при переводе

Ю. Л. Сапожникова

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия
sapojnikova.engl@yandex.ru

Аннотация.

Цель работы состоит в изучении реализации многозначности заглавия в романе Л. Эрдрич «Срок» («The Sentence»). Материалом исследования послужил оригиналный текст романа и составленная на его основе картотека из 45 контекстов, в которых используется вынесенное в заглавие слово *sentence*. Методами исследования являются контекстуальный и лингвостилистический виды анализа. В результате исследования установлено, что первоначально заглавие выполняет информативную (связанную с основной сюжетной линией романа) и прогностическую функции. Но по мере развития повествования происходит раскрытие семантики заглавного слова и его наполнение символическим смыслом. Данна попытка объяснения невозможности передачи всех оттенков смысла оригинального названия в тексте перевода.

Ключевые слова: сильная позиция, заглавие, эпиграф, «Срок» Л. Эрдрич, перевод заглавия, символическое значение заглавия

Для цитирования: Сапожникова Ю. Л. Многозначность заглавия в романе «Срок» Л. Эрдрич и сложность ее передачи при переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 114–120.

Original article

The Polysemy of the Title in the Novel “The Sentence” by L. Erdrich and the Difficulty of its Transmission in Translation

Yulia L. Sapozhnikova

Smolensk State University, Smolensk, Russia
sapojnikova.engl@yandex.ru

Abstract.

The article studies the realization of the polysemy of the title in the novel “The Sentence” by L. Erdrich. The material for the study was the original text of the novel and a card index of 45 contexts with the word “sentence”, compiled on its basis. The study is carried out with the help of contextual and linguistic stylistic analysis. The analysis of the text shows that initially the title performs informative (related to the main storyline of the novel) and predictive functions. But as the narrative develops, the semantics of the title word are fully revealed and they are enriched with symbolic meaning. An attempt is made to explain the impossibility of conveying all the shades of meaning of the original title in the translation text.

Keywords:

strong position, title, epigraph, “The Sentence” by L. Erdrich, translation of the title, symbolic meaning of the title

For citation:

Sapozhnikova, Y. L. (2025). The Polysemy of the title in the novel “The Sentence” by L. Erdrich and the difficulty of its transmission in translation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 114–120. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Любой художественный текст является закодированным авторским посланием, в котором писатель раскрывает свое отношение к миру и человеку. Задача читателя – расшифровать этот код и понять ту идею, которую своим произведением хотел донести автор. Чтобы подобный диалог был успешным, последний оставляет в своем тексте подсказки, на которые может опираться читатель. К ним, например, относятся так называемые «сильные позиции» (термин, предложенный И. В. Арнольд в рамках стилистики декодирования), особенно важные для понимания смысла элементы, которые помещаются «на такое место в тексте, где они психологически особенно заметны» [Арнольд, 1990, с. 46]. Они традиционно включают заглавие, начало и конец произведения, а также при наличии – посвящение и эпиграф. По мнению И. В. Арнольд, данные элементы задерживают внимание читателя на ключевых моментах и служат опорными точками для прогнозирования возможного развития сюжета и содержания [Арнольд, 1990]. Как отмечает В. А. Лукин, «часть текста, являющаяся его сильной позицией, может быть понята вне оставшейся части этого же текста, тогда как адекватное понимание целого текста возможно только при условии понимания его сильных позиций» [Лукин, 1999, с. 62].

Особое место среди сильных позиций занимает заглавие, так как оно является именем всего текста. Поэтому объяснимо, что оно активно изучается как в рамках лингвистики, так и литературоведения. Основы его рассмотрения были заложены в трудах И. А. Арнольд, И. Р. Гальперина и др. [Арнольд, 1990; Гальперин, 1981].

У заглавия множество определений, мы приведем два, наиболее ярко и образно отражающих специфику данной сильной позиции. С. Д. Кржижановский проводил следующее сравнение: «Как связь в процессе роста разворачивается постепенно множащимися и длиннящимися листами, так и заглавие лишь постепенно, лист за листом, раскрывается в книгу: книга и есть – развернутое до конца заглавие, заглавие же – стянутая до объема двух-трех слов книга» [цит. по: Николина, Петрова, 2019, с. 84]. По мнению И. Р. Гальперина, «название можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [Гальперин, 1981, с. 46]. Обе дефиниции подчеркивают тот факт, что заглавие по мере чтения прирастает смыслами и полностью раскрывается перед читателем только после прочтения всего текста.

В качестве основных функций заглавия Л. Н. Любимцева-Наталуха называет следующие:

«репрезентативную, информативную и текстообразующую» [Любимцева-Наталуха, 2024, с. 146]. В. В. Безрукова разрабатывает типологию функций заголовков в беллетристических произведениях XIX века и выделяет десять их разновидностей [Безрукова, 2023].

Такое же многообразие наблюдается и в типологиях видов заглавий. Если говорить об их структуре, то выделяются классификации по составляющим их частям речи, иерархическим единицам и используемым стилистическим приемам [Безрукова, 2023]. И. Р. Гальперин подразделял заглавия на типы в зависимости от вида содержащейся в них информации (концептуальной или фактуальной) [Гальперин, 1981].

Несмотря на большое количество работ, посвященных названной сильной позиции (это свидетельствует об актуальности темы), на данном этапе ученые выбирают более узкий фокус рассмотрения и сосредотачивают внимание, например, на особенностях заглавия в рамках определенного жанра (В. В. Безрукова – беллетристические произведения XIX в.; Л. Н. Любимцева-Наталуха – русская драматургия XX–XXI веков) или творчества какого-то автора, заглавие какого-то конкретного текста (Н. А. Николина, З. Ю. Петрова – роман Е. Водолазкина «Авиатор»; Э. Н. Шехтман – детективы А. Кристи и др.) [Безрукова, 2023; Любимцева-Наталуха, 2024; Николина, Петрова, 2019; Шехтман, 2021].

Материалом для нашего исследования послужил роман «Срок» Луизы Эрдрич (*The Sentence* by L. Erdrich), который пока не изучался отечественными учеными. Роман вышел в 2021 году и был выдвинут на Медаль Эндрю Карнеги за выдающиеся достижения в области художественной литературы.

В нашей работе мы опираемся на вариант типологии, предложенный Н. З. Нормуродовой и выделяющий заглавия с глубинной имплицитностью (полное понимание которых приходит после анализа всего текста) и с темной имплицитностью (для понимания которых недостаточно только проанализировать текст, нужно еще привлекать дополнительные культурно-исторические данные) [Нормуродова, 2019]. В анализируемом в данной работе романе мы имеем дело с первым типом заглавия.

Целью нашего исследования является изучение реализации многозначности заглавия в романе «Срок» Л. Эрдрич, для чего последовательно решаются задачи: в тексте с помощью метода сплошной выборки определяются контексты, в которых используется вынесенное в заглавие слово *sentence* – всего 45 контекстов, и анализируется, какие оттенки смысла обыгрываются автором

и как они помогают реализовать авторскую задумку, на основе чего делается вывод относительно роли заглавия в интерпретации всего текста. В рассматриваемом тексте заглавие несет одновременно несколько значений и прирастает смыслами, что в итоге приводит к его превращению в символ. Задача его интерпретации выполняется с применением контекстуального и лингвостилистического анализа. Подробное рассмотрение того, как раскрывается полный смысл заглавия, помогает лучше понять художественную концепцию автора. Этим обусловлена практическая ценность нашей работы, так как ее результаты могут использоваться в курсе по интерпретации текста на занятиях со студентами вузов.

«СРОК» ЛУИЗЫ ЭРДРИЧ

Луиза Эрдрич (р. 1954) – одна из ведущих представительниц индейской литературы, лауреат Национальной книжной премии за роман «Круглый дом» (2012) и Пулитцеровской премии за книгу «Ночной сторож» (2021). Писательница родилась в семье Ральфа Эрдрича, американца немецкого происхождения. В роду ее матери были индейцы племени оджибве и французы. Сама Луиза Эрдрич зарегистрирована как член племени индейцев Чиппева. Неудивительно, что в качестве персонажей своих книг писательница выбирает в основном представителей коренного населения [Сапожникова, 2023].

Роман «Срок» рассказывает о жизни индианки Туки. Когда ей было 32 года, она по просьбе подруги перевезла тело ее умершего возлюбленного из одного штата в другой. Позднее выяснилось, что к подмышкам трупа были приkleены наркотики, а Туки об этом не знала. Туки осудили на 60 лет, но вышла она через 10. После освобождения (2019–2020) она решила вернуться в Миннесоту и устроиться на работу в книжный магазин или библиотеку. Дело в том, что за время заключения Туки полюбила читать и больше не представляла себе жизни без книг. В магазине Туки начал преследовать призрак недавно умершей постоянной покупательницы Флоры. При жизни эта белая женщина всеми силами пыталась выдать себя за индианку.

ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА «SENTENCE» И ИХ ОБЫГРЫВАНИЕ В РОМАНЕ Л. ЭРДРИЧ

Анализ словарной статьи слова **sentence**¹ показывает два его основных значения: 1) обозначение единицы речи, содержащей законченную мысль

¹Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/sentence> (дата обращения: 14.06.2025)

и состоящей из одного или нескольких слов, которые связаны грамматически – вариант перевода «предложение»; 2) приговор суда, который определяет меру наказания за совершенное преступление – вариант перевода «срок, приговор, мера наказания». К этим значениям добавляется гораздо реже встречающееся «сентенция / изречение».

Слово *sentence* (учитывались случаи его использования и как существительного, и как глагола) употребляется в романе 58 раз. Поскольку совершенное главной героиней преступление и вынесенный за него приговор описываются уже на первых страницах, то поначалу значение слова, вынесенного в заглавие, кажется очевидным и связанным с расплатой за нарушение закона. Выбранный переводчиком (М. Тарасовым) вариант «срок» для заглавия представляется совершенно оправданным. Однако из всех случаев употребления этого существительного в тексте данное значение представлено только в 7 контекстах. Еще в трех случаях используется глагол из этой же семьи слов *приговаривать* (*to sentence*). Метафорический оттенок этого значения вскрывается, когда автор описывает важный эпизод из жизни Флоры. Она видит в книжном магазине старинный манускрипт, явно написанный коренным жителем Америки и крадет его. Книга озаглавлена «THE SENTENCE: An Indian Captivity, 1862–1883»² и представляет собой дневник индианки, захваченной белыми людьми и вынужденной жить среди них больше 20 лет. Она сама называет такое существование «пожизненным заключением» и сетует на судьбу, которая «приговорила ее быть белой»:

Once I entered those doors I determined that for all they would try to change me it would not sackseed.
No matter what they died to me, it would still be a 'life sentence' to be a white woman in the rong skin.
sentenced to be white was my fate...³

Та же мысль была высказана одной из коллег Туки (т. е. уже в наше время), что коренные народы в целом (и не только их отдельных представителей) веками пытались стереть с лица земли (в физическом и духовном смысле) и обрекали их на жизнь в условиях замещающей культуры (это еще четыре существительных – название ее дневника и три глагола). Таким образом, слово *sentence* приобретает новое значение и говорит о последствиях появления белых на континенте и их разрушительном влиянии на жизнь и идентичность

²Зд. и далее все цитаты из романа приводятся по: Erdrich L. The Sentence. London: Corsair, Little Brown Book Group, 2021.

³Зд. и далее выделено нами. – Ю. С.

индейцев, о том, что белые колонизаторы практически обрекли их на вымирание, приговорили их к уничтожению.

Но на этом спектр трактовок заглавия не завершается. Попав в тюрьму, Туки находит утешение в книгах, и одной из главных книг для нее становится словарь. Первым делом она смотрит там слово *sentence*, т. е. оно также два раза употребляется как одна из многих единиц языка, используемых для именования предмета. Эта единица, по мнению главного персонажа, обладает способностью уничтожить ее:

...the word with its yawning c, belligerent little e's, with its hissing sibilants and double n's, this repetitive bummer of a word made of slyly stabbing letters that surrounded an isolate human t, this word was in my thoughts every moment of every day. Without a doubt, had the dictionary not arrived, this light word that lay so heavily upon me would have crushed me...

Итак, первоначально Туки фокусируется на звуковой форме искомого слова и наделяет его характеристиками человека (и даже описывает одну букву как человеческую, добрую – *human*) – оно будто раскрывает рот, чтобы проглотить ее (*yawning*), шипит на нее (*hissing*) и воинственно настроено (*belligerent*), а главное – оно исподтишка наносит удары (*slyly stabbing*). Прием олицетворения усиливается в этом отрывке использованием антитезы (*this light word that lay so heavily upon me*). Эти стилистические фигуры подчеркивают, насколько эмоционально Туки воспринимает само слово, а не факт полученного наказания.

ОСНОВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА «SENTENCE» В РОМАНЕ

Из всех значений этой единицы автор в самой книге описывает следующее:

sentence *n.* 1. A grammatical unit comprising a word or a group of words that is separate from any other grammatical construction, and usually consists of at least one subject with its predicate and contains a finite verb or verb phrase; for example, The door is open and Go! are sentences...

И все оставшиеся 40 случаев употребления слова *sentence* в тексте представляют собой реализацию именно этого значения.

В то время как в русском переводе в силу выбора другого варианта семантики единицы, вынесенной в заглавие, этот отрывок изменен и звучит так:

срок *сущ.* 1. Ограниченный или установленный период времени, в течение которого что-то должно длиться, например, школьное или судебное заседание, пребывание на государственной должности или тюремное заключение. *Срок вышел, вы свободны!*¹

Подобное изменение, внесенное в текст перевода, несомненно обусловлено задачей переводчика – необходимостью связать приведенную дефиницию из словаря с вынесенным в качестве заглавия словом. Но при таком варианте многозначность выбранного в оригинале заглавия теряется, что приводит, как мы покажем далее, к утрате многих важных идей автора.

О ключевом характере именно этого значения слова *sentence* (предложение) говорит и то, что именно оно представлено в эпиграфе:

From the time of birth to the time of death, every word you utter is part of one long *sentence*.

Как отмечает Э. Н. Шехтман, эпиграф является компонентом художественного текста, который запускает цепь ассоциаций читателя [Шехтман, 2021]. Вместе с названием он образует предтекстовый комплекс, который поясняет замысел автора. Интересно, что приведенная цитата принадлежит Сунь Юн Шин (р. 1974) – корейско-американской поэтессе, писательнице и педагогу. Таким образом, еще одна трактовка заглавия связана с тем, что наши мысли, выраженные в словах, складываются в некий единый текст нашего авторства.

СИЛА СЛОВ

Эти слова или предложения, произносимые нами, не являются просто сотрясанием воздуха, они могут влиять как на нас самих, так и на других людей. И на протяжении всего романа Л. Эрдрич показывает разные ситуации, в которых раскрывает эту идею. В приводимом ранее отрывке, когда Туки только начинает изучать словарь и рассматривает слово *sentence*, она упоминает, что оно могло бы ее раздавить, но в той же словарной статье ей в глаза бросаются два предложения, которые дарят надежду и помогают выстоять.

The door is open and Go!

Еще одна ситуация, в которой демонстрируется целительная сила слов, связана с болезнью мужа Туки. Он заразился ковидом, попал в

¹Эрдрич Л. Срок / пер. М. Тарасова. М.: Эксмо, 2024. С. 31.

больницу, где долгое время не мог самостоятельно дышать. Туки уже отчаялась, не могла представить, как будет жить без мужа, и, по сути, прощалась с жизнью. Когда врач сообщила ей, что муж дышит сам и идет на поправку, эти слова стали бальзамом для нее (неудивительно, что писательница в этом контексте использует слово *sentence* с эпитетами *beautiful, lovely, favourite*).

Но наиболее ярко эта мысль раскрывается в ситуации с призраком Флоры, которая преследовала Туки и других продавцов в магазине. Они долго искали способ, как избавиться от ее преследований – попробовали несколько индейских ритуалов, например окуривания травами, но ничто не помогало. Тогда они, уповая на любовь Флоры к чтению, решили освободить ее дух с помощью, по их словам, *самых красивых предложений* (*the most beautiful sentence*), создав свой ритуал. Туки предлагает Флоре три типа предложений: латинские слова католического отпущения грехов, заканчивающиеся словами *Иди с миром*, фразу из романа М. Пруста с финалом *Это был дождь* и свое собственное признание в любви, благодарность за то, что Флора спасла ей жизнь, заставив мать Туки не употреблять наркотики во время беременности. В конце концов, ритуал высвобождает дух Флоры из магазина и избавляет Туки от ее преследований, хотя неясно, какое предложение подействовало. Но, как отмечает С. Р. Уоллес, эти слова – слова прощения, литературной красоты и благодарности – обладают такой силой, что справляются даже с нелегкой задачей подарить свободу призраку, застрявшему в этом мире¹.

Среди событий, случающихся в описываемый писательницей период, происходит убийство Джорджа Флойда во время ареста (25 мая 2020 года), когда белый полицейский надавил коленом на его шею и прижал его к асфальту. Это длилось 8 минут, в течение которых Джордж повторял, что он не может дышать (*I can't breathe*), но полицейский никак на это не реагировал, что привело к смерти задержанного. В книге это поведение полицейского вызывает волну протестов в городе, в которой принимают участие некоторые персонажи романа, – все они повторяют слова убитого. Таким образом, слова могут подталкивать на борьбу с несправедливостью:

There was a sentence people were chanting all over the world now. I can't breathe.

Однако слова могут нести и разрушительную силу:

What I'm trying to say is that a certain sentence of the book – a written sentence, a very powerful sentence – killed Flora.

В большинстве контекстов главным эпитетом, предваряющим слово *sentence* становится либо *killing*, либо *lethal*. В украденном Флорой дневнике индианки, который она хотела выдать за прабабушкин, была фраза, во время чтения которой она умерла. Эта фраза содержала всего лишь имя белой женщины-поселенки, известной тем, что она сажала в тюрьму, подвергала жестокому обращению, сексуальной эксплуатации и даже убивала женщин коренного населения. И она оказалась тезкой Флоры, стремившейся показать, что она одна из них, обездоленных и притесняемых. Правдивая история ее тезки – это воплощение наихудшего зла, причиненного белыми колонизаторами, и, столкнувшись с этим наследием, современная Флора умерла. Она не смогла смириться с историей своей расы в Новом Свете и вытекающими из нее последствиями ответственности белых. Хотя в жизни Флора постоянно приносila пользу: она помогала местным подросткам, сбежавшим из дома, собирала деньги для приюта женщин-аборигенок. Она даже удочерила девочку-индианку, Катери, и та относилась к ней как к родной матери и по-настоящему полюбила ее. Проблема с Флорой заключалась в том, что она не готова была признать вину своих предков за геноцид коренного населения, за его эксплуатацию и пытки, и потому открывшаяся правда убила ее.

Имя, которое повергло в шок Флору, поразило и Туки, так как это – одно из ее имен. Она была названа Лили Флорабелла Труакс Бопре, второе имя было дано в честь Флоры, следившей за матерью Туки во время беременности. Туки боялась, что это же предложение с именем Флора может убить и ее, потому что она всё время всячески старалась дистанцироваться от этой белой. Формальной причиной было ее неприятие того, что Флора выдумала давно потерянного предка, в жилах которого, по ее словам, текла индейская кровь и всячески это акцентировала, стараясь стать своей: она знала обычай индейцев лучше их самих, постоянно принимала участие в традиционных праздниках, занималась рукоделием и дарила всем сотрудникам магазина тематические сувениры и безделушки.

Однако истинной причиной глубокой антипатии к Флоре было то, что она напоминала Туки о ее детстве и матери, в смерти которой она себя винила. У ее матери случилась передозировка, после того как юная Туки в ярости от пренебрежения матери, ударила ее и накричала на нее, а затем убежала из дома. Женщина уверена, что ее жестокие слова и убили мать. Таким образом, слова и

¹Wallace C. R. The Power of Sentences. URL: <https://pshares.org/blog/the-power-of-sentences/> (дата обращения: 23.02.2025).

предложения, несущие правду, могут уничтожить человека, если он не готов принять свое прошлое и признать вину за свои поступки.

По мнению С. Р. Уоллес, одна из главных мыслей романа заключается в том, что узнавать правду рискованно как для колонизатора, так и для колонизируемого, хотя и по-разному; но отказ говорить правду – историческую, политическую, личную – только бередят раны и наносят душевную травму. Повторенные в конце романа примеры из словаря – *The door is open and Go!* – подразумевают приглашение призракам исторической боли удалиться, рассказав правду¹.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАГЛАВИЯ

На наш взгляд, заглавие обретает и символическое значение, связанное с силой художественного слова. В середине книги один из второстепенных персонажей, владелица книжного магазина по имени Луиза, в котором работает Туки (в лице которой, как нам кажется, Эрдрич выводит себя), узнает версию смерти Флоры (что ее убило прочитанное предложение). После чего она заявляет, что хотела бы написать такое предложение, которое может убить. И это дает нам ключ к всеобъемлющей трактовке заглавия, в которой соединяются оба словарных значения слова, – вся книга (в ее лице и художественное слово коренных жителей) становится тем приговором, который, раскрывая правду об

¹Wallace C. R. The Power of Sentences. URL: <https://pshares.org/blog/the-power-of-sentences/> (дата обращения: 23.02.2025).

истории долгого угнетения индейцев белыми, помогает первым обрести освобождение от прошлых травм, а вторым – стремиться к искуплению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Л. Эрдрич наделяет заглавие своего романа множеством значений, которые раскрываются по мере чтения текста. Эта многозначность расширяет спектр трактовок основных тем романа (геноцид индейцев в Новом Свете; уроки прошлого и его принятие; художественное слово как способ сохранения истории этноса и т. п.) и четче показывает замысел автора. Однако отсутствие слова с подобной семантикой в русском языке делает невозможным сохранение всех перечисленных оттенков смысла в заглавии переведенного текста, поэтому эта функция заглавия остается нереализованной в переводе. Восприятие читателем заглавия меняется к концу книги, и достигается это за счет использования стилистических приемов в словосочетаниях, содержащих слово, вынесенное в заглавие (эпитеты, метафоры, олицетворение). На основании рассмотрения данной сильной позиции в романе можно заключить, что она объединяет весь текст произведения, придает ему смысловую и образную целостность. Можно предположить, что подобный прием Л. Эрдрич неоднократно использует в своем творчестве, и это открывает перспективы для изучения многозначности заглавий в других текстах писательницы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1990.
2. Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Ось-89, 1999.
3. Николина Н. А., Петрова З. Ю. Семантика заглавия романа Е. Водолазкина «Авиатор» // Русская речь. 2019. № 6. С. 82–91.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
5. Любимцева-Наталуха Л. Н. Функции аллюзивных онимов-заглавий в русской драматургии XX–XXI столетий // Слово в зеркале истории языка: сб. статей. Набережные Челны: Изд-во Набережночелнинского государственного педагогического университета, 2024. С. 144–153.
6. Безрукова В. В. Структурно-семантические особенности и функции заголовков беллетристических произведений XIX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 92–100.
7. Шехтман Э. Н. Об изучении некоторых видов выдвижения (на материале произведений Агаты Кристи) // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 7. С. 181–187.
8. Нормуродова Н. З. Роль заглавия в презентации концептуальной картины мира автора // Иностранные языки в Узбекистане. 2019. № 6 (29). С. 35–49.
9. Сапожникова Ю. Л. Рассмотрение религиозной тематики через систему персонажей в романе «Круглый дом» Л. Эрдрич // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 4. С. 79–84.

REFERENCES

1. Arnold, I. V. (1990). Stilistika sovremennoj anglijskogo jazyka = The style of modern English. Moscow: Education Publ. (In Russ.)
2. Lukin, V. A. (1999). Hudozhestvennyj tekst. Osnovy lingvisticheskoy teorii i elementy analiza = Literary text. Fundamentals of linguistic theory and elements of analysis. Moscow: Os'89 Publ. (In Russ.)
3. Nikolina, N. A., Petrova, Z. Yu. (2019). The semantics of the novel title "Aviator" by E. Vodolazkin. Russian speech = Russkaya Rech, 6, 82–91. (In Russ.)
4. Galperin, I. R. (1981). Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as an object of linguistic research. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Lyubimtseva-Natalukha, L. N. (2024). Functions of allusive onomy-titles in Russian drama at the turn of the 20th-21st centuries. In Slovo v zerkale istorii jazyka = The word in the mirror of language history (pp. 144–153). Naberezhnye Chelny: Naberezhnye Chelny State University Publishing House. (In Russ.)
6. Bezrukova, V. V. (2023). Structural and semantic features and functions of the fiction work titles of the 19th century. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 4(228), 92–100. (In Russ.)
7. Shekhtman, E. N. (2021). On the study of some types nomination (based on the works of Agatha Christie). Modern Humanities Success, 7, 181–187. (In Russ.)
8. Normurodova, N. Z. (2019). The role of the title in the representation of author's conceptual world picture. Foreign languages in Uzbekistan, 6(29), 35–49. (In Russ.)
9. Sapozhnikova, Yu. L. (2023). The consideration of religious topic through a system of characters in the novel "The Round House" by Karen Louise Erdrich. Vestnik of Kostroma State University, 29(4), 79–84. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапожникова Юлия Львовна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры английского языка
Смоленского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sapozhnikova Yulia Lyvovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of the English Language
Smolensk State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.07.2025
25.08.2025
09.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

О некоторых явлениях грамматической вариативности нидерландского языка в корреляции с возрастом говорящих

Н. А. Темников¹, И. М. Михайлова²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹imtemnikovna.vlspb@gmail.com

²i.mikhailova@spbu.ru

Аннотация.

Цель исследования – рассмотреть корреляции между двумя новыми явлениями нидерландской грамматики и возрастом говорящих. Это: вопрос об инверсии подлежащего и сказуемого в главном предложении после бессоюзного придаточного условия и о вынесении за глагольную рамку в предложениях с рамочной конструкцией членов предложения без предлога. Были использованы методы качественного и количественного анализа эмпирического материала, собранного по печатным источникам и в языковом корпусе SoNaR. Результаты исследования свидетельствуют о наибольшей частотности новых синтаксических явлений в речи молодежи.

Ключевые слова: нидерландский язык, грамматические изменения, языковая норма, синтаксис, возрастная вариативность, письменный корпус, анализ частотности

Для цитирования: Темников Н. А., Михайлова И. М. О некоторых явлениях грамматической вариативности нидерландского языка в корреляции с возрастом говорящих // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 121–127.

Original article

On Certain Phenomena of Grammatical Variation in the Dutch Language in Correlation With Speakers' Age

Nikita A. Temnikov¹, Irina M. Michajlova²

^{1,2}St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

¹imtemnikovna.vlspb@gmail.com

²i.mikhailova@spbu.ru

Abstract.

The aim of this study is to examine the correlations between the use of two new, not yet widely accepted phenomena in Dutch grammar and the age of speakers. These phenomena include the question of subject-verb inversion in main clauses following a conjunctionless conditional clause and the extraction of non-prepositional sentence elements from the verbal bracket in clauses with a frame construction. The methods of qualitative and quantitative analysis were applied to empirical data collected from written sources and the SoNaR language corpus. The results of the study indicate the highest frequency of new syntactic phenomena in the speech of young people.

Keywords:

Dutch language, grammatical change, linguistic norm, syntax, age variation, written corpus, frequency analysis

For citation:

Temnikov, N. A., Michajlova, I. M. (2025). On certain phenomena of grammatical variation in the Dutch language in correlation with speakers' age. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 121–127. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Для лингвистов XXI века несомненный интерес представляет изучение грамматических изменений, происходящих у нас на глазах, столь новых, что их едва успевают фиксировать современные грамматики. Новые грамматические возможности продолжают сосуществовать с прежними, образуя вариативность, выбор из которой в каждом конкретном случае определяется социолингвистическими факторами.

В настоящей статье мы ограничимся двумя новыми синтаксическими явлениями, бросающимися в глаза в разговорной речи современных носителей нидерландского языка:

- а) вопросом об инверсии подлежащего и сказуемого в главном предложении после бессоюзного придаточного условия;
- б) возможностью вынесения за глагольную рамку членов предложения без предлога.

Из социолингвистических факторов на данном этапе исследования будет выбран один – возраст говорящих. Гипотезой нашего исследования выступает предположение о том, что принадлежность говорящего к той или иной возрастной группе нередко определяет степень отдаления используемых им грамматических структур от ядра языковой нормы.

В последние два десятилетия в качестве одного из самых эффективных инструментов, позволяющих зафиксировать сдвиг в грамматической системе, признан лингвистический корпус. Репрезентативный материал, собранный в корпусе, отражает объективную языковую реальность на конкретном этапе развития языка, вследствие чего обращение к корпусным данным позволяет с высокой степенью достоверности подтвердить или опровергнуть выдвигаемую гипотезу.

Исследование проводилось в три этапа, соответствующих следующим задачам:

- проанализировать две микрообласти синтаксиса нидерландского языка на предмет изменений, произошедших в них в конце XX – начале XXI века (диахронический метод);
- произвести поиск выбранных явлений и зафиксировать вариативность в текстах письменного корпуса SoNaR¹ (корпусный метод);
- привести данные об относительной частотности каждого явления в зависимости от возрастной принадлежности и дать интерпретацию полученных результатов (статистический метод).

¹SoNaR corpus. URL: <https://opensonar.ivdnt.org> (дата обращения: 21.08.2025).

Актуальность исследования связана, с одной стороны, с необходимостью систематизации вариативности, существующей в нидерландской грамматике, с другой – с неуклонно растущей популярностью интернет-коммуникации, речь участников которой, преимущественно молодых людей, демонстрирует тенденцию к использованию ненормативных языковых форм. Грамматическая норма нидерландского языка всесторонне, хоть и не всеобъемлюще, изложена в авторитетном и постоянно обновляющемся издании «*Algemene Nederlandse Spraakkunst*²» («Всеобщая нидерландская грамматика», сокр. ANS) [Algemene Nederlandse Spraakkunst, 1984]. Теоретическая база исследования включает в себя также основополагающие труды по социолингвистике и книги классиков отечественной германистики [Labov, 1972; Крысин, 2021; Ярцева, 1961; Смирницкий, 2011; Миронов и др., 2000].

Новизна работы заключается в комбинировании в рамках одного исследования качественного и количественного методов применительно к анализу новых явлений в грамматической системе нидерландского языка.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования полученных результатов, во-первых, в качестве основы для дальнейшего исследования как грамматической, так и лексической вариативности современного нидерландского языка; во-вторых, при составлении учебно-методических материалов для преподавания нидерландского языка.

Материал исследования представляет собой тексты пяти книг XXI века общим объемом 1 250 страниц: «*De lezende mens*» Ruud Hisgen & Adriaan van der Weel, «*Bizar*» Sjoerd Kuypers, «*Winterijs*» Peter van Gestel, «*Honderd uur nacht*» Anna Woltz, «*Een man met goede schoenen*» Rob van Essen. При анализе частотности грамматических явлений на базе письменного корпуса SoNaR используется материал подкорпуса объемом 509 документов, что составляет 20 675 248 токенов.

ПОРЯДОК СЛОВ В ГЛАВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ ПОСЛЕ БЕССОЮЗНОГО УСЛОВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В нидерландском языке, как и в других германских языках, существуют бессоюзные придаточные условия (ср. с англ. “Had I access to a neat and sound definition of labourism I would use it; sadly I do not” [Leuschner, Nest, 2015]). Как известно, эти предложения произошли от вопросительных, и на ранних

²Algemene Nederlandse Spraakkunst. 2019. URL: <https://e-ans.ivdnt.org> (дата обращения: 21.08.2025).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

стадиях языка, особенно в текстах, написанных без знаков препинания, были неотличимы от них.

Рассмотрим приводимое в качестве примера предложение из «Всеобщей нидерландской грамматики» 1984 года [Algemene Nederlandse Spraakkunst, 1984, с. 939]:

Komt hij morgen niet, dan moet hij het toch laten weten. – Если он завтра не придет, то он должен об этом сообщить¹.

Его придаточная часть легко возводится к вопросу:

Komt hij morgen niet? Dan moet hij het toch laten weten. – Он завтра на придет? Тогда он должен об этом сообщить.

В нидерландском языке это воспоминание о происхождении предложений данного типа сохранялось до 1980-х годов и проявлялось в том, что главное предложение, следующее за бессоюзным условным, должно было сохранять форму самостоятельного предложения: оно либо могло начинаться с наречия *dan* – *то*, либо с глагола в повелительном наклонении (*Kom je morgen niet, laat het toch weten*), либо (хоть и реже) с подлежащего (*Kom je morgen niet, je moet het toch laten weten*).

Однако в 1980-е годы в разговорном языке, в частности, в рекламе, в главном предложении после придаточного бессоюзного всё чаще стал употребляться обратный порядок слов, т. е. такой же, как после придаточного с союзом. «Всеобщая нидерландская грамматика» 1984 года отметила такой порядок слов как невозможный [Algemene Nederlandse Spraakkunst, 1984, с. 939].

Однако в дальнейшем бессоюзные конструкции стали всё более смешиваться с обычными сложноподчиненными предложениями с условным союзом *als*, после которого инверсия обязательна, независимо от того, употреблено ли наречие *dan* (*Als hij morgen niet komt, moet hij het toch laten weten* = *Als hij morgen niet komt, dan moet hij het toch laten weten*). Поскольку обратный порядок слов постепенно стал весьма частотным, грамматика ANS в последней редакции 2019 года уже не столь строга к данному варианту и более не отвергает его как невозможный, но дает помету *informeel* – разговорный. Вариант же, где придаточная часть начинается с подлежащего, отмечен как *formeel* – книжный².

Авторитетный нидерландский языковед Ян Ренкема также признает обратный порядок слов сугубо разговорным, но допустимым, однако объясняет его возникновение не аналогией с союзными придаточными, а эллипсисом *dan* [Renkema, 2024].

При исследовании нидерландских бессоюзных условных предложений бросается в глаза частое употребление в этих предложениях модального глагола *mogen* – мочь, иметь разрешение в форме имперфекта (*mocht*). В данном случае он приобретает особое значение «если вдруг» и особенно характерен для текстов, обращенных к клиентам, в том числе к покупателям:

Mocht u vragen hebben, kunt u altijd even mailen of bellen!³ – Если (вдруг) у вас есть вопросы, вы всегда можете связаться с нами по электронной почте или телефону!

Согласно нидерландским грамматикам, в современном языке нейтральным порядком слов в предложении после бессоюзного придаточного является «*dan* + сказуемое + подлежащее» (обратный I), допустимым только в сугубо разговорном языке «сказуемое + подлежащее» (обратный II), книжным – «подлежащее + сказуемое» (прямой). Кроме того, для бессоюзных придаточных условия характерно употребление на первом месте глагола *mocht*, передающего значение «если вдруг».

ВЫНЕСЕНИЕ ЗА ГЛАГОЛЬНУЮ РАМКУ ЧЛЕНА ПРЕДЛОЖЕНИЯ БЕЗ ПРЕДЛОГА

Данное явление не описано ни в одной знакомой нам грамматике. Оно также не было выявлено ни в одной из обследованных нами пяти книг XXI века, принадлежащих перу авторов разных поколений. Тем интереснее, что оно оказалось столь распространенным в разговорной речи.

ДАННЫЕ О ЧАСТОТНОСТИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА ГОВОРЯЩИХ В ПИСЬМЕННОМ КОРПУСЕ SONAR

Переходя к анализу частотности рассмотренных выше явлений на базе письменного корпуса SoNaR, в первую очередь отметим, что материал исследования ограничен фактами нидерландского языка в его северном варианте, а также текстами особого жанра – сообщениями длиной не более 140 символов в сервисе микроблогов. Известно, что речь, реализуемая в текстах пользователей новых медиа,

¹Эд. и далее перевод наш. – Н. Т. И. М.

²Algemene Nederlandse Spraakkunst. 2019. URL: <https://e-ans.ivdnt.org> (дата обращения: 21.08.2025).

³Breipaleis. URL: <https://www.breipaleis.nl/over-ons.html> (дата обращения: 21.08.2025).

Таблица 1

ЧАСТОТНОСТЬ ИНВЕРСИИ В ГЛАВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ ПОСЛЕ БЕССОЮЗНОГО УСЛОВНОГО –
БЕЗ НАРЕЧИЯ DAN

Возрастная группа	Общее количество документов	Количество документов, в которых встречается данное явление	Относительная частотность данного явления, в %
до 19 лет	55	30	54,55
20–39 лет	279	121	43,37
40–64 лет	170	50	29,41
65+ лет	5	3	60,00

Таблица 2

ЧАСТОТНОСТЬ ИНВЕРСИИ В ГЛАВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ ПОСЛЕ БЕССОЮЗНОГО УСЛОВНОГО –
КОНСТРУКЦИЯ С НАРЕЧИЕМ DAN

Возрастная группа	Общее количество документов	Количество документов, в которых встречается данное явление	Относительная частотность данного явления, в %
до 19 лет	55	8	14,55
20–39 лет	279	43	15,41
40–64 лет	170	21	12,35
65+ лет	5	1	20,00

Таблица 3

ЧАСТОТНОСТЬ ПРЯМОГО ПОРЯДКА СЛОВ В ГЛАВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ
ПОСЛЕ БЕССОЮЗНОГО УСЛОВНОГО

Возрастная группа	Общее количество документов	Количество документов, в которых встречается данное явление	Относительная частотность данного явления, в %
до 19 лет	55	4	7,27
20–39 лет	279	11	3,94
40–64 лет	170	0	0,00
65+ лет	5	0	0,00

обнаруживает значительное сходство со спонтанной устной речью, в которой как на лексическом, так и на грамматическом уровне имеет место «сimplификация» языка – явление, наблюдаемое также в интернет-коммуникации [Буриева, 2021].

Корпус располагает данными о возрасте авторов текстов, что позволяет привести статистические данные о частотности явлений в зависимости от поколения, к которому принадлежат адресанты. Важно упомянуть, что в корпусе отсутствует информация о датировке текстов, однако мы знаем, что сервис, служащий источником материала, был запущен в 2006 году, а проект SoNaR завершился в 2012 году. Следовательно, именно этот период и охватывает исследуемый синхронный срез функционирования нидерландского языка.

Ниже будет представлен количественный анализ выбранных нами грамматических явлений в непринужденной письменной речи представителей разных возрастных групп. Общим знаменателем в каждой группе выступает соответствующее ей количество документов в подкорпусе (всего

533 документа, в 24 из которых сведения о возрасте отсутствуют).

Количественный анализ, в свою очередь, производится на основе данных об относительной частотности явления, под которой мы, вслед за И. В. Ковалевым, понимаем «отношение числа его действительного возникновения к числу его теоретически возможного появления» [Ковалев, 2020, с. 24]. Так, относительная частотность каждого из рассматриваемых явлений в зависимости от возрастной принадлежности рассчитывается делением абсолютной частотности (= количества документов возрастной группы, в которых встречается явление) на всю выборку (= общее количество документов в возрастной группе).

Количественный анализ инверсии и прямого порядка слов в главном предложении после бессоюзного условного по результатам исследования в корпусе SoNaR

Выше нами были выделены три типа порядка слов в главном предложении после бессоюзного условного: обратный I (инверсия в конструкции с dan), обратный II (инверсия без dan) и прямой.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Таблица 4
ЧАСТОТНОСТЬ НАРУШЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ РАМКИ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С МОДАЛЬНЫМ ГЛАГОЛОМ

Возрастная группа	Общее количество документов	Количество документов, в которых встречается данное явление	Относительная частотность данного явления, в %
до 19 лет	55	11	20,00
20–39 лет	279	45	16,13
40–64 лет	170	12	7,06
65+ лет	5	0	00,00

Таблица 5
ЧАСТОТНОСТЬ НАРУШЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ РАМКИ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПЕРФЕКТОМ

Возрастная группа	Общее количество документов	Количество документов, в которых встречается данное явление	Относительная частотность данного явления, в %
до 19 лет	55	17	30,91
20–39 лет	279	69	24,73
40–64 лет	170	35	20,59
65+ лет	5	1	20,00

Таблица 6
ЧАСТОТНОСТЬ НАРУШЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ РАМКИ В ПРИДАТОЧНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Возрастная группа	Общее количество документов	Количество документов, в которых встречается данное явление	Относительная частотность данного явления, в %
до 19 лет	55	14	25,45
20–39 лет	279	68	24,37
40–64 лет	170	31	18,24
65+ лет	5	1	20,00

Эти три модели образуют, соответственно, три выборки, каждая разбита на подгруппы по возрасту авторов текстов: подростки до 19 лет, молодые люди от 20 до 39 лет, взрослые люди от 40 до 64, пожилые люди старше 65 лет. К последней подгруппе относится всего лишь пять документов¹, поэтому результаты, полученные для этой возрастной группы, нельзя считать показательными.

Результатом проведенного эксперимента стали данные об относительной частотности всех трех явлений в зависимости от возраста коммуникантов, представленные в таблице 1 (для обратного II), таблице 2 (для обратного I) и таблице 3 (для прямого). Невооруженным глазом видно, что чаще всего в главном предложении после бессоюзного условного встречается обратный порядок слов без наречия *dan*.

Как видно из таблиц 1–3, частотность модели II и прямого порядка слов увеличивается по мере уменьшения возраста авторов. В случае с моделью

I мы наблюдаем более-менее равномерное распределение по возрасту (до 65 лет), что подтверждает ее нейтральный статус. Отметим, что все без исключения предложения, в которых использован прямой порядок, начинаются с глагола *тоген* – мочь, иметь разрешение, в то время как предложения двух других групп примеров в этом отношении демонстрируют разнообразие (авторы употребляют формы имперфекта и настоящего времени других глаголов).

Во всех трех выборках наибольший показатель наблюдается у авторов до 40 лет (если по упомянутой ранее причине не учитывать последнюю). Из этого может следовать, что вариативность особенно ярко проявляется в речи более молодых носителей языка. Носители двух выделенных нами старших поколений, согласно полученным данным, отдают явное предпочтение именно инверсии: на это указывает отсутствие документов корпуса, в которых встречался бы прямой порядок слов, в двух последних возрастных группах (см. табл. 3).

Итак, в каждой возрастной группе и особенно среди молодых людей самым предпочтительным порядком слов в главном предложении после бессоюзного условного является, согласно

¹Под термином «документ» в корпусной лингвистике понимается единица текстового материала, снабженная лингвистической и экспрессионистической разметкой. В данном исследовании приводятся количественные данные, полученные на основе только тех документов, которые содержат речь одного автора или говорящего.

полученным в корпусе данным, инверсия без наречия *dan* – модель, характерная прежде всего для разговорного языка.

Количественный анализ нарушения глагольной рамки в предложениях с модальным глаголом, с перфектом и в придаточных по результатам исследования в корпусе SoNaR

Нарушение рамочной конструкции – довольно распространенное явление в устной речи носителей нидерландского языка, которое, как показывают результаты поиска в корпусе, проникло и в непринужденную письменную речь. Нидерландский синтаксис допускает вынесение за рамку предложных конструкций, в связи с чем особый интерес вызывают предложения, в которых после глагольной рамки употребляются беспредложные элементы, а именно – наречия.

Наше исследование охватывает случаи, когда глагольная рамка образована: а) конструкцией с модальным глаголом; б) структурой перфекта; в) структурой придаточного предложения.

В качестве наречий, выносящихся за рамку, нами были выбраны три наречия времени: *vandaag* – сегодня, *nu* – сейчас, *straks* – вскоре.

В таблицах 4–6 представлены данные о частотности нарушения глагольной рамки в каждом из трех случаев.

Полученные данные демонстрируют тенденцию к зависимости частотности нарушения глагольной рамки от возрастной принадлежности авторов: данное явление наиболее часто наблюдается в речи молодых людей, причем отчетливее всего эту тенденцию видно в предложениях с модальным глаголом, где частотность вынесения наречий за рамку резко увеличивается по мере уменьшения возраста. Минимальный разброс между показателями наблюдается в третьей группе, куда входят придаточные

предложения, на основе чего можно сделать вывод о распространенности явления среди носителей как молодого, так и более старшего возраста.

Таким образом, мы можем говорить о новой тенденции в синтаксическом строе нидерландского языка. Количественный анализ этой тенденции, в свою очередь, подтверждает гипотезу, согласно которой возраст говорящего может коррелировать со степенью отдаления используемых им грамматических структур от ядра языковой нормы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы проанализировали две грамматические микрообласти современного нидерландского языка; в каждой из них была выявлена вариативность. Материал корпуса SoNaR показывает, что рассмотренные изменения характеризуют не только устную, но и письменную речь, а второе явление – нарушение глагольной рамки – и вовсе можно рассматривать как совершенно новую тенденцию, уже прочно закрепившуюся в речи интернет-пользователей. Вопрос о распространенности этого явления в устной речи представляет собой одно из перспективных направлений в дальнейшем исследовании грамматической вариативности нидерландского языка.

Гипотеза нашего исследования подтвердилась: обнаружилось, что речь молодых людей до 39 лет чаще всего демонстрирует отдаление от ядра языковой нормы.

Следующим важным шагом при изучении динамики в рассмотренных микрообластях нидерландского синтаксиса является переход к материалу устной речи. Наиболее результативным методом сбора данных нам представляется анкетирование носителей языка с равномерным распределением респондентов по возрастным группам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Algemene Nederlandse Spraakkunst / G. Geerts [et al.]. Groningen: Wolters-Noordhoff, 1984.
2. Labov W. Sociolinguistic Patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.
3. Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. М.: Флинта, 2021.
4. Ярцева В. Н. Исторический синтаксис английского языка. Л.: АН ССР, 1961.
5. Смирницкий А. И. Лекции по истории английского языка. 4-е изд. М.: Добросвет: Университет, 2011.
6. Миронов С. А. [и др.]. Историческая грамматика нидерландского языка / С. А. Миронов, А. Л. Зеленецкий, Н. Г. Парамонова, В. Я. Плоткин. М.: Эдиториал УРСС, 2000. Кн. 1–2.
7. Leuschner T., Nest D. van den. Asynchronous grammaticalization: V1-conditionals in present-day English and German // Languages in Contrast. 2015. Vol. 15. № 1. P. 34–64.
8. Renkema J. Schrijfwijzer. Zesde editie. Amsterdam: Boom, 2024.
9. Буриева М. О симплификации языка в интернет-пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 5 (847). С. 22–33.
10. Ковалев И. В. Мультилингвистический анализ уникальности текстов на базе лексически связанных информационных компонентов: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020.

REFERENCES

1. Geerts, G. [et al.]. (1984). *Algemene Nederlandse Spraakkunst = General Grammar of Dutch*. Groningen: Wolters-Noordhoff.
2. Labov, W. (1972). *Sociolinguistic patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
3. Krysin, L. P. (2021). *Ocherki po sotsiolingvistike = Essays on Sociolinguistics*. Moscow: Flinta. (In Russ.)
4. Yartseva, V. N. (1961). *Istoricheskii sintaksis angliiskogo yazyka = Historical Syntax of the English Language*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
5. Smirnitskii, A. I. (2011). *Lektsii po istorii angliiskogo yazyka = Lectures on the History of the English Language*. 4th ed. Moscow: Dobrosvet, Knizhnyi dom Universitet. (In Russ.)
6. Mironov, S. A. [et al.]. (2000). *Istoricheskaya grammatika niderlandskogo yazyka = Historical Grammar of the Dutch Language*. (Vols. 1–2). Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
7. Leuschner, T., Nest, D. van den. (2015). Asynchronous grammaticalization: V1-conditionals in present-day English and German. *Languages in Contrast*, 15(1), 34–64.
8. Renkema, J. (2024). *Schrijfwijzer*. Zesde editie. Amsterdam: Boom.
9. Burieva, M. (2021). On language simplification on the Internet. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(847), 22–33. (In Russ.)
10. Kovalev, I. V. (2020). *Mul'tilingvisticheskii analiz unikal'nosti tekstov na baze leksicheski svyazannykh informatsionnykh komponentov = Multi-linguistic analysis of the uniqueness of texts based on lexically related information components*: monografija. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Темников Никита Андреевич

аспирант кафедры скандинавской и нидерландской филологии
филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Михайлова Ирина Михайловна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры скандинавской и нидерландской филологии
филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikita Andreevich Temnikov

PhD Student at the Department of Scandinavian and Dutch Philology
Faculty of Philology
St. Petersburg State University

Irina Mikhailovna Michajlova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of Scandinavian and Dutch Philology
Faculty of Philology
St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.07.2025
25.08.2025
09.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'42

Концептуальные модели конструирования нарративных и статичных эвфемистических мультимодальных комплексов

М. О. Чирвоная

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mchirvonaya@list.ru

Аннотация. Цель исследования – изучить модели конструирования эвфемистических комплексов с элементами повествования и статичных мультимодальных единиц в интернет-коммуникации. В работе использованы: концептуальный анализ, гипотетико-дедуктивный метод, метод definitionalного анализа, метод культурологической интерпретации единиц. Показано, что ведущим механизмом конструирования как нарративных комплексов, так и мультимодальных единиц, не объединенных единой сюжетной линией, является концептуальная метонимия. В первом случае наиболее активным механизмом следует признать метонимию сценарного типа, которая реализуется одновременно на вербальном и визуальном уровнях, объединяя два модуса в единое целое. Во втором ведущим когнитивным механизмом выступает статичная концептуальная метонимия, основная функция которой также заключается в построении единого эвфемистического фрейма.

Ключевые слова: концептуальная метонимия, мультимодальный эвфемистический комплекс, концептуальная модель, метонимия сценарного типа, статичная метонимия

Для цитирования: Чирвоная М. О. Концептуальные модели конструирования нарративных и статичных эвфемистических мультимодальных комплексов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 128–133.

Original article

Conceptual Models for Constructing Narrative and Static Euphemistic Multimodal Complexes

Maryia O. Chyrvonaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mchirvonaya@list.ru

Abstract. The aim of this work is to study the models of constructing euphemistic complexes with elements of narration and static multimodal units in Internet communication. The methods of conceptual analysis, hypothetico-deductive method, definitional analysis method, and method of cultural interpretation of units are used. It is shown that the leading mechanism for constructing both narrative complexes and multimodal units not united by a one storyline is conceptual metonymy. In the first case, the most active mechanism is scenario-type metonymy, which is implemented simultaneously at the verbal and visual levels, combining two modes into a single whole. In the second case, static conceptual metonymy is the leading cognitive mechanism, the main function of which is also to construct a single euphemistic frame.

Keywords: conceptual metonymy, multimodal euphemistic complex, conceptual model, scenario-type metonymy, static metonymy

For citation: Chyrvonaya, M. O. (2025). Conceptual models for constructing narrative and static euphemistic multimodal complexes. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(905), 128–133. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время в англоязычном интернет-пространстве появилось значительное количество мультимодальных комплексов различных типов и жанров, содержащих эксплицитный или имплицитный эвфемистический посыл. Представляется, что такие комплексы, которые практически не изучались в рамках современной теории эвфемии, позволяют по-новому взглянуть на многие проблемы эвфемизации.

Актуальность нашего исследования заключается в необходимости углубленного изучения концептуальных механизмов конструирования эвфемистического смысла англоязычных нарративных и статичных эвфемистических мультимодальных комплексов. Задачи настоящей работы:

- 1) определить способы взаимодействия вербального и визуального элементов статичных эвфемистических комплексов и комплексов, объединенных общей сюжетной линией;
- 2) определить ведущий концептуальный механизм конструирования смысла нарративных и статичных мультимодальных эвфемистических комплексов в рамках интернет-коммуникации;
- 3) определить роль основного концептуального механизма формирования мультимодальных комплексов двух типов в создании эвфемистического посыла результирующих единиц.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты можно применить в практике преподавания английского языка, в теоретических курсах по лексикологии и стилистике английского языка, при подготовке специализированных курсов по интернет-коммуникации, а также для создания корпуса эвфемистических мультимодальных текстов на английском языке.

Научную новизну исследования на сегодняшний день подкрепляют концептуальные модели конструирования англоязычных эвфемистических комплексов, которые в интернет-коммуникации остаются практически не изученными.

На настоящем этапе исследования принципов конструирования эвфемистических единиц было установлено, что ведущим концептуальным механизмом, на котором базируются эвфемистические единицы разноструктурных языков, следует признать концептуальную метонимию [Порохницкая, Чирвоная, 2023].

Концептуальная метонимия наряду с концептуальной метафорой является неотъемлемой частью обыденного человеческого мышления. Так, во многих лингвокультурах широкое распространение получил метонимический концепт «лицо вместо человека» [Лакофф, Джонсон, 2004].

В качестве важных метонимических моделей в основе семантики эвфемизмов разноструктурных языков можно выделить:

- репрезентацию концептуальной сущности путем апеллирования к одной из ее частей (выражение 闭眼 (*kít*. bì yǎn «закрыть глаза») репрезентирует смерть);
- репрезентацию одного из основных элементов концепта через активизацию всего концепта (употребление выражения 遇难 (*kít*. yùnàn «встретиться с бедой») для репрезентации смерти) [Порохницкая, Чирвоная, 2023].

В современной лингвистической литературе достаточно подробно описываются функции концептуальной метонимии. Большинство исследователей выделяют следующие функции:

- референциальная функция [Порохницкая, Чирвоная, 2023];
- обеспечение переноса фокуса внимания, что служит пониманию (что также составляет основу для когнитивной многозначности) [Падучева, 2003];
- воспроизведение концептуальных структур действительности, так как связь по смежности существует между объектами реального мира [Падучева, 2003; Порохницкая, 2014];
- создание художественных образов [там же];
- осмысление одного явления через призму его связи с другими явлениями [Картелёва, 2012];
- оценочная функция [Солодилова, 2014].

Роль концептуальной метонимии как механизма формирования семантики эвфемистических единиц, как было отмечено выше, уже становилась предметом исследования лингвистов. В соответствии с традиционным подходом к изучению роли метонимии в семантике эвфемизмов выделялись различные типы метонимических переносов, многообразие которых можно свести к двум моделям:

- целое вместо части;
- часть вместо целого.

Однако данные модели не отражают, как на самом деле формируется семантика эвфемизмов. В рамках когнитивного подхода предлагается анализировать, какая ключевая идея (какой метонимический концепт), обнаруживаемая в семантике различных единиц (мультимодальных и мономодальных) формирует их значение.

Иллюстрацией роли концептуальной метонимии в эвфемизмах могут служить слова, используемые для обозначения процесса потребления алкоголя. Такие эвфемизмы позволяют скрывать потребление спиртного за более общими

действиями (прием пищи, общение с друзьями и т. д.) [Порохницкая, 2016].

Кроме того, было установлено, что концептуальная метонимия может выступать в качестве отправной точки последующего метафорического усложнения в семантике эвфемизмов, функционируя в качестве своеобразного метонимического триггера¹ [Порохницкая, 2020].

Л. В. Порохницкой было определено, что описанный механизм может приводить как к снижению эвфемистического потенциала единиц, так и к его повышению [Порохницкая, 2020].

Другим важным направлением исследования концептуальной метонимии в данной парадигме является изучение ее роли в конструировании семантики амбивалентных эвфемистических единиц английского языка. Было установлено, что концептуальная метонимия широко применяется при создании манипулятивных дисфемистических единиц, например, при формировании общественного мнения в ходе предвыборной кампании в США [Самойлова, 2025].

ИНТЕРАКЦИЯ КОМПОНЕНТОВ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

Наиболее полная классификация типов взаимодействия визуального и верbalного элементов мультиmodalного текста, по нашему мнению, представлена в работах М. Б. Ворошиловой [Ворошилова, 2013]. В рамках предложенной классификации выделяются:

- 1) параллельная корреляция (семантическая наполненность и содержание двух компонентов совпадают);
- 2) перекрестная корреляция (перекрываются семантическая наполненность и pragmaticальный потенциал одного компонента другим);
- 3) оппозитивная корреляция (несовпадение передаваемой вербальным и невербальным компонентами информации);
- 4) интерпретативная корреляция (устанавливается ассоциативная связь между содержанием двух компонентов);
- 5) поддерживающая корреляция (для передачи одной информации семантика одного компонента поддерживается (дополняется) семантикой другого компонента).

На данном этапе исследования нам представляется необходимым разграничить нарративные мультиmodalные единицы и мультиmodalные комплексы, элементы которых не объединены общей сюжетной линией [Тапилин, 2024].

¹ Термин введен Л. В. Порохницкой.

Исследование нарративности берет свое начало от идеи У. Лабова, который говорил о составных обязательных и необязательных элементах нарратива, выводя четкое определение данного понятия [Labov, 2003]. Нарратив в современных исследованиях мультиmodalных текстов подразумевает наличие единого сюжета с последовательностью событий, у которых общий автор, хронотоп, персонажи. Нарративные мультиmodalные комплексы включают в себя кинофильмы, мультфильмы, комиксы и т. п.

Нарративность и мультиmodальность имеют три способа взаимодействия:

- мультиmodalный нарратив как единое целое;
- развитие каждым модусом своего нарратива;
- развитие модусами противоположных нарративов («абразия» модусов) [Тапилин, 2024].

Материалом исследования послужили мультиmodalные эвфемистические единицы, представляющие рекламные интернет постеры, некоторые из которых содержат элементы нарратива.

В этой связи представляется интересным сопоставить модели корреляции визуального и вербального компонентов в мультиmodalных комплексах с элементами повествования и в комплексах, в которых невозможно выделить общую сюжетную линию.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТОНИМИЯ СЦЕНАРНОГО ТИПА VS СТАТИЧНАЯ МЕТОНИМИЯ

Для изучения принципов конструирования мультиmodalных нарративных текстов мы отобрали 350 эвфемистических комплексов. Эвфемистичность компонентов в составе данных комплексов верифицировалась при помощи авторитетных словарей эвфемизмов и сленга английского языка².

Данные единицы относятся к различным видам интернет-дискурса:

- рекламному дискурсу (коммерческая и социальная реклама);
- информационному дискурсу (представление продукции через неотъемлемые признаки продукта);
- лайфтайль-дискурсу (транслирование образа жизни, здоровых привычек, времяпрепровождения и т. д. через истории различных людей).

Рассмотрим рекламный постер бразильского пива «Boca Maldita» (см. рис. 1)³:

² Holder R. W. How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms. Oxford: Oxford University Press, 2002; Ayto J. The Oxford Dictionary of Slang. Oxford: Oxford University Press, 1998.

³ URL: <https://ru.pinterest.com/pin/31173422398769816/> (дата обращения: 20.07.2025).

Рис. 1. Рекламный постер бразильского пива Boka Maldita

How to Wear an Athletic Supporter at the Gym

Рис. 2. Пример комплекса из рубрики «Фитнес»

Вербальный компонент анализируемого лингвовизуального комплекса представлен тремя ключевыми фразами: крупным шрифтом дается фраза *You saw your girlfriend on Tinder* (*Ты увидел свою девушку на Тиндер*), мелким шрифтом – *Some days you just want to forget* (*Некоторые дни ты просто хочешь забыть*), а также сокращенное обозначение крепости напитка 8,2 % ABV (*степень крепости 8,2 %*). Данные фразы отражают последовательность действий героя постера, так как наши глаза движутся от фразы, данной крупным шрифтом, к тем, что даны мелким шрифтом. Визуальный компонент – бутылка с лейблом рекламируемой алкогольной продукции.

Ведущим концептуальным механизмом создания данного эвфемистического постера надо признать концептуальную метонимию сценарного типа. Описанные вербальные компоненты комплекса репрезентируют ключевые этапы конструируемого сюжета, причем финальный табуированный элемент потребления алкоголя имплицируется и представлен на графическом уровне. Бутылка с лейблом рекламируемого пива метонимически репрезентирует сам алкогольный напиток, а также процесс его употребления. В данном мультимодальном комплексе концептуальная метонимия актуализируется

как на вербальном, так и на визуальном уровнях, объединяя два модуса и конструируя единую ситуацию: молодой человек обнаруживает, что его девушка зарегистрировалась на сайте знакомств, это расстраивает его, вследствие чего он принимает алкоголь, чтобы забыться.

На современном этапе исследования можно утверждать, что статичная концептуальная метонимия также может считаться одним из ведущих когнитивных механизмов создания эвфемистических лингвовизуальных комплексов в интернет-пространстве. В данном случае речь идет главным образом о мультимодальных единицах, не объединенных общей сюжетной линией. Рассмотрим пример такого комплекса из рубрики «Фитнес», который предваряет информативную статью о поддержании здоровья (см. рис. 2)¹:

В данном случае вербальный компонент представлен одним предложением *How to wear an Athletic Supporter at the gym* (*Как носить супензорий в спортзале*). Семантика эвфемизма *athletic supporter* конструируется на базе метонимического концепта, в фокусе которого находится идея поддержания (удержания) некоторого объекта в определенном положении (см. рис. 2). Описанная ключевая идея встречается также в фокусе визуального компонента, который представлен изображением мужчины, поднимающего штангу в спортзале. Данный метонимический фокус позволяет сместить акцент с интимной зоны тела мужчины, для которой предназначено рекламируемое приспособление, как на вербальном уровне, так и на визуальном, объединяя два модуса комплекса в единое целое.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение сделаем некоторые выводы. Ведущим механизмом конструирования смысла эвфемистических мультимодальных комплексов в интернет-коммуникации следует признать концептуальную метонимию, которая может реализовываться как на вербальном, так и на визуальном уровнях и объединять два модуса комплекса в единый фрейм.

Для мультимодальных комплексов с элементами сюжета характерна актуализация динамичной метонимии сценарного типа, в рамках которой каждый элемент сюжета может репрезентироваться на двух уровнях, причем визуальная метонимия в данном случае выполняет функцию субSTITУции, заполняя лакуны, которые могут иметь место на вербальном уровне.

¹URL: <https://www.sportsrec.com/wear-athletic-supporter-gym-6771095.html> (дата обращения: 20.07.2025).

Эвфемистические мультимодальные комплексы с элементами сюжета можно отнести к нарративным комплексам, в рамках которых оба модуса работают сообща. Такие комплексы распространены в рекламном дискурсе и в лайфстайл-дискурсе.

Статичная концептуальная метонимия также представляет собой продуктивный механизм формирования смысла, главным образом в таком жанре интернет-коммуникации, как информационный дискурс. Основная функция концептуальной

метонимии такого типа, которая, как правило, реализуется параллельно как на вербальном, так и визуальном уровнях, – сместить фокус с табуированного концепта, что усиливает эвфемистический посыл всего комплекса.

Проведенное исследование в дальнейшем может быть продолжено анализом концептуальных оснований конструирования смысла лингвовизуальных эвфемистических мультимодальных комплексов, относящихся к традиционным номинативным областям и к политкорректным сферам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Порохницкая Л. В., Чирвоная М. О. Метонимические модели эвфемизации в разноструктурных языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 72–76. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_10_878_72.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
3. Падучева Е. В. Когнитивной теории метонимии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Междунар. конф. Диалог-2003. Протвино, 2003. С. 1-8.
4. Порохницкая Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014.
5. Картелёва Л. И. Когнитивно-функциональные аспекты использования метафоры и метонимии в процессе верbalной самопрезентации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2012.
6. Солодилова И. А. Метонимия: попытки описания и моделирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 31–35. EDN TGLQJN.
7. Порохницкая Л. В. Концептуальная метонимия в контексте изучения семантики эвфемизма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 12 (751). С. 137–142.
8. Порохницкая Л. В. Метонимический триггер в эвфемии // Филологические науки. Доклады высшей школы. 2020. Вып. 6. С. 25–29.
9. Самойлова В. В. Дисфемизация как средство манипуляции общественным мнением в ходе президентской гонки 2024 г. в США (на примере комментариев в социальной сети X*) // ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературо-ведение. Языкознание. Культурология». 2025. Вып. 3. С. 194–202. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-3-194-202.
10. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013.
11. Тапилин Т. В. Нарративный мультимодальный текст как один из видов мультимодального текста // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 2. С. 151–156. ISSN 1998-0817.
12. Labov W. Uncovering the event structure of narrative // Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics (GURT) 2001: Linguistics, Language, and the Real World: Discourse and Beyond. Washington D. C.: Georgetown University Press, 2003. P. 63–83.

REFERENCES

1. Porokhnitskaya, L. V., Chivronaya, M. O. (2023). Metonymic Models of Euphemization in the Differently Structured Languages. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(878), 72–76. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_10_878_72. (In Russ.)
2. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). Metaphors we live by / Ed. by A. N. Baranov. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
3. Paducheva, E. V. (2003). K kognitivnoi teorii metonimii = Towards cognitive theory of metonymy. In Computational linguistics and intellectual technologies (pp. 1–8): proceedings of the international conference Dialog-2003. Protvino. (In Russ.)
4. Porokhnitskaya, L. V. (2014). Kontseptual'nye osnovaniya evfemii v yazyke (na materiale angliiskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, ispanskogo i italianskogo yazykov) = Conceptual foundations of euphemism in language (based

- on the material of English, German, French, Spanish and Italian languages): abstract of Senior Doctoral thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
5. Kartelyova, L. I. (2012). Kognitivno-funktional'nye aspekty ispol'zovaniya metafory i metonimii v protsesse verbal'noi samoprezentatsii = Cognitive-functional aspects of using metaphor and metonymy in verbal self-presentation: abstract of PhD thesis in Philology. Orel. (In Russ.)
 6. Solodilova, I. A. (2014). Metonimia: popytki opisaniya i modelirovaniya = Metonymy: attempts of description and modeling. Vestnik of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 4, 31–35. (In Russ.)
 7. Porokhnitskaya, L. V. (2016). Conceptual metonymy in the context of studying euphemism semantics. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 12(751), 137–142. (In Russ.)
 8. Porokhnitskaya, L. V. (2020). Metonymic trigger in euphemy. Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, 6, 25–29. (In Russ.)
 9. Samoylova, V. V. (2025). Dysphemization as a tool for manipulating public opinion during the 2024 US presidential race (based on comments in social network X). Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya», 3, 194–202. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-3-194-202. (In Russ.)
 10. Voroshilova, M. B. (2013). Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu = Political creolized text: keys to interpretation. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
 11. Tapilin, T. V. (2024). Narrative multimodal text as a type of multimodal text. Vestnik of Kostroma State University, 30(2), 151–156. (In Russ.)
 12. Labov, W. (2003). Uncovering the event structure of narrative. In Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics (GURT) 2001: Linguistics, Language, and the Real World: Discourse and Beyond (pp. 63–83). Washington D. C.: Georgetown University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чирвоная Мария Олеговна

преподаватель кафедры подготовки преподавателей редких языков
Московского государственного лингвистического университета
аспирант кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chyrvonaya Maryia Olegovna

Lecturer at the Department of Training Teachers of Rare Languages
Moscow State Linguistic University
PhD Student at the Department of English Lexicology, Faculty of English
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	30.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	09.09.2025	accepted for publication

Научная статья

УДК 82.09

Пегас и Адонис. Поэты современного Ливана

М. В. Николаева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
 Институт Востоковедения РАН, Москва, Россия
 losmarinik@mail.ru

Аннотация. Цель работы – провести историко-тематический анализ основных характерных образцов арабоязычной и франкоязычной поэзии современного Ливана, прежде всего творческого наследия крупнейшего современного поэта Адониса. Методология исследования включает в себя выявление общего стремления авторов утвердить и защитить национальную самобытную сущность древней и современной ливанской культурной традиции. В результате исследования показано, что творческие искания арабских поэтов-неоклассиков XX века приводили к видоизменению как духовных основ, так и эстетических норм меняющегося общества. Становится очевидно, что многие авторы стремились освободить новую арабскую поэзию от регламентированных догм жесткого формализма и словесной игры, давая свободу творческой фантазии, вдохновению.

Ключевые слова: Ливан, арабоязычная поэзия, франкоязычная поэзия, традиции, вдохновение, самобытность, образная система, просодия, эстетические нормы, творческое сознание

Для цитирования: Николаева М. В. Пегас и Адонис: поэты современного Ливана // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарный науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 134–140.

Original article

Pegasus And Adonis. Poets and Poetry of Modern Lebanon

Maria V. Nikolaeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
 Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 losmarinik@mail.ru

Abstract. The aim of this paper is a historical analysis of the main samples of the totality of Arabic, and French-language poetry of modern Lebanon, first of all, the poetry of great modern poet Adonis. Methodological basis of the paper is to show the general desire of the authors to establish and protect the national original essence of the ancient and modern Lebanese cultural tradition. The main results prove that the creative searches of the Arab neoclassical poets of the 20th century led to a modification of both the spiritual foundations and the aesthetic norms of a changing society. It becomes obvious that many authors sought to free the new Arabic poetry from the regulated dogmas of rigid formalism and verbal play, giving freedom to creative imagination, and inspiration.

Keywords: Lebanon, Arabic poetry, French language poetry, traditions, inspiration, originality, figurative system, prosody, aesthetic standards, creative consciousness

For citation: Nikolaeva, M. V. (2025). Pegasus and Adonis. Poets and Poetry of Modern Lebanon. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 134–140. (In Russ.)

Литературоведение

ВВЕДЕНИЕ

Представители арабской творческой интеллигенции XX столетия, писатели и поэты арабских стран, находясь в условиях сложных социально-политических конфликтов и кризисных явлений современного миропорядка, стремятся найти опору в утверждении глубинных нравственных основ арабского общества, его этического потенциала, восходящего к национальным духовным и поэтическим традициям. Этим обусловлена актуальность данного исследования, поскольку оно вводит творчество современных ливанских авторов – как франкоязычных, так и арабоязычных, в общий широкий контекст современного мирового литературного процесса. Ведь сегодня всё более очевидным становится процесс возрастания интереса мирового сообщества не только к взаимодействию и взаимовлиянию различных культурных традиций и направлений художественной мысли, но и к обращению, к глубинным пластам национальной памяти, к историческим истокам и национальным традициям для актуализации понимания своего места и своей роли в стремительно меняющейся современной жизни всего мирового сообщества.

В статье анализируются современные тенденции в творчестве как арабоязычных, так и франкоязычных поэтов современного Ливана по поиску новых гуманистических смыслов, способных объединить культурные и исторические основы миропонимания разнородных социальных структур этой многоконфессиональной страны в контексте понимания всей сложности глубинного онтологического противостояния западной и восточной цивилизаций в их противоречивом единстве и разновекторности. При этом использование французского или английского языка не только не отдаляет поэтов Ливана от своих исторических корней, но напротив, позволяет представить альтернативный более широкий взгляд на место национальной традиции в мировом культурном процессе. В условиях обострения и эскалации идеологического, политического и военного противостояния в этом взрывоопасном регионе поиск глубинных объединяющих образов в поэтических сочинениях современных арабских авторов выводит эту проблематику на самый широкий мировоззренческий уровень поиска миротворческих альтернатив на материале обновляющихся эстетических основ и образов художественных произведений. Таким образом здесь возникает тот напряженный диалог цивилизаций, в котором смыкаются эстетические и идеологические традиции Востока и Запада как единство духа и материи, и сознание человека обретает гармонию взаимного понимания.

Автор данной работы ставит своей задачей при помощи историко-тематического анализа поэтических образцов показать, что творческие искания арабских поэтов-неоклассиков XX века приводили к видоизменению как духовных основ, так и эстетических норм меняющегося общества. Сочетание осознания особой национальной идентичности и современных западных литературных тенденций формирует у них уникальный поэтический язык. В результате проведенного исследования становится очевидно, что многие современные ливанские арабоязычные и франкоязычные авторы стремились освободить новую арабскую поэзию от регламентированных догм жесткого диктата формы и игры слов. Они высвобождали творческую фантазию и вдохновение художника в его стремлении отражать искренние чувства и живые эмоции человеческой души. Поиск новых форм отражения движения чувств и духовных метаморфоз единого для всего региона мифологического контекста позволяет авторам искать и находить в самом поэтическом слове новые смыслы и образы, объединяющие творческую мысль западной и восточной цивилизаций в их противоречивом единстве.

Так, основатели «Ассоциации пера» (*ар-рабита аль-каламийя*) – Сирийско-американской литературной школы, возникшей в среде сиро-ливанской эмиграции в Северной Америке 1890–1920-х годов, впервые в истории арабской литературы открыли простор свободному стилю *аш-шиар аль-мансур*, как иной системе мышления свободными образами. Наряду со стремлением к обновлению арабского языка, формы и содержания поэзии, стихотворные опыты этой новой школы отличались усилением внутритекстовых связей поэтических произведений, расширением ее жанровой структуры и версификационного диапазона, переосмыслением образа автора как лирического героя. В то же время, выступая передаточным звеном влияния западной литературы на словесность на Ближнем Востоке, эти авторы в своих произведениях отразили многие достижения мировой поэзии нового времени [Сафонов, 1996]. В качестве теоретической базы исследования привлечены фундаментальные работы отечественного исследователя Б. В. Чукова [Чуков, 1997; Чуков, 2006], а также двуязычная монография на французском и арабском языках ливанского литературоведа Шукри Ганема [Ghanem, 1981].

Научная новизна работы проявляется в применении автором комплексного подхода к анализу малоизученных текстов произведений арабоязычных и франкоязычных авторов на базе сравнительно-литературного (компаративного),

историко-тематического и более широкого культурологического подхода, выстраивая целостную непротиворечивую картину движения литературного процесса. Прежде всего это относится к творческому портрету крупнейшего поэта-новатора в области поэтической традиции Адониса, до сих пор недостаточно изученного в российском литературоведении. Его наследие становится уникальным свидетельством глубинных объединяющих взаимосвязей мифологических основ и образов Запада и Востока, в их диалогическом взаимодействии. Ведь интенсивную духовную жизнь этого региона на протяжении веков отличало стремление к постижению истины как творческого единства духовной и материальной ипостаси истории культуры человечества.

АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Основным содержанием творческого процесса в арабской поэзии XX столетия стало стремление отхода от жестких устаревших норм традиционной эстетической традиции и нормативной средневековой просодии. Тем самым арабские авторы-новаторы открывали путь к созданию произведений нового стиля в контексте самых передовых достижений мировой литературы. Известно, что этот регион Арабского Востока – Леванта на протяжении многих столетий отличался особым характером и интенсивным историко-культурным и экономическим взаимодействием со странами Запада. Здесь исторически сложилась традиционная практика изучения и владения одновременно несколькими иностранными языками, что значительно расширяло горизонты арабской, и, в особенности, сиро-ливанской культуры.

Многие мэтры франкоязычной поэзии Ливана (Венус Хури (р. 1937), Салах Стетье (1929–2020) и другие и сегодня признают, что французский язык служит развитию внутренней культуры самой личности. Он дает возможность лучше понять и раскрыть свои собственные национальные ценности, более глубоко осознать значимость и место арабской культурной традиции.

Особенно остро зазвучала в творчестве многих арабских поэтов и писателей тематика сегодняшнего дня, современных социальных и творческих проблем, волнующих всё человечество, во второй половине XX столетия. Острым восточным колоритом образов свободной фантазии пронизано, к примеру, творчество крупнейшего драматурга и поэта Жоржа Шехаде (1910–1989), получившего по истине мировое признание. Критики отмечали, что Шехаде – это уникальный художник слова, существующий на грани двух поэтических

миров: сферы формальной западноевропейской эстетики сюрреализма и глубинного, трудноуловимого в инокультурной среде восточного мистицизма, который отличает этого православного левантийца XX века.

Фуад Габриэль Наффах (1925–1983) умер вдали от родины, в эмиграции, не выдержав переживаний катастрофы Ливанской войны 1975–1980-х годов и оккупации Бейрута. Его трагическая смерть еще острее привлекла внимание критиков к совершенству его классического французского александрийского стиха, исполненного лиризма и эстетически утонченного, словно бы укорененного в земле, бросающей вызов времени и судьбе [Saint-Prot, 1995].

Эстетические и духовные искания своих предшественников достойно продолжают наследники их творческих достижений поэты Ливана второй половины XX века, в числе которых аш-Шаир аль-Карави (Рашид Салим Хури, 1988–1984), Саид Акль (1912–2014), Мишель Сулейман (1933–2001) и Халиль Хауи (1919–1982). Соотечественники называли его «поэтом Ливана» – *шаиру любнан*, и его самоубийство в оккупированном Бейруте потрясло ливанцев не меньше, чем зрелище израильских танков на улицах их древней столицы.

Ливанская поэзия рубежа XX–XXI веков отличается стремлением вернуться к исконному пониманию поэта как предвестника, *шиара*-ведуна. Он способен не только предвидеть, но и предостерегать общество от возможных преступлений и грядущих катастроф. Это явление можно наблюдать в творчестве как арабоязычных, так и франкоязычных авторов, чьи произведения обычно существуют в двух вариантах – французском (английском) и авторских или иных переводах на арабский.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ АДОНИСА

В этом контексте представляется совсем не случайным, а вполне характерным для духовного содержания арабской поэзии наших дней и то, что наиболее авторитетный и известный арабский поэт Али Ахмед Саид Асбар выбрал своим творческим псевдонимом звучное имя финикийского божества любви и красоты Адониса, возлюбленного греческой богини Афродиты, он стал главным новатором не только ливанской, но и всей новоарабской поэзии второй половины XX века. Его творческий путь словно вобрал в себя всю сложность проблематики, творческие новации и теоретические искания современной поэзии арабских стран.

Поэт родился в 1930 году в шиитской семье в небольшой деревушке Кассабин на побережье Средиземного моря, недалеко от средневековой

Литературоведение

Тортозы – современного сирийского Тартуса, этого древнего морского порта Средиземноморья, основанного еще финикийцами. Его основные произведения – это более 20 книг на арабском языке – написаны и изданы в Бейруте, куда он переехал в 1956 году после окончания Дамасского университета, работы в ряде сирийских журналов и политических преследований. Адонис – гражданин Ливана с 1957 года, доктор университета св. Иосифа в Бейруте (с 1973 г.) и ряда европейских университетов. Израильская агрессия 1980 года в Ливане вынудила его, как и многих его соотечественников, переехать во Францию, в Париж, где поэт стал дипломатом, переводчиком, читал лекции по литературе в Коллеж де Франс, работал советником ЮНЕСКО по делам культуры, неоднократно приезжал в СССР, принимал участие в различных литературных форумах и творческих встречах.

Адонис – финикийский псевдоним поэта-экспериментатора, парадоксального новатора формы и широко образованного мыслителя, награжденного медалью Гёте (2001) и лауреат премии Гёте (2011), Американской премии в области литературы (2003), премии Пен / Набокова за достижения в области литературы (2017), неоднократного номинанта на соискание Нобелевской премии по литературе. Так же, как и многие его соотечественники, Адонис испытал большое влияние французской поэзии рубежа XIX–XX столетий и европейского сюрреализма, который в его творчестве сочетается с глубинными мифологическими мотивами. В его стихах можно угадать мотивы доисламских мифологических образов древних народов Средиземноморья от шумеров и финикийцев до вавилонян и древних греков. При этом он освоил все истинные богатства классической арабской литературы, а его сборник «Песни Михъяра из Дамаска» (1961) исследователи считают новаторским этапом освоения классической арабской литературной традиции в сочетании с ярко выраженным новаторством в сфере языка, синтаксиса и поэтических тропов.

В своей первой программной статье «Опыт определения новой поэзии» (1959) Адонис провозглашал поэзию сферой действия, универсальным миром, в основе которого лежат свободные ассоциации и опыт бесконечных индивидуальных интерпретаций смыслов. Впоследствии он развивал свои взгляды на поэтическое творчество, призываая возвращаться к первоначальной чистоте слов и смыслов, и порой сочетал в одном произведении прозаические и поэтические конструкции.

Русский востоковед И. А. Ермаков, один из немногих переводчиков Адониса на русский язык, считает, что он стоит особняком в ряду современных

арабских писателей, хотя и не одинок в своем роде. По его мнению, это исключение лишь подтверждает правило. (Отметим, что Адонис – один из тех арабских поэтов, произведения которого можно читать как в оригинале, так и на основных европейских языках, в том числе и на русском.)

Парадоксальность мышления и противоречия творческой личности Адониса напоминают нам зеркало, в котором отражаются искания современной арабской поэтической мысли, ее острое желание проникнуть из прошлого через настоящее в будущее. Усложненная и оригинальная поэтика этого уникального автора словно бы создает свой собственный мир, удивляющий читателя необычностью метафор, неожиданными взаимосвязями образов, возникающих при субъективном и объективном восприятии.

Интересно, что творческий метод Адониса оказался близок историческим и эстетическим исканиям другого ливанского классика франкоязычной поэзии – Шарля Корма (1894–1963). Исследователи отмечают, что этот талантливый автор пытался в своих произведениях обратиться к глубинным историческим пластам национального генетического кода своего народа при помощи классической просодии французской поэтической традиции. В поэзии Шарля Корма возникали объемные монументальные образы и духовные парадигмы давно исчезнувшей цивилизации финикийцев, возвращаемые из исторического забвения поэтическим гением автора.

Как и Шарль Корм, Адонис верит в то, что человек может изменить себя и мир, может сам творить историю. Он убежден в том, что каждое новое стихотворение это – арена мира. Тем самым новая арабская поэзия сможет противостоять самой природе и преступной действительности современного мира, разрушая все ее формы. В этом поэт видит подлинную задачу того искусства слова, которое он называет «литературой начинания».

При этом в своих более поздних сочинениях «Манифест современности» (1978), «Книга» (1995) и другие автор обращается к материалам классического периода средневековой арабской цивилизации, творчеству крупнейшего поэта арабского Средневековья аль-Мутанабби (915–965), призыва к обновлению и свободному восприятию действительности вне ограничивающих рамок отживших идейных норм и традиций.

ПОЭЗИЯ И ВОЙНА

Поэзия Ливана двух последних десятилетий XX века – это поэзия о войне, о разрушении и страданиях. Волны эмиграции и военных конфликтов

не могли не оказать воздействия на творческое сознание авторов и художественные формы их произведений. Разрушение страны отражалось в разрушении единства мировосприятия, фрагментарности сознания и самой структуре текстов их произведений.

Литераторы и критики отмечают, что современная поэзия Ливана воспроизводит реальность гармонии «разрушенных форм» в иллюзорном мире израненной военными действиями страны, на улицах Бейрута, где все человеческие чувства обострены до предела и где «умирают слова» (Сабах Зувейн). Разрушенный мир вызывает и разрушение поэтических форм его описания. Поэзия распадается на неструктурированные фрагменты, которые тщетно пытаются собрать художники, чья жизнь так же неустойчива и распадается на глазах, обращаясь в пространство пустоты (*хала аль-фада*). Так рождается новое определение поэзии – аль-халляль – это письмо вне определенной формы. Отдельные бессвязные строчки поэм отражают растерянность и разорванное сознание авторов.

Разве смогу я быть посреди разрушения или исчезнуть
словно туман в небесах
Так надо вернуться немного назад.

*Сабах Зувейн. Невысказанное
(мин гейр лафза)*

Подобные формы стиха и творческие настроения характерны для ливанской поэзии конца XX века. Не только сами поэты, но и литературные критики признают, что в современной литературе серьезная проблема модернизации поэтического языка решается как соотношение общего и частного, арабского и ливанского (в том числе и ливанского диалекта). Не желая попасть в тупик локальной ограниченности, ливанские поэты решают ее в пользу обновления, модернизации сферы «общего» – арабского литературного языка, поиска его новых изобразительных возможностей. Следует отметить и то, что сегодня как в самом Ливане, так и в странах ливанской diáspory всё более заметное место занимают произведения на французском и английском языках. Эта тенденция показывает нам вовлеченность творческих исканий современных авторов в мировой литературный процесс с его самыми современными достижениями. Одновременно в Ливане и за его пределами активно развивается англо- и франкоязычная поэзия. Ее творческие искания вливаются в общий интенсивный поэтический процесс, находясь одновременно в русле мировых литературных тенденций.

Видение роли и места художника слова в современном мире раскрывала в своем послании,

направленном в адрес Института Гёте в Бейруте в 1974 году, ливанская франкоязычная поэтесса Надия Тувейни (1935–1983):

Ничто так не значимо для писателя и, особенно, для поэта, как возможность диалога со своей публикой. Бытие и воздействие поэтического произведения зависит от искренности и живости этого диалога. Те, кто утверждают, что пишет только для себя самих, лукавят. *Творчество – это деяние, представляющее собой зачастую весьма трогательный призыв к разговору с другим. Творчество – это возможность оставить свое гордое одиночество ради того, чтобы вступить в мир личных контактов с людьми, в этот волшебный мир «мы». Там говорящий не менее важен, чем тот, кто слушает*¹ [Tueini, 1979, с. 7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в рамках задач, поставленных в данном исследовании, мы можем увидеть, как актуальный процесс видоизменения духовных основ и эстетических норм приводит к формированию идеального образа поэта-творца, остро чувствующего, чем живет его народ и его страна. Его воплощают собой многие ливанские художники слова XX – начала XXI века, независимо от того, проживают ли они в самом Ливане или за его пределами, и того, на каком языке написаны их произведения. Отмечается, что ливанские поэты рубежа двух столетий стремятся сочетать классические национальные традиции с новаторскими формами свободного стиха и сюрреалистическими образами, используют античные мифологические мотивы наряду со смелыми лингвистическими экспериментами в рамках традиционного билингвизма. Подобная поэтика фрагментарности и поиска новых форм художественной экспрессии становится для носителей данной культурной традиции возможностью противостоять разрушению страны и социополитическим катаклизмам. Попытка в художественном слове противостоять трагическим судьбам страны роднит представителей ливанской интеллигенции различных конфессий, политических убеждений, творческих методов. Именно поэзия Ливана остается сегодня важнейшим гарантом сохранения исторической памяти и культурного наследия народа, его национального самосознания и самого выживания в современном мире обострения глобальных кризисов и острых конфликтов.

Проведенный анализ образцов ливанской поэзии второй половины XX столетия позволяет не только говорить о глубинной взаимосвязи эстетических

¹Зд. и далее перевод наш. – М. В.

Литературоведение

и идейных основ цивилизаций Запада и Востока, но дает свидетельства поиска актуальных методологий извлечения смыслообразующих образов из общего глубинного комплекса мифологических традиций региона. Процесс эволюции идей и художественных форм арабских поэтов, сочетающих глубинные мифологические пластины, национальные традиции арабской классики, модернистские формы европейского свободного стиха и сюрреалистической образности, приводит к возникновению новых смыслов и образов в современном историческом контексте развития цивилизации.

Именно потому, по мнению многих ливанских критиков и литераторов, имена поэтов-эмигрантов

следует ставить в один ряд с жителями Ливана, стихи, написанные на арабском языке – рядом с французскими или английскими, которые часто остаются на периферии внимания специалистов, а женские имена должны стоять рядом с мужскими. При этом серьезное изучение всей совокупности этой разнообразной поэзии современного Ливана в условиях современных кризисов и конфликтов позволяет выявить это глубинное общее стремление утвердить и защитить национальную самобытную сущность древней и современной ливанской культуры, что дает перспективу дальнейшим исследованиям. Ведь звучащее слово поэта – залог исторического бессмертия его народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Николаева М. В. Гений места. Семантика пространства в литературе Ливана XX в. М.: ИВ РАН, 2014.
2. Сафонов В. В. Новая арабская литература. М.: МГУ, 1996.
3. Чуков Б. В. Стать с веком наравне. М.: ИВ РАН, 1997.
4. Чуков Б. В. С веком наравне. История арабской литературы в Иракском королевстве и Иракской республике. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006.
5. Ghanem Gh. La poésie libanaise d'expression française (traduit de l'arabe J-P& Fattal). Beyrouth: Université Libanaise, 1981.
6. Saint-Prot Ch. La littérature libanaise d'expression française // Lettres et cultures de langue française. № 21. P. 1–105. Paris: Adelf, 1995.
7. Tueini N. Liban. Vingt poèmes pour un amour. Transl. Samuel Haso. Pittsburgh: Byblos Press, 1979.

REFERENCES

1. Nikolaeva, M. V. (2014). Geniy mesta. Semantika prostranstva v literature Livana = The genius of the place. Semantics of space in the Lebanese literature. Moscow: IOS RAS Press. (In Russ.)
2. Safronov, V. V. (1996). Novaya arabskaya literatura = New Arabic Literature. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
3. Chukov, B. V. (1997). Stat's vekom naravne = To become on a par with the age. Moscow: IOS RAS Press. (In Russ.)
4. Chukov, B. V. (2006). Istoria arabskoi literatury v Irakskom korolevstve i Irakskoi respublike = History of Arabic literature in the Kingdom of Irak and in Irak Republic. Moscow: Humanitarian researches academy. (In Russ.)
5. Ghanem, Gh. (1981). La poésie libanaise d'expression française (traduit de l'arabe J-P& Fattal). Beyrouth: Université Libanaise.
6. Saint-Prot, Ch. (1995). La littérature libanaise d'expression française. In Lettres et cultures de langue française, 21, 1–105. Paris: Adelf.
7. Tueini, N. (1979). Liban. Vingt poèmes pour un amour. Transl. Samuel Haso. Pittsburgh: Byblos Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николаева Мария Владимировна

кандидат филологических наук

доцент кафедры восточных языков

Московского государственного лингвистического университета

старший научный сотрудник Отдела литератур народов Азии

Института Востоковедения РАН

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolaeva Maria Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Oriental Languages

Moscow State Linguistic University

Senior Researcher at the Department of Asian literature

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.07.2025
25.08.2025
09.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Литературоведение

Научная статья

УДК 821.531

Поэтика современных южнокорейских хилинг-романов

Е. А. Понкратова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
evgeniyaponkratova@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – проанализировать поэтические особенности современных южнокорейских хилинг-романов как нового литературного феномена, отвечающего потребностям читателя в психологическом и эмоциональном исцелении. В работе рассматриваются романы Хо Тхэён «Фотостудия Таккуда», Ким Еын «Шоколадная лавка чудес» и Ли Сонён «Аптека сердечных дел семьи Ботеро» как репрезентативные образцы жанра. Методологической основой исследования выступает концепция хронотопа М. М. Бахтина, дополняемая элементами нарративного, мотивного и культурно-исторического анализа. В ходе исследования выявлены ключевые особенности поэтики хилинг-романа: значимость пространства (аптеки, фотостудии, кондитерской) как символического места исцеления, линейная, медитативная структура сюжета, построенного на чередовании историй персонажей, а также центральные темы – любви, болезни, света и тьмы, внутренних травм и их преодоления. Показано, что хронотоп в данных произведениях выступает не как фон, а как активный элемент повествования, способствующий созданию уютного, защищенного мира, противопоставленного давлению современного общества.

Ключевые слова: южнокорейская современная литература, хилинг-роман, поэтика жанра, хронотоп, литература исцеления

Для цитирования: Понкратова Е. А. Поэтика современных южнокорейских хилинг-романов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 11 (905), 2025. С. 141–149.

Original article

The Poetics of Modern South Korean Healing Novels

Evgeniya A. Ponkratova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
evgeniyaponkratova@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is to identify and analyze the poetic features of modern South Korean healing novels as a new literary phenomenon that meets the reader's needs for psychological and emotional healing. The paper considers Heo Taeyeon novel «Hakuda studio», Kim Yeun's «Mysterious chocolate shop» and Lee Sunyoung's «Botero family's love pharmacy» as representative examples of the genre. The methodological basis of the research is the concept of M. M. Bakhtin's chronotope, complemented by elements of narrative, motivic, and cultural-historical analysis. The study revealed the key features of the poetics of the healing novel: the importance of space (pharmacy, photo studio, pastry shop) as a symbolic place of healing, the meditative structure of the plot is based on alternating character stories, as well as central themes of love, illness, light and darkness, internal traumas and their overcoming. It is shown that the chronotope in these works does not act as a background, but as an active element of the narrative, contributing to the creation of a cozy, protected world, opposed to the pressure of modern society.

Keywords: South Korean modern literature, healing novel, poetics of genre, chronotope, therapeutic literature

For citation: Ponkratova, E.A.(2025). The poetics of modern South Korean healing novels Vestnik of Moscow State Linguistic University, 11(905), 141–149. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних лет в южнокорейском литературном мире всё более заметное место занимают произведения, известные как хилинг-романы (англ. *healing novel*, кор. 힐링소설) – тексты, оказывающие психологическое и эмоциональное воздействие на читателя. Этот феномен стал откликом на социальные и культурные вызовы современного общества, в котором растет потребность в литературе, способной утешить, поддержать и подарить ощущение внутреннего покоя. Хотя мотивы утешения и душевного исцеления присутствовали и в предыдущих литературных традициях – например, в скандинавской литературе *хюгге* или в японских романах, – именно южнокорейские авторы сумели систематизировать и популяризировать этот жанр, что позволило ему выйти на международную арену.

Актуальность настоящего исследования обусловлена растущим интересом к хилинг-литературе как к новому культурному и литературному феномену, отражающему трансформацию читательских запросов в условиях глобальных кризисов, включая пандемию, социальную изоляцию и эмоциональное выгорание. Современный читатель всё чаще обращается к книгам не только ради развлечения, но и в поиске психологической поддержки, что делает изучение художественных механизмов «исцеляющего» текста особенно значимым.

В последние годы тема хилинг-литературы активно осмысливается в научной среде. Так, Д. В. Мавлеева и Е. А. Похолкова в статье «От литературы травмы к хилинг-романам» анализируют эволюцию южнокорейской прозы от жестких нарративов о социальном давлении и психологических травмах к более мягкой, утешающей литературе, рассматривая хилинг-роман как реакцию на коллективное посттравматическое состояние общества [Мавлеева, Похолкова, 2024]. Весомый вклад в понимание психологической глубины современной корейской литературы вносит М. В. Подбородникова, чья работа «Мотив психологической травмы в современной корейской литературе» раскрывает, как личные и исторические травмы становятся главной темой в художественном сознании авторов 2010–2020-х годов [Подбородникова, 2024]. В свою очередь, Ли Сан Юн в исследовании «Традиционные мотивы в современной литературе Республики Корея (на примере романа Чон Мёнгвана «Кит»)» демонстрирует, как корейские философские и мифологические образы реинтерпретируются в современных текстах, формируя основу для медитативного, целительного повествования [Ли Сан Юн, 2019]. Наконец,

А. А. Гурьева в статье «Литературная традиция в современном контексте: «Персиковый источник» и «Путешествие во сне» в южнокорейской литературе» показывает, как даосские и буддийские мотивы ухода от мира, поиска гармонии и идеального пространства продолжают жить в современных художественных формах, в том числе в хилинг-романах [Гурьева, 2023]. Эти работы подтверждают, что интерес к литературе исцеления и ее культурным корням активно развивается в современной гуманитарной науке, что делает исследование поэтики хилинг-романов особенно своевременным.

В работе впервые проводится комплексный анализ поэтики современных южнокорейских хилинг-романов с акцентом на их хронотопические, тематические и композиционные особенности. В отличие от предшествующих работ, сосредоточенных преимущественно на мотивации читателя или социально-психологическом контексте жанра, данное исследование предлагает системный художественный анализ, в котором хронотоп выступает не как фон, а как активный повествовательный механизм, формирующий эффект исцеления.

Объектом нашего исследования выступает современная южнокорейская художественная литература 2020-х годов, представленная хилинг-романом. Предметом исследования стали поэтические особенности этих произведений: хронотоп, построение сюжета, тематика и проблематика, а также стилистические приемы, способствующие эффекту эмоционального и психологического исцеления.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет концепция хронотопа М. М. Бахтина, позволяющая рассматривать пространство и время как активные элементы художественной структуры [Бахтин, 1975]. Исследование опирается на методологический аппарат, сочетающий в себе элементы культурно-исторического, биографического, нарративного и мотивного методов.

ИСТОКИ ПОНЯТИЯ «ХИЛИНГ» В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОРЕИ

Понятие «хилинг», или «исцеление», появилось в корейском медиапространстве относительно недавно. Сначала в 2007 году активно стала продвигаться идея «благополучной жизни» (*well-being*) как реакция на постоянное давление общества на человека. Затем с 2011 года фокус сместился на хилинг-дискурс. Как отмечает Ли Чура, такие изменения связаны в первую очередь с тем, что люди, вынужденные заниматься постоянным самосовершенствованием, которого на протяжении всей жизни требует от них общество конкуренции, нашли в хилинг-контенте психологическое

Литературоведение

успокоение [Ли Чура, 2023]. Сначала на полках магазинов появились эссе, содержащие в себе советы о том, как полюбить себя, как справиться с давлением общества, как сохранить психологическое здоровье. Причем авторами многих эссе выступали не только психологи и религиозные деятели, но и обычные люди, которые хотели поделиться своим опытом с другими, чтобы помочь пережить тяжелые времена. Например, Пак Сэхи, автор книги «Хочется всех послать, а еще поесть ттокпокки», в предисловии пишет: «Я хотела бы, чтобы при прочтении моей книги кто-то подумал: “О, такое бывало не только у меня!” или “Оказывается, в мире есть и такие люди!”»¹.

Вслед за этим в 2020 году, после начала пандемии, эссе начинают вытеснять хилинг-романы, которые сразу же завоевали популярность среди южнокорейских читателей. Теперь на первый план выходит не внутренний мир определенного человека, а проблемы других людей, помогающие понять не только себя, но и окружающих. Пандемия сыграла важную роль в формировании хилинг-романов, ведь именно в этот период, как отмечают Е.А. Похолкова и Д. В. Мавлеева, люди, вырванные из социальной жизни, оказались наедине со своими травмами и проблемами [Мавлеева, Похолкова, 2024].

Первые строчки бестселлеров занял хилинг-роман «Магазин снов мистера Талергута» Ли Мие, в котором рассказывается о вымышленном мире снов. Через год, в 2021 году, вышел «Магазин шаговой недоступности» Ким Хоёна, описывающий уже реальный мир. В марте 2022 года, спустя год после публикации, книга снискала такую популярность, что в течение четырех недель находилась на первой строчке бестселлеров книжного магазина «Кёбо» [Ли Чура, 2023].

Наше исследование строится на трех романах, изданных в том же году – «Аптека сердечных дел семьи Ботеро» Ли Сонён², «Фотостудия Таккуда» Хо Тхэён³, «Шоколадная лавка чудес» Ким Еын⁴.

Что же представляет собой хилинг-роман и почему находит отклик в сердцах корейцев?

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА

Понятие «хронотоп» (*гр. chronos – время и topos – место*) впервые было систематически разработано в научной литературе русским философом

и литературоведом М. М. Бахтиным. Он заимствовал его из в математического естествознания и перенес в литературоведение «почти как метафору». В его трудах хронотоп рассматривается как единица анализа художественного произведения, отражающая неразрывное единство пространственно-временных координат, в которых разворачивается повествование [Бахтин, 1975]. Бахтин подчеркивал, что хронотоп – это не просто фон действия, а активный компонент художественной структуры. Он формирует мировоззренческую перспективу произведения, определяет характер событийности, влияет на образы героев и способы их взаимодействия. Иными словами, хронотоп определяет не только где и когда, но и как, и почему происходят те или иные события в художественном мире.

В художественном произведении события не происходят в абстрактном времени и пространстве, а имеют конкретную локализацию. Например, дорога, город, остров, граница – все эти места являются не просто фоном, но активными участниками действия, наделенными символической нагрузкой.

Хронотоп организует повествование, задает его ритм, динамику, позволяет автору моделировать мировосприятие героев и читателя. Каждый жанр литературы имеет свой собственный характерный хронотоп. Например, в эпосе преобладает «героический» хронотоп, связанный с масштабными пространствами и мифологизированным временем. В реалистическом романе – хронотоп повседневности, подчеркивающий конкретику быта, ритмы обыденной жизни, взаимодействие частного и общественного. В сказке же действует особый «волшебный» хронотоп, в котором пространство и время подчинены иным законам – чудесным, символическим, внеисторическим [Бахтин, 1975].

Хронотоп выступает важным элементом исследования и современного южнокорейского хилинг-романа, поскольку одна из ключевых особенностей произведений – наличие определенного пространства, вокруг которого строится повествование. Это может быть аптека, книжный магазин, прачечная, фотостудия. Топос крайне важен для хилинг-романа, он объединяет вокруг себя разных персонажей, а также позволяет им и читателю укрыться от давящей реальности. Описание обыденности, даже рутинь, связанной с определенным пространством, еще больше погружает в мир, созданный автором.

Так, например, в романе «Аптека сердечных дел семьи Ботеро» действие разворачивается в небольшой аптеке, которую открывает семья главных героев. Отец – талантливый биохимик придумывает лекарство, эликсир любви, способный заставить человека полюбить. Его жена фармацевт, та, кто

¹Пак Сэхи. Хочется всех послать, а еще поесть ттокпокки / пер. с кор. М. Солдатовой, Ро Чжи Юн. М.: ACT, 2024. С. 1.

²Ли Сонён. Аптека сердечных дел семьи Ботеро / пер. Е. Маликовой, Ф. Королевой. М.: ACT, 2024.

³Хо Тхэён. Фотостудия Таккуда / пер. с кор. Е. А. Понкратовой. М.: ACT, 2024.

⁴Ким Еын. Шоколадная лавка чудес / пер. с кор. Е. А. Понкратовой. М.: ACT, 2024.

выдвигает идею об открытии аптеки. Однако прежде чем приобрести лекарство, покупатели должны проконсультироваться с музыкальным психотерапевтом – дочерью главных героев.

Пространство, где происходят события, будто намекает, что действующие лица и сами читатели будут проходить через процесс исцеления:

Теплая, приятная атмосфера напоминала ту, что когда-то в детстве он чувствовал в домах у друзей. Обстановка было уютной – здесь гармонично сочетались простота старого дома и тишина (*Ли Сонён. Аптека сердечных дел семьи Ботеро*).

Важно, что в этой книге одно пространство помещено в другое – аптека расположена в старой части района, которая вот-вот должна подвергнуться реновации. Возможно, через такую метафору автор показывает, как персонажи меняются – избавляются от старых себя, становятся более счастливыми. Подчеркивая дуальность персонажей, автор даже сравнивает район с вымышленным персонажем аниме, у которого одна часть тела женская, а другая – мужская.

Улица Душевная теперь упиралась в автостраду, которая разделила район на две части и будто бы превратила его в персонажа японской анимации – барона Асюра, тело которого состояло из двух частей, женской и мужской (*Ли Сонён. Аптека сердечных дел семьи Ботеро*).

В «Фотостудии Таккуда» события происходят на острове Чечжудо, одном из самых известных курортов Южной Кореи. Главная героиня Чеби бежит туда из Сеула в попытке переосмыслить свою жизнь. Она надеется, что отдых на острове поможет ей понять, как жить дальше, однако перед самым возвращением домой она теряет деньги и билет на самолет и по воле случая устраивается на работу в небольшую фотостудию под названием «Таккуда». Не только Чеби сбегает из столицы на Чечжудо, ее новый начальник Согён тоже неместный, приехал на остров несколько лет назад. Сюда же с сыном возвращается и Ко Янхи, одна из ныряльщиц, в которую влюблен главный герой.

Так Чечжудо становится местом, где собираются отвергнутые обществом люди. Это не случайно – во времена правления династии Ли (1392–1910), одного из самых продолжительных периодов в истории Кореи, на остров ссылали неугодных государю мятежников, отступников. Часто и сами аристократы отправлялись на Чечжудо, удаляясь от двора и тем самым показывая несогласие с действиями того или иного правителя. Такие

настроения отражались и в литературе, когда поэт удалялся от социума, опасностей реального мира к природе, не обремененный ничем лишним. Здесь просматривается прямое влияние даосизма, который предлагает человеку найти истинное спокойствие и гармонию не через участие в общественной жизни, а через созерцание природы, внутреннюю тишину и единение с Дао. Уход от социума – не обязательно полное отречение от мира, а скорее отказ от ложных ценностей и стремление к внутренней свободе [Васильев, 2001].

И действительно, на протяжении текста всё время подчеркивается, что жизнь на острове проще, чем на материце, в шумном городе. Об этом, например, говорит Ко Янхи:

На материце сложно одной воспитывать ребенка. А здесь за Хёчжэ присматривает мама, к тому же работу ныряльщицы можно считать фрилансом (*Хо Тхэён. Фотостудия Таккуда*).

Остров будто затягивает в себя путешественников, заставляя забыть обо всем, что тревожит. Когда главная героиня приезжает туда, она полна надежд подготовиться к взрослой, самостоятельной жизни – отдых на Чечжудо поможет ей сбраться с мыслями, найти силы для поиска работы. Однако всё вокруг настолько красиво, что Чеби просто забывает о своих планах. Вместо чтения книг в библиотеке она любуется прекрасными пейзажами за окном и, когда путешествие подходит к концу, вдруг осознает:

Чеби бросило в холодный пот – она вдруг поняла, что за последний месяц ничего не изменилось. Девушка не готовилась ни к экзамену по английскому, ни к собеседованиям, не прошла хоть какие-нибудь курсы переподготовки... Никто не возьмет на работу только потому, что она провела прекрасное время на Чечжудо (*Хо Тхэён. Фотостудия Таккуда*).

В романе «Шоколадная лавка чудес» пространство, где разворачивается действие, – это уютная маленькая кондитерская, притаившаяся в одном из узких переулков Сеула. Она сразу располагает к себе:

Внешний вид лавки, расположенной в традиционном доме ханок, сильно отличается от внутреннего убранства – широкое пространство, где можно даже вальсировать, украшено антиквариатом, напоминающим товары на развалих Гонконга (*Ким Еын. Шоколадная лавка чудес*).

Главная героиня, хозяйка лавки, вспоминает, как искала место для своей лавки. Она не знала,

Литературоведение

где лучше открыть ее – в спальном районе или совсем рядом со станцией метро. Обуреваемая тысячами вопросов, она шла по улице, пока вдруг не наткнулась на переулок в самом сердце Сеула.

Я увидела узкий переулок, в воздухе которого перемешалось огромное количество ароматов, исходивших от магазинчиков, ресторанчиков, жилых домов. Меня что-то держало там, я просто была не в силах уйти, продолжала бродить туда-сюда. Поэтому мне и понравилось это место. Хотелось, чтобы запах шоколада ощущался именно в самом начале переулка: так людичувствуют капельку счастья, еще не пробуя мои десерты (Ким Еын. Шоколадная лавка чудес).

Здесь снова одно пространство заключено в другое – узкий переулочек, где находится лавка, будто бы затерялся среди шумных улиц мегаполиса.

Течение времени в романах также заслуживает внимания, поскольку, как писал М. М. Бахтин, в художественном мире происходит «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом... Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин, 1975, с. 234].

Во всех трех романах повествование разворачивается в настоящем времени, но появляются эпизоды из прошлого, позволяющие более полно раскрыть истории героев.

Так, в «Аптеке сердечных дел» в отдельных главах, посвященных определенным героям, упор делается на прошлое, описывается путь героя с детства до настоящего момента. Благодаря этому, например, становится понятно, как биохимик и фармацевт оказались вместе, почему у них с дочерью такие напряженные отношения. Необходимо отметить, что повествование идет логично, без резких прыжков в прошлое.

А вот в «Фотостудии Таккуда» иногда эпизод в настоящем вдруг прерывается сценой из прошлого. Например, когда главная героиня Чеби, пытаясь научиться плавать, вдруг начинает тонуть, то одновременно с этим вспоминает болезненный эпизод из прошлого:

Перед глазами Чеби мелькала то спокойная линия горизонта, то морское дно. Ей стало страшно, она защмурила глаза.

Несколько лет назад, в этот же день, было по-летнему жарко. Она разбудила малыша и накормила смесью. Затем надела на него самую нарядную одежду, они сели в такси и поехали в дом малютки (Хо Тхэён. Фотостудия Таккуда).

Необходимо отметить, что в оригинальном тексте этот переход никак не выделен графически, в русском варианте после консультации с редактором мы решили отделить события настоящего от событий прошлого абзацем.

В «Шоколадной лавке чудес» эпизоды из прошлого тоже вплетены в события настоящего. Например, во время одной из консультаций главная героиня вспоминает свою неудачную историю любви. Причем в оригинале флэшбек в прошлое начинается с фразы подруги, выделенной курсивом.

ПОСТРОЕНИЕ СЮЖЕТА

Сюжет хилинг-романов строится вокруг историй владельцев и посетителей, каждая глава посвящена новой истории – персонажи приходят, чтобы получить услугу – что-то приобрести, сделать фотографию, отдать вещи в стирку, и в то же время чтобы поделиться своими тайнами, болью, печалью, а взамен получить утешение. Часто читатель даже не знает, какой конец будет у той или иной истории, сможет ли человек решить свои проблемы или нет. Важнее, чтобы персонаж получил поддержку – эмоциональную и психологическую, его поняли и показали, что он не одинок в своей боли.

Повествование в этих романах плавное, без резких поворотов сюжета. Часто в качестве главной сюжетной линии выступает история главных героев – владельцев магазина, лавки, фотостудии. Они открываются через разговоры с посетителями, которые делятся своей печалью. Таким образом, мы видим людей, находящих «утешение друг в друге и после исцеления готовых снова вернуться в социум» [Мавлеева, Похолкова, 2024, с. 144].

В «Шоколадной лавке чудес» каждая отдельная глава передает новую историю любви, которой делятся с хозяйкой кондитерской покупатели. Правда, в дальнейшем мы узнаем об исходе лишь некоторых из них. Многие из героев появляются в рамках главы и в дальнейшем больше не участвуют в сюжете. Хочется отметить, что такое построение, на наш взгляд, мешает развитию главного персонажа, мы узнаем крайне мало деталей из ее жизни, все они связаны с любовными страданиями. Самому персонажу также не хватает глубины – черты характера практически не прописаны, глубокие переживания связаны лишь с отношениями.

Совсем иное мы видим в «Аптеке сердечных дел семьи Ботеро». Каждая глава полностью посвящена отдельному герою, который в дальнейшем будет связан с другими действующими лицами. Автор описывает детство, отдельно уделяя

внимание психологически сложным моментам: например, в главе от лица Эчхун показана личная трагедия – в раннем возрасте она теряет сначала отца, затем старшего брата. Именно эти травмы формируют ее как личность.

Брат, который был старше ее на десять лет, закрывал ей глаза рукой, пока сотрудник похоронного бюро омывал и одевал тело усопшего. В просветы между пальцами было плохо видно происходящее, поэтому Эчхун дорисовывала в воображении длинные воздушные шарики на месте папиных ног. А после эти шары превратились в преследующих ее чудовищ... В очередной раз проснувшись посреди ночи в холодном поту, Эчхун решила: что бы ни случилось, она будет смотреть любой проблеме прямо в лицо (*Ли Сонён. Аптека сердечных дел семьи Ботеро*).

Затем автор подробно описывает становление персонажа: что он пережил до настоящего момента, какие события повлияли на него и заставили чувствовать себя несчастным или неполноценным. В отличие от «Шоколадной лавки...» здесь герои не выглядят картонными, они живые люди со своими страхами, комплексами и недостатками.

В «Фотостудии...» на первый план выходит история главной героини Чеби, которая плавно переплетается с историей главного мужского персонажа, владельца фотостудии. Да, в романе каждой главы мы снова наблюдаем разных посетителей, однако их истории влияют на главных персонажей и на последующее развитие событий. Некоторые герои оказываются «призраками из прошлого», так, в фотостудию приезжают студенты, среди которых Чеби узнает своего бывшего молодого человека. Именно эта встреча помогает пролить свет на прошлое девушки и на травму, которую она прячет глубоко в себе.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕМЫ, ЗАТРАГИВАЮЩИЕСЯ В ХИЛИНГ-ЛИТЕРАТУРЕ

В хилинг-романах очень часто присутствует тема болезни – психологических проблем, физического несовершенства. Так, в «Аптеке...» мы знакомимся с девушкой-подростком Ханой, страдающей от биполярного расстройства и афазии, вызванных стрессом вследствие смерти близкого друга, в которой героиня винит себя. В конце концов она находит в себе силы жить дальше и достигает исцеления благодаря помощи психотерапевта, поддержки родителей и прощения отца погибшего друга.

В «Фотостудии...» среди посетителей оказывается девочка Ёна, страдающая анофтальмией, – в период вынашивания у нее не сформировались глазные яблоки. Автор показывает, как родители

шаг за шагом готовят ее к жизни в реальном мире, учат полагаться на другие органы чувств, знания и ум, доверяться другим людям.

В «Шоколадной лавке...» пожилой мужчина делится историей любви – рассказывает про свою супругу, в дальнейшем оказывается, что она больна деменцией. Он понимает – исцеление невозможно, и его единственная мечта

прожить хотя бы на минуту дольше нее, чтобы до последнего заботится о ней (*Ким Еын. Шоколадная лавка чудес*).

Тема болезни крайне важна, ведь вместе с героями исцеление ищут не только читатели, но и сами авторы. Ким Еын отмечает в предисловии к книге:

Я слышала, что в XVII веке, когда бушевала чума, один ученый, вынужденный находиться дома, сделал важное открытие. На этот раз я оказалась в похожей ситуации – мир захватила пандемия коронавируса. Именно в это время я начала писать, закончила и издала эту книгу. Обычно моя самооценка ниже плинтуса, даже ниже подвальных помещений, лежит, словно желтый линолеум, но вот когда речь идет о писательстве – взлетает вверх к небесам и будто бы становится вентилятором под потолком (*Ким Еын. Шоколадная лавка чудес*).

Еще одна тема, которая, на наш взгляд, является центральной в «Аптеке...» и «Шоколадной лавке...», это – тема любви. В оригинале первый роман называется «보태로 가족의 사랑 약국» (ботхеро качжогэ саран яккук), что буквально можно передать как «Аптека любви семьи Ботеро». Во втором романе кондитерская, где разворачиваются события романа, носит название «Sarang de Chocolate» – снова перед нами корейское слово 사랑 (саран), которое переводится как «любовь».

В «Аптеке...» автор пытается осмыслить разные проявления любви – к родителям, детям, супругам и друзьям. В послесловии Ли Сонён пишет о том, что на написание этой книги ее натолкнула история студента:

Я написала «Аптеку сердечных дел», вдохновившись ее историей. В каждом из нас есть темная и светлая сторона, и я надеюсь, что в жизни, наполненной светом и тьмой, ориентиром этому молодому человеку будет служить любовь. Любовь – это работа. Точно такая же, как и писательство (*Ли Сонён. Аптека сердечных дел семьи Ботеро*).

В «Шоколадной лавке...» на первый план выходит неразделенная любовь. Ким Еын пытается

Литературоведение

поддержать читателей и показать, что безответная любовь ничем не отличается от обычной. Нет ничего постыдного в том, чтобы любить кого-то, даже если человек не отвечает на ваши чувства. Главная героиня объясняет одной из посетительниц:

...когда мы говорим о любви в целом, редко упоминаем безответную любовь. А ведь первые или неразделенные чувства человек проживает в одиночестве. Мне хотелось, чтобы такие люди не ощущали себя покинутыми, хотелось выслушать их и поддержать. Чтобы они скинули с плеч этот жизненный груз (Ким Еын. Шоколадная лавка чудес).

Как отмечают Д. В. Мавлеева и Е. А. Похолкова, тема света и тьмы – еще одна общая черта многих хилинг-романов. Часто герои стоят на темной улице и рассматривают пространство, вокруг которого разворачивается действие. Из его окон всегда льется мягкий и теплый свет [Мавлеева, Похолкова, 2024].

Когда Хана наконец успокоилась, на переулок уже опустились сумерки. Она попрощалась и вышла из аптеки. Свет, льющийся из окон старых домов, разгонял темноту (Ли Сонён. Аптека сердечных дел семьи Ботеро).

Внутренний мир персонажей тоже наполнен светом и тьмой. Чаще всего герои романов – это простые люди со своими травмами и переживаниями. Их можно назвать неидеальными, совершающими ошибки. Эту мысль хорошо подтверждает цитата из «Аптеки сердечных дел семьи Ботеро»:

– По-моему, в каждом из нас есть светлая и темная сторона, – внезапно заговорила психотерапевт сама с собой, глядя в окно (Ли Сонён. Аптека сердечных дел семьи Ботеро).

Ее мысль подтверждает пейзаж за окном, который будто бы говорит, что без темноты не бывает и света. На темном фоне всегда лучше проявляются яркие цвета.

Сандо не понял, к чему она это сказала. Он проследил за ее взглядом и увидел, что на улице уже вечерело. Растекшийся по небу багряный закат окрашивал теплыми красками мрачный зимний пейзаж (Ли Сонён. Аптека сердечных дел семьи Ботеро).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хилинг-романы обладают рядом отличительных черт: события строятся вокруг определенного пространства, истории героев становятся исцелением как для читателей, так и для авторов, рядом с темой исцеления всегда присутствует тема болезни. Каждая отдельная глава – история новых героев, такое построение напоминает своего рода медитацию, повторение похожей структуры, что также способствует главной задаче таких произведений – «психологическому исцелению».

Важно отметить, что данный жанр, развившись в Корее, вышел на мировую арену. Западные авторы, в том числе и российские, вдохновившись идеей, стали создавать свои аналоги «исцеляющих мест», достаточно часто вплетая в сюжет знакомые мотивы из европейской литературы. Так, например, поступил Питер Боланд, чей роман «Детективное агентство „Благотворительный магазин“» удивительным образом сочетает в себе уют посиделок и разговоров за чаем с атмосферой типичного британского детектива.

На книжных полках с каждым днем появляется всё больше «магазинчиков»: «Книжный домик в Тоскане» Альбы Донати, «Книжный в сердце Парижа» и «Магазинчик бесценных вещей» Лоренцы Джентиле и др. В России недавно была издана похожая книга – «Фургончик с мороженым доставляет мечту» писательницы Анны Фурман, в которой главная героиня, бессмертная ведьма, пытается понять, как быть, если в ее жизни давно уже нет стремлений и надежд. Еще один пример – романы отечественного автора Павла Волчика «Бюро сновидений» и «Бюро сновидений. Вприпрыжку по мирам». И это лишь несколько примеров.

Неудивительно, что мировая литература так активно подхватила корейский тренд. Пандемия коронавируса нанесла серьезный удар не только по физическому здоровью, но и по ментальному – люди ощутили потребность в уютной исцеляющей литературе, в медленном чтении, в жизнеутверждающих историях, где в каждом из персонажей читатель может найти себя.

Представленный анализ открывает возможности для изучения хилинг-романа и в других современных направлениях. Интерес представляет межкультурный аспект жанра: как корейская модель «литературы исцеления» транслируется и адаптируется в иных культурных контекстах – европейском, российском, японском, североамериканском. Сохраняются ли ключевые поэтические черты хилинг-романа – символическое пространство, медитативная структура, тематика травмы и восстановления – или они переосмысливаются

под влиянием местных литературных традиций и культурных установок?

На наш взгляд, хилинг-роман – это не просто временной литературный тренд, а значимый культурный феномен, отражающий трансформацию запросов к литературе в условиях

постпандемического мира. Его поэтика, основанная на хронотопе защищенного пространства, медитативной структуре повествования и теме внутреннего исцеления, раскрывает новые грани литературы как инструмента эмоциональной устойчивости, заботы и гуманного взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мавлеева Д. В., Похолкова Е. А. От литературы травмы к хилинг-романам // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11(892). С. 141–146.
2. Подбородникова М. В. Мотив психологической травмы в современной корейской литературе // Республика Корея: история и современность: материалы Сибирской региональной студенческой научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2024. С. 83–86.
3. Ли Сан Юн. Традиционные мотивы в современной литературе РК (на примере романа Чхон Мёнгвана «Кит») // Корейский полуостров в поисках мира и процветания. Т. 2. М.: Институт Дальнего Востока Российской Академии наук, 2019. С. 157–167.
4. Гурьева А. А. Литературная традиция в современном контексте: «Персиковый источник» и «Путешествие во сне» в южнокорейской литературе // Проблемы литературы Дальнего Востока: труды X Международной науч. конф. СПб.: СПбГУ, 2023. С. 468–483.
5. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
6. 이주라. 2020년대 베스트셀러에 나타난 힐링 콘텐츠의 현황과 힐링 소설의 특징. 대중서사연구 제30권 2호. 2023. P. 69–102 = Ли Чура. Особенности хилинг-литературы и популярные произведения этого направления в 2020-х гг. Исследования массового нарратива. 2023. № 30(2). С. 69–102.
7. 이행선. 불편한 말걸기와 편의점 공감의 회복과 확산 – 김호연 «불편한편의점» (2021). 인문과학 제127집. 2023. P. 41-75. = Ли Хэнсон. Неудобные разговоры и круглосуточные магазины: распространение эмпатии и утешения – Ким Хоён «Магазин шаговой недоступности» (2021). Гуманитарные науки. 2023. Вып. 127. С. 41–75.
8. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. М.: Восточная литература, 2001.

REFERENCES

1. Maleeva, D. V., Pokholkova, E. A. (2024). From trauma literature to healing novels. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(892), 141–146. (In Russ.)
2. Podborodnikova, M. V. (2024). The motif of psychological trauma in modern Korean literature. In Korea Republic: History and Modernity (pp. 83–86): proceedings of the Siberian Regional Student Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House. (In Russ.)
3. Lee, S. Y. (2019). Traditional motifs in contemporary literature of the Republic of Korea (on the example of Ch'ón Myöngwan's novel The Whale). In Korean Peninsula in Search of Peace and Prosperity (vol. 2, pp. 157–167). Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS). (In Russ.)
4. Guryeva, A. A. (2023). Literary tradition in a contemporary context: “Peach Blossom Spring” and “Dream Journey” in South Korean literature. In Problems of Far Eastern Literatures (pp. 468–483): proceedings of the 10th International Scientific Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. (In Russ.)
5. Bakhtin, M. M. (1975). The forms of time and chronotope in the novel. In Questions of Literature and Aesthetics (pp. 234–407). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.)
6. 이주라. 2020년대 베스트셀러에 나타난 힐링 콘텐츠의 현황과 힐링 소설의 특징. 대중서사연구 제30권 2호. 2023. P. 69–102. = Lee Chura. (2023). Features of healing literature and popular works of this genre in 2020's, Researches on Popular Narrative, 30(2), 69–102.
7. 이행선. 불편한 말걸기와 편의점 공감의 회복과 확산 – 김호연 «불편한편의점» (2021). 인문과학 제127집. 2023. P. 41–75 = Lee Haengseon. (2023). Uncomfortable Talking and Convenience Store, the Recovery and Spread of Empathy – Kim Hoyeon, Inconvenient Convenience Store (2021). *Humanities*, 127, 41–75.
8. Vasiliev, L. S. (2001). Cults, religions, and traditions in China (2nd ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura. (In Russ.)

Литературоведение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Понкратова Евгения Андреевна

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
Московского государственного лингвистического университета
преподаватель кафедры восточных языков
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ponkratova Evgeniya Andreevna

PhD Student at the Department of Russian and Foreign Literature
Moscow State Linguistic University
Lecturer at the Department of Oriental Languages
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.07.2025
25.08.2025
09.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Метаметафора как фрактал Мироздания

О. А. Лавренова

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
olgalavr@mail.ru*

Аннотация.

Метаметафора – понятие, развиваемое философом К. А. Кедровым (1942–2025) как одно из концептуальных основ многомерного Мироздания. Цель исследования – осмысление данного концепта в контексте теории метафоры и в историко-философской перспективе. В статье используется семиотический и сравнительно-исторический методы, а также метод интерпретирующего анализа. В качестве материала использованы стихи, манифести и статьи К. А. Кедрова разных лет. Результаты исследования показывают, что метаметафора – это не только философский конструкт, но и глубокое эмоционально-духовное переживание автора, выраженное им в стихах и прозе. С одной стороны, этот конструкт продолжает раскрывать новые возможности структуралистской и постструктураллистской теории метафоры, с другой – выводит метафору на новый онтологический уровень: из сферы языка и культуры – в законы бытия Земли и Вселенной. Поэтическая вольность позволяет философу быть творцом образов метаметафоры, философская стройность мысли помогает поэту концептуализировать принципы ее предсуществования, бытия и рефлексии.

Ключевые слова: метафора, метаметафора, К. А. Кедров, философия космизма, антропocosмизм

Для цитирования: Лавренова О. А. Метаметафора как фрактал Мироздания. Памяти философа и поэта К. А. Кедрова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 150–157.

Original article

Metametaphor as a Fractal of the Universe

Olga A. Lavrenova

*Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
olgalavr@mail.ru*

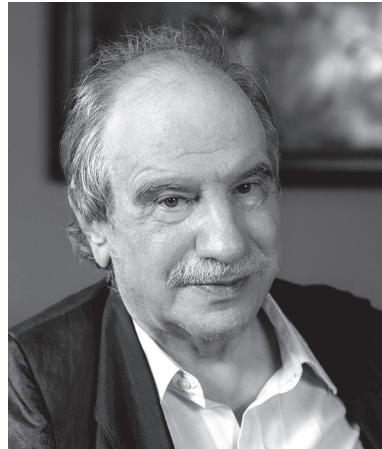
Abstract.

Metametaphora is the concept developed by the philosopher K. A. Kedrov (1942–2025) as one of the conceptual foundations of the multidimensional Universe. The purpose of the research is to understand this concept in the context of the theory of metaphor and in a historical and philosophical perspective. The article uses semiotic, comparative historical methods, as well as the method of interpretive analysis. Poems, manifestos and articles by K. A. Kedrov from different years were used as the material. The results of the study show, that metametaphor is not only a philosophical construct, but also a deep emotional and spiritual experience of the author, expressed by him in poetry and prose. On the one hand, this construct continues to reveal new possibilities of the structuralist and post-structuralist theory of metaphor, and on the other hand, it takes metaphor to a new ontological level: from the sphere of language and culture to the laws of existence of the Earth and the universe. Poetic license allows the philosopher to be the creator of metaphor images, philosophical harmony of thought helps the poet to conceptualize the principles of its pre-existence, being and reflection.

Keywords: metaphor, metametaphora, K. A. Kedrov, cosmism, anthropocosmism

For citation: Lavrenova, O. A. (2025). Metametaphor as a fractal of the Universe. In memory of the philosopher and poet K. A. Kedrov. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(901), 150–157. (In Russ.)

Памяти философа и поэта К.А. Кедрова

*Небо – это глубина взгляда.
Взгляд – это глубина неба.
Человек – это изнанка неба.
Небо – это изнанка человека...*
К.А. Кедров

ВВЕДЕНИЕ

В апреле 2025 года покинул этот мир поэт, философ и замечательный человек Константин Александрович Кедров (1942–2025). Его вклад в отечественную литературу трудно переоценить, но главное – из его поэтического творчества выкристаллизовалось новое философское понимание мира через метаметафору – «метафору в квадрате и метафору метафизическую». Префикс *мета-* (гр. μετά – между, после, через) в современных сложных образованиях по типу «метафизики» обычно означает *над* и *за* пределами изначального понятия.

Понятие метаметафоры, разработанное К.А. Кедровым, занимает особое место в современной философской мысли. Оно отражает стремление выйти за пределы традиционного понимания метафоры как двучленного тропа и представить ее как динамическую модель миропостижения, вбирающую в себя не только художественные, но и философские, научные, культурологические смыслы. В условиях возрастающего интереса к междисциплинарным подходам в гуманитарных науках исследование метаметафоры приобретает особую актуальность: она позволяет описать процессы трансформации художественного языка и мышления в контексте взаимодействия искусства, науки и философии.

Актуальность исследования заключается в том, что концепт метаметафоры остается относительно мало осмысленным в академической науке, хотя Кедров неоднократно обращался к его теоретическому обоснованию. При этом в литературо-ведических и философских исследованиях XX века наблюдался серьезный интерес к расширенным формам метафорического мышления – например, в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона о концептуальной метафоре, в философии языка П. Рикёра, в теориях постмодернистского дискурса Ж. Деррида.

Рассмотрение метаметафоры в контексте этих теорий выявляет как ее родственные черты, так и уникальные особенности, что и обосновывает новизну работы: впервые предпринимается систематический анализ метаметафоры Кедрова в сопоставлении с современными теориями метафоры и метаязыка. Собственно работ, посвященных философии метаметафоры как уникального феномена литературно-философского мышления К. А. Кедрова очень мало, и все они затрагивают в основном именно литературный аспект, поэтому данная статья базируется на источниках, посвященных теории метафоры как гносеологического инструмента.

Основные задачи данного исследования:

- 1) выявить истоки и место концепции метаметафоры в теории метафоры с помощью сравнительно-типологического метода;
- 2) проанализировать ключевые тексты Кедрова, в которых формируется и развивается теория метаметафоры с помощью текстуального и герменевтического анализа и элементов дискурс-анализа;
- 3) показать место метаметафоры в современном культурном контексте, с помощью культурологического анализа и системного подхода.

Теоретическая база исследования опирается на работы самого Константина Кедрова («Поэтическое познание. Метакод. Метаметафора», 2004), исследования о природе метафоры (Рикёр, 1990; Lakoff, Johnson 1980; Кассирер, 1990 и др.), а также труды по когнитивной поэтике и литературной философии (Лотман, 1996). Такой междисциплинарный подход позволяет рассматривать метаметафору не только как художественный прием, но и как универсальную модель миропонимания.

Нами были проанализированы основные поэтические труды и манифести К. А. Кедрова – «Поэтический космос» (1989), «Инсайдайт» (2001), «Энциклопедия метаметафоры» (2000), «Параллельные миры» (2001).

Концепция К. А. Кедрова, укорененная в поэтическом творчестве, дала новое дыхание философии русского космизма, утверждая единосущность человека и Мироздания: «...то, что приходит свыше и соединяет поэта с небом в двуединое тело. Не человек и Космос, а космосо человек». ¹

В метаметафоре образы не столько сопоставляются, сколько отражают рефлексию многомерных связей микро- и макрокосма. Во встречном движении смыслов соединяется материальное и духовное, рациональное и иррациональное, преодолеваются границы между субъектом и объектом.

Эта концепция генетически восходит к понятию метафоры, с одной стороны, с другой – к когнитивной теории метафоры и довольно прозрачным отсылкам к пространству, как источнику метафорической проекции, с третьей – обращает метафорическую проекцию вспять и утверждает метафору как один из основных законов бытия Мироздания и человека в их сущностном единстве.

ПОЧЕМУ МЕТАФОРА И МЕТАМЕТАФОРА?

Почему понятие метаметафоры, укорененное, собственно, в теории метафоры, стало центральным в философии К. А. Кедрова, которую, по сути, можно отнести к русскому космизму? Прежде всего метафоричность языка, умение создавать яркие и правильные (не случайные, а напряженные и порождающие новые смыслы) метафоры – одна из неотъемлемых черт современной высокой поэзии. Без этих напряженных ядер образо- и смыслообразования поэзия превращается в рифмованную прозу. И даже сам А. С. Пушкин обозначил «Евгения Онегина» как «роман в стихах», хотя для его времени «повествовательность» поэзии была еще языковой нормой.

Отметим, что термин «метаметафора» поэт и философ ввел в 1983 году, хотя использовал ее в своих поэтических текстах задолго до этого. Это было советское и позднесоветское время, когда творческих и интеллектуальных контактов с Западом не было. Но при этом именно в 1960–1980-е годы на Западе происходит процесс становления когнитивной теории метафоры, а в 1980 году выходит знаковая книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson, 1980]. До них о когнитивном потенциале

метафоры писал испанский философ Х. Орtega-и-Гассет (1883–1955), говоря о том, что она обеспечивает доступ к тому, что смутно виднеется на дальних рубежах интеллектуального познания, дает возможность описать объекты высокой степени абстракции [Теория метафоры, 1990].

Мысль русского философа и поэта шла примерно параллельно с идеями известных структуралистов и постструктураллистов, и при всех смысловых консонансах формировалась новую парадигму.

Изначально метафора (*гр. metaphor* – перенос) как феномен языка и культуры уходит корнями в античную древность и дальше – поскольку, если заглянуть, например, в ведические тексты, то можно увидеть использование метафор для самых сокровенных духовных понятий. К примеру, «океан огня» – для беспредельного изначально-го непроявленного пространства. Это показывает, что метафора издревле являлась средством выражения для невыразимого – через сопоставление с доступными для восприятия образами. Наиболее фундаментально ее теорию начали разрабатывать античные философы, и считается, что она восходит к Аристотелю, который определял метафору как риторический прием, опирающийся на принцип аналогии. По его мнению, основная задача этого приема – оказание максимального эмоционального воздействия на слушателя или читателя. Но надо отметить, что даже в этом, казалось бы, утилитарном определении заложен глубокий смысл – сопоставление образов порождает как минимум эмоциональный всплеск, а значит – воздействует на более глубокие слои сознания, чем интеллект [Аристотель, 2018].

Итальянский философ Джанбатиста Вико (1668–1744) также говорил об эмоциональном воздействии метафоры, полагая, что перенос с живого на неживое как бы оживляет косную природу, наполняя ее страстью, и делая основой героического языка [Антипова, 2020]. Фр. Ницше (1844–1900) был одним из первых, кто выдвинул тезис об эстетической и метафорической природе познания.

Позднее теория метафоры развивалась в сторону понимания процессов смыслообразования и когнитивных процессов. В современной семиотике культуры понимание метафоры имеет три ипостаси – как знак, как образ и как когнитивная / концептуальная модель.

Образную и смысловую суть метафоры подчеркивал один из основателей современной семиотики Чарльз Пирс (1839–1914), относя ее к иконическим знакам из-за ее образности. В рамках его триадической модели знака (знак – объект – интерпретант) метафора не просто замещает объект, но представляет его через образное

¹Кедров К. А. Авангард XX века. URL: <https://proza.ru/2016/05/15/979?ysclid=mhnvgj0wco424133879> (дата обращения: 10.04.2025).

Культурология

подобие, тем самым порождая многочисленные интерпретации [Пирс, 2000].

Роман Якобсон (1896–1982) отмечал важность не только аналогии, но и смыслового контраста, и показывал роль метафор в процессе концептуализации и семиозиса, что чрезвычайно важно для бытия и постоянного обновления культуры. Смысловое напряжение внутри метафоры, сопоставление, казалось бы, несходных вещей и явлений – это путь к расширению понимания их скрытых свойств и генерация их новых смыслов. Это путь поэтического творчества [Теория метафоры, 1990].

Важным этапом в становлении теории метафоры была гипотеза Эрнста Кассирера (1874–1945) о единосущности генезиса языка и мифа, укорененных в процессе метафорического мышления. Перенос значения в процессе создания метафор сходен с процессом магического овладения вещью, ее освящения, сакрализации [Теория метафоры, 1990]. Намного позднее постструктуралист Ролан Барт (1915–1980) интерпретировал метафору как инструмент мифологизации [Барт, 1989]. А Ортега-и-Гассет дополнял эту идею мыслью о том, что метафора отчасти укоренена в духе табу (когда запретное нельзя произносить прямо) и служит не только постижению реальности, но и сокрытию некоторых ее аспектов [Ортега-и-Гассет, 1991].

Постулируемая связь метафоры и мифа открывает доступ к ретроспективе и пониманию архетического мышления, где называние – магический ритуал овладевания, а открывает перспективы нового творчества – поэтическому космизму К. А. Кедрова, где сопоставление в поэтических строках макро- и микрокосма символизирует их единосущность. С другой стороны, сложность поэтических метафор выполняет роль своеобразных «покровов Изиды», дающих доступ к тайне смыслов только тому, кто готов.

Еще одно функциональное свойство метафоры в культуре – способность заново переписывать реальность – подметил один из ведущих представителей герменевтики Поль Рикёр (1913–2005). Значение метафорического выражения получается больше, чем составляющие его слова и образы, оно коренится в смысловой напряженности сопоставления этих образов [Теория метафоры, 1990].

Метафора как культурный код, программирующий семиозис и культурогенезис в пределах одной семиосферы, появляется в трудах Юрия Лотмана (1922–1993). Именно через метафору становится возможным перекодировка систем семиосферы во времена культурных «взрывов». Лотман рассматривал тексты как культурные коды и использовал префикс мета- в значении «о», и когда говорил о метатекстах, то имел в виду тексты о текстах и

тексты-коды [Лотман, 1996]. Собственно использование метафоры взрыва в описании теории культурных трансформаций показывает продуктивность таких приемов в построении научных исследований. Этот прием использовал также Жак Деррида (1930–2004) в своих философских работах.

К. А. Кедров, вслед за Ю. Лотманом, рассматривает метаметафору как метакод Мироздания, т. е. возводит этот же принцип в квадрат и переводит его на новый онтологический уровень.

Умберто Эко (1932–2014) подчеркивал нестабильность метафоры, ее зависимость от культурного контекста, причем не только на этапе создания, но и на этапе прочтения и использования [Эко, 1986]. Клод Леви-Стросс (1908–2009) говорил о ней как об изначальной форме восприятия глобальной значащей структуры, и о ее роли в формировании мифа и коллективного сознания [Леви-Стросс, 1999].

Конец XX века ознаменовался расцветом когнитивной теории метафоры. Современные исследователи продолжают расширять ее границы, рассматривая метафору как базовый механизм мышления. Ее основателями были уже упомянутые Лакофф и Джонсон, а также Эрл Маккормак. Последний писал, что существуют семантический и когнитивный уровни глубинных структур разума, при этом в основе семантического процесса лежит когнитивный, и метафора может быть отнесена к последнему, при этом она укоренена в культуре и языке от этапа генезиса до интерпретаций [MacCormac, 1985]. Сами же Лакофф и Джонсон предложили простую схему метафорической проекции, когда объект или явление «цель» структурируется по принципу «источника», с которого и осуществляется перенос. Факонье и Тернер эту схему дополнили в своей теории блэндинга (концептуальное смешивание), где описывали интеграцию разнородных доменов в новое смысловое пространство. Они утверждали, что прямого проектирования области-источника на область-цель не существует, поскольку в процессе генезиса метафоры рождается некое интегральное пространство, которое «переплавляет» свойства каждого из базовых пространств [Fauconnier, Turner, 2003].

Как мы видим, эволюция понятия метафоры отражает мощные сдвиги в понимании процесса создания смысла: от статичных моделей к динамическим моделям интерпретации и культурного взаимодействия. Метафора обладает коммуникативной функцией, связывая смыслы когнитивной функцией, помогая понять непонятное, и культурной функцией, предоставляя возможность множества интерпретаций в культуре.

И над этим всем великолепием теоретической мысли в основном XX века вдруг оказывается неучтенная концепция метаметафоры К. А. Кедрова, которая, с одной стороны, явно перекликается, по сути, с базовыми теориями, описывающими роль метафоры в процессе познания и в культуре, с другой – довольно сильно отстоит от них в смелости утверждать, что весь мир, а не только культура, имеет метафорическую природу и кодируется метаметафорой. Она коммуникативна в том смысле, что связывает человека с Мирозданием, когнитивна – помогает его понять, назвать, присвоить. Структура метаметафоры может быть горизонтальной – как глубинная связь между объектами (как в классической метафоре), но в основном – она «вертикальна» – она выводит в метафизическое измерение, где образы отражают универсальные законы бытия. Но при этом в структуре Мироздания «точкой сборки» оказывается наблюдатель: «Письменность метакода – это звездное небо, читаемое лишь при соединении с глазом, сердцем и мозгом. Без наблюдателя звездного неба не существует даже в виде кишащего звездами хаоса»¹.

НАБЛЮДАТЕЛЬ МИРОЗДАНИЯ

Переживание

К. А. Кедров вспоминал потрясение, которое он испытал, познакомившись с гностическим апокрифом «Евангелие от Фомы», принадлежащим к корпусу текстов, найденных в Наг-Хаммади. «Евангелие от Фомы» «является собранием изречений Иисуса, которые он тайно говорил своим ученикам. Хотя часть речений известна нам из канонических евангелий, дальше этого родство не простирается» [Хосроев, 1991, с. 27].

Иисус сказал им: Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной, когда вы сделаете глаза вместо глаза, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, образ вместо образа, – тогда вы войдете в [царствие]¹² (Ев. от Фомы: 27).

Кедров свидетельствовал: «Когда я это прочел в 1970-х годах, то был потрясен, потому что в 1960-м году я написал такие слова: “Я вышел

к себе через-навстречу-от и ушел под, воздвигая над”. То есть я ощутил это пространство, о котором идет речь в “Евангелии от Фомы”» [Кедров, 2004, с. 287]. Для философа и поэта первичным в его философских и творческих построениях оказалось экзистенциальное переживание, в котором он ощущил «выворачивание», «инсайд-аут»³ – вовнутрение внешнего пространства и распространение себя на всё Мироздание, «которое упраздняет понятия “внешнее” и “внутреннее”, заменяя их внешне-внутренним и внутренне-внешним миром»⁴. «Что происходит при выворачивании? Внутреннее и внешнее не исчезают, но как бы рождаются. Космос становится таким же реально ощущаемым, как ваше собственное тело, в нем исчезает расстояние. Вы же не чувствуете в теле расстояния между одной рукой и другой, между теменем и ступней, это единое целое. Вот таким единым целым ощущается весь Космос. В то же время нутро человека в метафизическом смысле обретает космическую бесконечность, образуя как бы двуединое тело Гомо космикус, которое приходит на смену Гомо сапиенс. Гомо сапиенс становится Гомо космикусом» [Кедров, 2004]. «Метаметафору можно назвать обратной перспективой в слове, с той разницей, что в обратной перспективе бесконечность объемлет человека, а в метаметафоре еще и человек объемлет собою все мироздание»⁵.

Антрапокосмизм

Вселенная есть человек, а человек есть вселенная – эту метаметафору можно считать базовой, к ней, как к своему источнику, восходят остальные ее производные [Темиршина, 2019].

В этом отношении философия Кедроваозвучна идеям русского космизма (К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, П. В. Флоренский, А. Л. Чижевский, Н. К. Рерих и др.), который, несмотря на всю свою внутреннюю разнородность, полагал единство человека и Космоса. Причем К. Э. Циолковский, которого мы привыкли считать техническим гением и отцом космонавтики, всей душой рвался ввысь также по причине мощных духовных переживаний⁶. Еще более сакрально философское учение «Живая Этика», созданное Рерихами, показывающее взаимосвязь человека, его творчества, и творчества Космоса. Ученый естествоиспытатель В. Н. Вернадский также выявлял эту связь, причем через искусство и откровение: «Художественное творчество выявляет нам Космос, проходящий

¹URL: <https://proza.ru/2018/09/16/1011?ysclid=ma4bh0wqip297807107> (дата обращения: 10.04.2025).

²URL: <https://heretics.wapper.ru/library/noncanon/gnosis/thomas.htm> (дата обращения: 10.04.2025).

³Кедров К. А. Инсайд-аут. М.: Мысль, 2001.

⁴Кедров К. А. Энциклопедия метаметафоры. М.: ДООС, 2000.

⁵URL: <https://stishi.ru/2022/05/26/121> (дата обращения: 15.04.2025).

⁶Циолковский К. Э. Грезы о Земле и небе. М.: ACT, 2000.

через сознание живого существа» [Вернадский, 1989, с. 81]. Теорию «всё во всём», о взаимопроникновении элементов мироздания, развивал и отец П. А. Флоренский, искающий откровения в духовном опыте Православия. «Флоренский создал свой неповторимый образ Вселенной. Здесь дух является причиной возникновения света, а мысль летит по Вселенной быстрее всех скоростей. Границы же нашего земного мира очерчиваются радиусом светового луча, пробегая свой путь за одну секунду <...> Получается, что физически мы пребываем здесь в пределах скорости света, а мысленно проникаем во все измерения Мироздания; свернулось в клубок наше земное время, вмещающее прошлое, будущее, настоящее. Это есть реальная вечность»¹.

К. А. Кедров говорил, что метаметафора относится к метафоре как метафизике к физике, и можно добавить, что уместно сравнение и с квантовой физикой, ее нелокальностью, многомерностью реальности.

Метаметафора используется К. А. Кедровым и как философский метод. Она обеспечивает преодоление дуализмов, стирает границы между микрокосмом и макрокосмом, между «я» и «не-я», жизнью и смертью. Этот прием, когда человек рассматривается как часть бесконечной Вселенной, и как ее саморефлексия, можно обозначить как антропокосмизм. Пространственно-временной континуум в его представлениях становится хронотопом бессмертия – он «очень похож на вечность, где ничего не исчезает в потоке времен и само время опространствливается, становясь картиной, скульптурой или художественным текстом»², а время и пространство сливаются в «здесь и сейчас» именно благодаря метаметафоре, способной повернуть время вспять, а пространство – вывернуть наизнанку.

Резонанс

Идеи К. А. Кедрова имели широкий резонанс прежде всего в поэзии, они повлияли на поэтов-метареалистов (А. Парщикова, И. Жданова и др.). Идеологом метареализма стал известный ученый философ, филолог, культуролог, литературовед, литературный критик, лингвист, эссеист М. Н. Эпштейн.

Спустя лет тридцать после новационного и концептуального словотворчества К. А. Кедрова термин «метаметафора» лингвисты попытались опустить в языковую реальность, начав обозначать так «развернутые» или «расширенные» метафоры. «Под развернутой метафорой понимают многочленную структуру, представляющую собой единство составных

частей, каждая из которых является метафорическим образом» [Коринь, 2018]. Была даже разработана их классификация [Фатеева, 2000], которая затрагивала только язык, тексты и интертекстуальность.

Но даже в лингвистических исследованиях находилось место философской поэтике:

Метаметафора – это явление, иного порядка нежели метафора, хотя она и схожа с последней в своей иносказательной функции, в представлении объекта описания через код иносказания, по своим масштабам и природе она значительно превосходит метафору. Она подобна канве, скрытой от глаз структурообразующей ментальной первооснове, находящейся за текстом, сотканной при помощи многочисленных связей, скреплённой целым комплексом сложных отношений, скрывающихся в нитях слов и фраз, тайно живущих среди образов и ситуаций, прячущихся в узелках тропов и структур, составляющих различные элементы смысла. Она является читателю архитектору авторского мира. Она заигрывает с памятью того, к кому обращена, взвыает к его воображению, хороводит с его опытом, дразнит его интуицию. Она подобна калейдоскопу, заглянув в окуляр, которого, глазу предстаёт загадочный мозаичный рисунок, приглашающий фантазию и рассудок созерцателя к живому диалогу» [Богданенков, 2022, с. 409].

О философии К. А. Кедрова в контексте русского космизма и в корреляции с философией Рериха писала известный ученый-рериховед Л. В. Шапошникова, выделяя значение его идей соотнесенности человека и Космоса. Она же не раз подчеркивала, что именно искусство является наиболее эффективным средством познания духовной реальности, и в случае с концепциями метаметафоры и метакода мы видим, как предчувствие поэта стало точкой кристаллизации для философских построений [Шапошникова, 2004].

К. А. Кедрову удалось вплотную подойти к созданию универсальной формулы, о которой писал В. И. Вернадский: «Если бы мы когда-нибудь смогли логически разобрать художественные вдохновения гения или конструктивное созерцание и мистические экстазы религиозных и философских строителей или творческую интуицию ученого, мы, вероятно, смогли бы <...> выразить весь мир в одной математической формуле. Но эти области никогда не могли поддаться логическому выражению, войти целиком в рамки научного исследования, как никогда человек целиком не мог быть заменен простым автоматом»³.

¹Кедров К. А. Параллельные миры. М.: АиФ-Принт, 2001, с. 140.

²URL: <https://proza.ru/2012/07/12/627?ysclid=ma5kehml253751356> (дата обращения: 10.04.2025).

³URL: <https://root.elima.ru/texts/?id=597#6> (дата обращения: 13.04.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В какой-то мере метаметафору К. А. Кедрова можно назвать фракталом Мироздания, поскольку фрактал – это множество, обладающее свойством само-подобия, хотя это будет обеднением изначального смысла, поскольку автор утверждал не подобие, а единосущность структур Мироздания, что в общем то и позволяет человеку выйти на опыт «инсайд-аута», переживания единства. Это философская модель мира, где поэзия становится способом познания универсальных законов Бытия, и ее актуальность

растет в эпоху, когда человечество ищет новые парадигмы для осмыслиения себя и Космоса.

«Метаметафора – это евхаристический образ мира, обретение человеком своего вселенского тела, это реально переживаемое бессмертие здесь и сейчас»¹, – писал Константин Александрович Кедров. Он промыслил это при жизни. И после его ухода с земного плана, надо полагать, перед ним открылись новые горизонты познания.

¹URL: <https://proza.ru/2018/09/16/1011?ysclid=ma4bh0wqip297807107> (дата обращения: 12.04.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
2. Теория метафоры: сборник статей и глав из книг / под ред. Н. Д. Арutyновой. М.: Прогресс, 1990.
3. Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: АСТ, 2018.
4. Антипова С. С. Поэтическая метафора как формаreprезентации российской культуры переходных эпох: дис.... канд. филос. наук. Владивосток, 2020.
5. Пирс Ч. С. Начала прагматизма. Логические основания теории знаков: в 2 т. / пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СпбГУ : Алетейя, 2000.
6. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
7. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Самосознание европейской культуры XX века. М.: Изд-во политической литературы, 1991.
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек. Текст. Семиосфера. История. М.: Языки русской культуры, 1996.
9. Eco U. *Semiotics and the philosophy of language*. Bloomington: Indiana University Press, 1986.
10. Леви-Стросс К. Мифологики. В 4 т. М: Университетская книга, 1999.
11. MacCormac E. R. A. *Cognitive Theory of Metaphor*. MIT Press, 1985.
12. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending And The Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 2003.
13. Хосроев А. Александрийское христианство по данным текстам из Наг-Хаммади. М.: Наука, 1991.
14. Кедров К. А. Поэтическое познание. Метакод. Метаметафора // Космическое мышление – новое мышление XXI века. Материалы международной научно-общественной конференции. 2004. С. 286–292. EDN OUPUIO.
15. Темиршина О. Р. Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия. М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2019.
16. Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М.: Сов. Россия, 1989.
17. Коринь С. Н. Метаметафора в исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 39–44. EDN YSZBQA.
18. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000.
19. Богданенков А. С. Специфика употребления префикса мета в неологизме метаметафора // Мир детства в современном образовательном пространстве: сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов. 2022. С. 408–409. EDN IOCMOS.
20. Шапошникова Л. В. Космическое мышление и новая система познания // Язык и Культура в Евразийском пространстве: Сб. статей XVII Международной конференции. Томск: Изд-во Томского Государственного университета, 2004. Т. 2. С. 633–659. EDN PCBELL.

REFERENCES

1. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
2. Arutyunova, N. D. (Ed.). (1990). *Teoriya metafory = Theory of metaphor*. Moscow: Progress. (in Russ.)
3. Aristotle. (2018). *Ritoika, Poetika = The rhetoric. Poetics*. Moscow: AST, 2018. (In Russ.)
4. Antipova, S. S. (2020). *Poeticheskaya metafora kak forma reprezentatsii rossiiskoi kul'tury perekhodnykh epokh = Poetic metaphor as a form of representation of the Russian culture of the Transitional epochs*: PhD thesis in Philosophy. Vladivostok. (In Russ.)

5. Pierce, CH.S. (2000). Nachala pragmatizma. Logicheskie osnovaniya teorii znakov = The Beginnings of pragmatism. Logical foundations of the theory of signs. In 2 vol. Saint Petersburg: Laboratoriya metafizicheskikh issledovanii filosofskogo fakul'teta SpbGU; Aleteiya. (In Russ.)
6. Barth, R. (1989). Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika. = Selected works: Semiotics: Poetics. Moscow: Progress, 1989. (In Russ.)
7. Ortega y Gasset, H. (1991). Degumanizatsiya iskusstva. Samosoznanie evropeiskoi kul'tury XX veka = The dehumanization of art. Self-awareness of European culture of the twentieth century. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury (In Russ.)
8. Lotman, YU. M. Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek. Tekst. Semiosfera. Istoryia. = Inside thinking worlds: Human. Text. The semiosphere. History. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1996. (In Russ.)
9. Eco, U. (1986). Semiotics and the philosophy of language. Bloomington: Indiana University Press.
10. Levi-Stross, K. (1999). Mifologiki = Mythologiques. Vol. 1–4. Moscow: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
11. MacCormac, E. R. A. (1985). Cognitive Theory of Metaphor. MIT Press.
12. Fauconnier, G., Turner, M. (2003). The Way We Think: Conceptual Blending And The Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books.
13. Khosroev, A. (1991). Aleksandriiskoe khristianstvo po dannym tekstam iz Nag-Khammadi = Alexandrian Christianity according to the text from Nag Hammadi. Moscow: Nauka. (In Russ.)
14. Kedrov, K. A. (2004). Poetic cognition. The metacode. Metametaphora. Kosmicheskoe my'shlenie – novoe my'shlenie XXI veka. (pp. 286–292): proceedings of an international scientific conference. (In Russ.)
15. Temirshina, O. R. (2019). Tipologiya simvolizma: Andrei Belyi i sovremennaya poeziya = Typology of symbolism: Andrey Bely and modern poetry. Moscow: IMPE' im. A. S. Griboedova (In Russ.)
16. Vernadskii, V. I. (1989). Nachalo i vechnost' zhizni = The beginning and eternity of life. Moscow: Sovetskaya Rossiya. (In Russ.)
17. Korin', S. N. (2018). Metametafora v issledovaniyah otechestvennyx i zarubezhnyx lingvistov = Metametaphora in the research of Russian and foreign linguists. Inostrannye yazyki: innovatsii, perspektivnye issledovaniya i prepodavaniya (pp. 39–44): proceedings of an international scientific and practical conference. (In Russ.)
18. Fateeva, N. A. (2000). Kontrapunkt intertekstual'nosti ili intertekst v mire tekstov = The counterpoint of intertextuality or intertext in the world of texts. Moscow: Agar. (In Russ.)
19. Bogdanenkov, A. S. (2022). The specifics of the use of the prefix meta in the neologism metametaphora. Mir detstva v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve (pp. 408–409): proceedings of an international scientific conference. (In Russ.)
20. Shaposhnikova, L. V. (2004). Cosmic thinking and a new system of cognition. Yazyk i Kul'tura v Evraziiskom prostranstve (pp. 633–659): proceedings of the VII International Conference (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лавренова Ольга Александровна
кандидат географических наук,
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lavrenova Olga Alexandrovna
PhD in Geography
Doctor of Philosophy (Dr. habil.)
Leading researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences
Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	30.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	09.09.2025	accepted for publication

Творчество В. В. Набокова: к вопросу о восприятии текстов культуры

Е. Ю. Перова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
eperova71@list.ru

Аннотация.

Цель исследования – выявить особенности художественной картины мира В. Набокова в контексте понятия «психокультура». Для этого рассматриваются произведения автора, а также научные работы, посвященные данной проблематике. В. В. Набоков в определенной степени остается спорной фигурой в истории литературы и культуры. Связано это с сюжетными линиями, как в судьбе автора, так и героев его художественных произведений. До сих пор сохраняется полярность в восприятии прозаического и поэтического наследия писателя. В статье рассматриваются тексты В. Набокова в контексте недостаточно изученного смыслового поля психокультуры. В работе используются междисциплинарные подходы, позволяющие приблизиться к целостному пониманию концепта психокультура.

Ключевые слова: В. В. Набоков, психокультура, художественный образ, ценностно-смысловые императивы, хронотоп, текст культуры

Для цитирования: Перова Е. Ю. Творчество В. В. Набокова: к вопросу о восприятии текстов культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 158–164.

Original article

The Works of V. V. Nabokov: About the Question of Perception of Cultural Texts

Ekaterina Yu. Perova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
eperova71@list.ru

Abstract.

The aim of the study is to identify the features of V. Nabokov's artistic picture of the world in the context of the concept of psychoculture. To this end, the prose and poetry of the author are considered, as well as scientific works devoted to this problem. V. Nabokov remains a controversial figure in the history of literature and culture. This fact is connected with the plot lines, both in the fate of the author and in the fate of the heroes of his works of art. To this day, there remains a polarity in the perception of the writer's prose and poetic legacy. The article examines the texts of V. Nabokov in the context of the "psychoculture". The research involves interdisciplinary approaches that allow the author to approach a holistic understanding of this concept.

Keywords:

V. V. Nabokov, psychoculture, artistic image, value-semantic imperatives, chronotope, cultural text

For citation:

Perova, E. Yu. (2025). The Works of V. V. Nabokov: About the question of perception of Cultural Texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 158–164. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

О биографии и творчестве В. Набокова достаточно много написано, как отечественными, так и зарубежными авторами [Аствацатуров, Муравьева, 2021], исследователи обращались к вопросам поэтики и художественного мира писателя, рассматривали его творчество в контексте Серебряного века русской культуры, существует обширная библиография¹. Вместе с тем существует точка зрения, согласно которой понимание каскада смыслов и аллегорий в творчестве этого «русско-англо-французского литератора» возможно только при владении всеми названными языками, а таких специалистов – в мире не много («анализ произведений Набокова усложняется еще и тем, что для точного их прочтения необходимо владеть не только тремя языками творчества Набокова (русским, английским, французским)... – что уже большая редкость... но также и латынью, древнегреческим и немецким»); существует и такой взгляд: «большинство монографий о Набокове полны фальсификаций и анахронизмов»². Весомо и количество обсуждаемых (как специалистами-филологами, культурологами, так и любителями творчества писателя; в диссертациях и сетях) аспектов в творчестве писателя – от музыкального слуха до цветовосприятия и энтомологии. Однако в контексте изучения психокультуры творчеству писателя посвящено всего несколько работ [Соловьев, 2025; Соловьев, Перова, 2025; Соловьев, Селиверстова, 2025], следовательно, с этим связана актуальность и новизна данной работы. Задачи исследования – раскрыть художественную реальность текстов В. В. Набокова в координатах понятий хронотопа и психокультуры.

УСКОЛЬЗАЮЩИЙ ХРОНОТОП: УТОЧНЯЮЩИЕ КОНТЕКСТЫ ПСИХОКУЛЬТУРЫ

Понятие психокультура было введено в статье «Психокультура: обоснование понятия» [Соловьев, Перова, 2025] и требует уточнения привлекаемых контекстов. Само название указывает не столько на логические принципы, сколько на эмоциональное, иррациональное начало, комплекс чувств и переживаний в восприятии того или иного текста культуры. Подобный подход был обозначен и применялся на протяжении столетий рядом ученых.

¹Галинская И. Л. Владимир Набоков – современные прочтения // URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/galinskaya-sovremennoye-prochteniya/izbrannaya-bibliografiya.htm> (дата обращения: 15.03.2025).

²Ливри А. Четыре неудобных факта о жизни Владимира Набокова. URL: <https://vfokuse.mail.ru/article/tri-neudobnyh-fakta-o-zhizni-vladimira-nabokova-65825843/> (дата обращения: 05.05.2025).

Начиная с эпохи Просвещения в европейской культуре и философии утверждаются позиции разума, образ человека и его возможности отождествляются прежде всего с представлениями о совершенстве и способностях человеческого разума. При этом умалялась возможность интуитивного, чувственного постижения мира. Исключением для этого времени становится работы Дж. Вико, указавшего на ограниченность познания посредством исключительно разума; им вводится понятие «душа культуры» [Вико, 1994]. В начале XX века эта идея была принята О. Шпенглером [Шпенглер, 2024].

В истории отечественной культурной философии подобное направление исследований представлено в работах Н. П. Анциферова, многоаспектно раскрывшего понятие «души города» [Анциферов, 1991].

В координатах психокультуры важны созерцательность и метод включенного наблюдения. По аналогии с введенными в свое время понятиями «душа культуры» (Дж. Вико, О. Шпенглер), «душа города» (Н. Анциферов), можно говорить и о «душе» текста культуры. Этот ризомный потенциал прорастает в процессе включенного наблюдения.

В последние годы появились монографии и статьи (например Д. К. Бурлака и др.), посвященные вопросам восприятия, системного подхода, объединяющего проблемные поля гносеологии, онтологии, аксиологии [Бурлака, 2007]. Ученые обращают внимание на то, что «интуитивные знания, получаемые при помощи душевных органов чувств, могут дать научному познанию возможность совершить неожиданный скачок из области незнания к знанию» [Шустова, Сидоров, 2021, с. 71]; что «к основным характерным особенностям озарения можно отнести: внезапность, мгновенное получение информации... ощущение того, что информация поступает извне и не принадлежит тому, кто ее получил» [Высоцкая, 2024, с. 79–80] и т. д. Также «озарение» может допускать переживание некоего возвышенного состояния, восторга; М. Цветаева в записных книжках замечала: «только на вершине восторга человек видит мир правильно, Бог сотворил мир в восторге ... и у человека не в восторге не может быть правильного видения вещей»³.

Мистическая красота мира (нередко через образы природы или на их фоне) раскрывается в переходных состояниях: например, через смерть героя или персонажа (рассказ В. Набокова «Катастрофа» или «Подробности заката» и многие другие произведения автора). Смерть связана

³Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради / подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко. М.: Эллис Лак, 1997. С. 17.

с внезапностью, мистикой переходных состояний, трансцендентным, вечностью.

На первый взгляд может показаться, что психокультура связана исключительно с субъективным восприятием, однако в ее рамках раскрывается (как и в пространстве психоистории) коллективное чувство / переживание, исторически сложившееся у народа и меняющееся в ходе истории. Испанский поэт А. Мачадо писал: «Мое чувство не является исключительно моим, и мое сердце поет всегда в хоре, хотя мне голос моего сердца слышен отчетливее других голосов»¹.

В той же парадигме сопричастности можно рассматривать встречу автора и читателя (воспринимающего любой текст культуры). В этом смысловой наполненность психокультуры, связующее коммуникативное звено. Или, по словам М. М. Бахтина, встреча автора и читателя в большом времени, т. е. вне времени [Бахтин, 1979]; эта встреча дискурсивно раскрывается в рамках психокультуры.

Отчасти психокультура вписывается в координаты обратной перспективы; нелинейность измерения связана не только с ускользающим хронотопом, но и с полифонией голосов персонажей (М. Бахтин). В эту полифонию встраивается «голос» читателя / зрителя. Восприятие текста культуры относится к переживанию «внутреннего человека», и сам процесс вчитывания, сопереживания и понимания вырывается из границ линейного времени, оказываясь в «вечном настоящем». Переживание, по словам М. М. Бахтина, есть «след смысла в бытии... оно живо не собою, а этим нележащим и уловляемым смыслом... оно становится созерцательной ценностью помимо значимости смысла, становится ценною формой, а смысл – содержанием» [Бахтин, 1979, с. 101–102].

Об «уловлении» смыслов и «мимолетности» в процессе восприятия текстов культуры писал и В. Набоков. Так, автор в одной из статей отмечает, что между действительностью и художественным образом есть «мерцающий промежуток», «призма», которая и есть литература; главная роль автора произведения (помимо рассказчика и учителя) – быть великим «волшебником», а задача читателя – постичь «магию писателя», стиль, образность, структуру произведения; в сердцевине значительного произведения в фокусе находятся «точность поэзии в сочетании с научной интуицией» [Набоков, 2000, с. 28–29]. Вместе с тем при восприятии текста культуры необходима дистанция, «отрешенность», эмоциональный потенциал

¹Мачадо А. Избранное / пер. с исп. ; сост. разд. прозы В. Гинько, предисл. В. Столбова, comment. В. Гинько. М.: Художественная литература, 1975. С. 5.

складывается из деталей, которые необходимо принимать во внимание, «при солнечном свете заботливо собирать все мелочи» [там же, с. 23]. В одном из романов В. Набокова («Подвиг») герой произносит слова: «Выяснилось только одно: нужно терпение, нужно ждать...»². Эти слова могут быть перенесены и на процесс восприятия текста: требуется отступить, шаг назад сделать (ср. указание на то, что чтение – это всегда перечитывание), чтобы обнаружить рождающийся в восприятии образ).

В. Набоков пытался наметить, из каких параметров складывается пространство психокультуры (до появления этого понятия) и, в результате проведенных экспериментов, опросов, применяя метод включенного наблюдения, пришел к выводу, что «хороший читатель» обладает воображением, памятью, словарем и художественным вкусом, а последнее можно в себе развивать. Слово «читатель» автор употребляет в широком смысле, при этом отмечено, что визуальные тексты легче и быстрее поддаются целостному охвату, так как глаз не скользит строчки за строчкой, как это происходит при чтении (ср. применение современных технологий в айтрекинг-исследованиях).

Рамки психокультуры не всегда различимы, это пространство, внутри которого находится воспринимаемый текст культуры, можно сравнить с ускользающим хронотопом: иногда едва уловимыми характеристиками времени и пространства. По сути, в рамках психокультуры реализуется хронотоп встречи, который М. М. Бахтин теоретически описал как универсальнейший «хронотоп» [Боcharov, 1999]. Психокультура – своего рода окном, который вбирает множественность контекстов, которые, в свою очередь, продолжают задавать горизонты прочтения того или иного текста культуры.

ПРАВДА И ПРАВДОПОДОБИЕ: ВОСПРИЯТИЕ ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ В. НАБОКОВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПСИХОКУЛЬТУРЫ

Несмотря на оценку одним из классиков XX века – И. А. Буниным писательского дара В. Набокова («открыл целую новую вселенную, за что все мы должны быть ему благодарны»³), сохраняется неоднозначное отношение к прозаическому и поэтическому наследию автора.

Рассматривая тексты В. Набокова в контексте смыслового поля психокультуры, отметим, что авторская манера передачи информации,

²С того берега: Писатели русского зарубежья о России. Произведения 20–30 гг. Кн. 2 / сост., авт. вступ. статьи и примеч. И. А. Курамжина. М.: Водолей, 1992. С. 407.

³Там же, с. 426.

Культурология

создание художественного образа близка понятию психокультура в том, что создаваемый и воспринимаемый текст культуры не вполне определен / детерминирован (эскизен), нередко намечен косвенно, пунктирно, связан с эмоциональным восприятием.

В статье В. Набокова, посвященной Пушкину, говорится о «правде и правдоподобии», о том, что произведение может быть затерто «постоянным повторением» «кощунственными губами» выбранных и ставших шаблонными мест или «окрадено» «добавлением своего» [Набоков, 2001, с. 413]. Описывая «плоды существования» произведений Пушкина, автор перечисляет те особенности восприятия, которые вписываются в смысловое поле психокультуры: «наполняет душу», «доставляет удовольствие», «нюанс ритма», «блеск его черновиков», «этн видения столько мимолетны», «сиюминутный», заключая, что не логический анализ, а эмоциональное восприятие приближает к правде: «мысль... неизбежно искачет. Всё это будет лишь правдоподобие, а не правда, которую мы чувствуем» [там же, с. 414–415, 417, 422]. Ведь психокультура связана с «искусством чувствования» [Соловьев, 2025, с. 394]. Что, в свою очередь, обусловлено разговором с самим собой: «единственно приемлемый способ» прочитать произведение – «говорить о нем с самим собой» [Набоков, 2001, с. 419]. И, как бы подводя итог в размышлении о том, как мы можем воспринимать произведение искусства, Набоков пишет:

...живописная правда жизни; нужно уметь ее улавливать, вот и всё [там же, с. 419].

когда погружаешься в такое состояние духа, при котором самые простые вещи раскрываются перед нами в своем особенном блеске...[там же].

Это описание может стать эпиграфом для размышлений о том, что такое психокультура.

Для творчества В. Набокова характерна музыкальность (речи, образа). В набоковедении продолжает обсуждаться вопрос, обладал ли писатель музыкальным даром. А. Битов, рассматривая творчество Набокова («шахматный композитор» в литературе), замечал: «Отрицая то Бога, то музыку, он только о них и повествует» [Битов, 2000, с. 7]; при этом сравнивает прозаика с композитором, так как композитор – это человек, кроме музыкального слуха, имеющий мелодический талант, а также тот, кто способен сочетать гармонию частей для построения целого.

В произведениях В. Набокова музыка присутствует постоянно. Как фон (нередко соотносящийся

с природой), как синоним душевных переживаний (кстати, в эссе о Пушкине автор отмечает: «имя Пушкина, для нас так наполненное музыкой...» [там же, с. 419]). Как характеристика героя (в рассказе «Бахман»), в качестве самого героя (в рассказе «Музыка»). В одном из стихотворений Набокова есть строка:

...Все призвано к участью в моем существованье,
каждый звук (*Комната*)¹

Музыкальное произведение относится к временным видам искусства, т. е. таким, в которых отсутствует статика. Время как основной мотив лирической поэзии рассматривали многие авторы; время и движение, текучесть, ускользающая мимолетность образа, – то, что свойственно описанию героев и состояний всего живого в произведениях В. Набокова. В большей степени это относится к поэтическим текстам.

Лексические единицы в стихотворениях автора разных лет передают оттенки «ускользающего хронотопа»: *озаренный, трепет, не трепещет, растаявшая выдумка* («Кинематограф»); *сердце, полное песен* («Катится небо, дыша и блестя...»); *призрак ... руками чуткими по памяти наметил, я чувствовал, как много / еще не найдено, как смутно... подобие* («Когда, туманные, мы свиделись...»); *...огнисто распиши / всю белую, безмолвную светлицу/ ее души* («Ее душа, как свет необычайный...») и т. д.² Особенno это относится к стихам, посвященным России:

слепые наплыvания (к России)
...лазейки для души, просветы
в тончайшей ткани мировой (Как я люблю тебя)
...все тело – только образ твой,
и душа, как небо над Невой... (к Родине);
...И в разговоре каждой ночи
сама душа не разберет,
мое лъ безумие бормочет,
твоя ли музыка растет... (Благодарю тебя, отчизна...)³.

Стихами о России автор искупил любовную пошлость в других своих произведениях. Насколько искренни и глубоки страдания вдали от Родины, передано в стихах разных лет, в них – психологизм, душевный порыв; а в изощренности сюжета и формы – скорее искусственность, пусть и при большом таланте писательском. В. Набоков жил с послереволюционными бедами и заграницей был предан России – в поэзии, жил с тоской по

¹Набоков В. В. URL: <http://nabokov-lit.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).

²Там же.

³Там же.

Родине. «Наплыvания» образов России также вписываются в ускользающее время-пространство: в последнем романе, написанном на английском языке «Look at the Harlequins!» геройня поясняет Набоков, что он путает пространство и время, желая вернуться назад во времени (в воображении), а не в пространстве.

Образ «странствующей души» присутствует явно или имплицитно во многих произведениях Набокова: «Я странствую... Но как забыть...», «Бедная странствующая душа, удаляющаяся всё быстрее и быстрее по склону времени» [Набоков, 2001, с. 412]. Также, говоря о работе переводчика, Набоков замечал: «как только берешься за перо переводчика, душа этой поэзии ускользает...» [там же, с. 420].

В. Набоков, рассматривая «грехи переводчика», замечает: «Ни знание, ни усердие не заменят воображения и стиля» [там же, с. 389, 394]. Это замечание соотносится с пространством психокультуры: способность (или дар) доверять врожденному чувству, интуиции. Вместе с тем всегда есть опасность уйти от оригинала к собственному опыту (в восприятии, представлении, со-творчестве). Продолжая разговор о работе переводчика, В. Набоков отмечает опасность буквального перевода и одновременно замещения авторского образа иными при переводе (но также и в читательском восприятии): «вместо того, чтобы облечься в одежду автора, он наряжает его в собственные одежды» [там же, с. 395–396].

В литературоведении во многом уже исследована художественная природа образов, созданных В. Набоковым. В данном случае образ важен как форма мышления в искусстве и материал для восприятия текстов культуры в рамках психокультуры. Автор саму фабулу называет «психологией сюжета» [там же, 2001, с. 413]. И отмечает характерные черты: «Еще шаг, и он вышел бы из тьмы,

богатой нюансами и полной живописных намеков...» [там же, с. 418]. Намеки, штрихи, аллюзии, реминисценции, нюансы, детали, колорит, оттенки, даже в фотографически точных описаниях, – это те элементы, с помощью которых создается контекст психокультуры, где важное значение имеет интонация, т. е. манера произнесения, передающая те или иные чувства и переживания. В целом можно говорить о гипертекстуальности смыслового поля психокультуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Продолжая уточнять понятие психокультуры, можно отметить, что научные основания этого направления исследований лежат в области культуры, философии, религии и психологии; художественное произведение воспринимается в фокусе этих областей знания (в немалой степени интуитивно), позволяет расширять когнитивные возможности воспринимающего тот или иной текст культуры, в том числе за счет «озарения», «откровения», – альтернативных и дополнительных форм познания.

Поэтические и прозаические произведения В. Набокова наполнены психологизмом, в них преображается «жизнь души» автора и героев. Творчество писателя может быть выбрано в качестве наглядного материала для конкретизации смыслового / предметного поля психокультуры и изучения новых контекстов в области восприятия текстов культуры. Как известно, «прочтение» – всегда второе и последующее, т. е. «перечитывание». Перечитывая тексты культуры, можно их полюбить. И это – главное (ср. понять – значит, принять).

Понимание значимости комплексного исследования проблемы восприятия текстов культуры, диктует необходимость дальнейшего изучения контекстов психокультуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аствацатуров А. А., Муравьева Л. Е. Владимир Набоков и трансатлантические контексты в СПбГУ // Литература двух Америк. 2021. № 11. С. 450–455.
2. Соловьев В. М. Вырваться из кольца: психокультура Владимира Набокова // Русская культура на сломе времен. Историографические очерки: монография. СПб.: Наукоемкие технологии, 2025. С. 391–402.
3. Соловьев В. М., Перова Е. Ю. Психокультура: обоснование понятия // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып. 1. С. 301–307.
4. Соловьев В. М., Селиверстова С. В. Психокультурный контекст рассказа В. В. Набокова «Картофельный эльф» // Территория науки и образования. Научный журнал. Обозрение актуальных авторских исследований в разных научных сферах. 2025. № 3. С. 8–13.
5. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / пер. с итал. М.; Киев: REFL-book, 1994.
6. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Эксмо, 2024.
7. Анциферов Н. П. Душа Петербурга // Непостижимый город. СПб.: Лениздат, 1991.
8. Бурлака Д. К. Мысление и откровение. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2007.

Культурология

9. Шустова О. Б., Сидоров Г. Н. Интуитивное озарение в научном познании // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (31). С. 71–75.
10. Высоцкая И. А. Озарение как феномен человеческого сознания с точки зрения восточной и западной культур // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 2. С. 79–82.
11. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
12. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе / пер. с англ. под ред. В. А. Харитонова; предисл. к рус. изд. А. Г. Битова. М.: Независимая газета, 2000.
13. Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999.
14. Набоков В. В. Лекции по русской литературе / пер. с англ.; предисл. Ив. Толстого. М.: Независимая газета, 2001.
15. Битов А. Г. Музыка чтения // Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе / пер. с англ. под ред. В. А. Харитонова; предисл. к рус. изд. А. Г. Битова. М.: Независимая газета, 2000. С. 7–8.

REFERENCES

1. Astvacaturov, A. A., Muraveva, L. E. (2021). Vladimir Nabokov i transatlanticheskie konteksty v SPbGU = Vladimir Nabokov and Transatlantic Contexts in Saint Petersburg State University. Literature of the Americas, 11, 450–455. (In Russ.)
2. Solov'ev, V. M. (2025). Vyrvat'sya iz kol'ca: psihokul'tura Vladimira Nabokova = Breaking Out of the Ring: Vladimir Nabokov's Psychoculture. St. Petersburg: Naukoemkie tekhnologii, 391–402. (In Russ.)
3. Solov'ev, V. M., Perova, E. YU. (2025). Psihokul'tura: obosnovanie ponyatiya = Psycho-Culture: a Conceptual Framework. Manuscript. Theory and history of Culture and Art, 18(1), 301–307. (In Russ.)
4. Solov'ev, V. M., Seliverstova, S. V. (2025). Psihokul'turnyj kontekst rasskaza V. V. Nabokova «Kartofel'nyj el'f» = Psychocultural Context of V. V. Nabokov's Story "The Potato Elf". Territory of Science and Education. Scientific Journal. Review of current author's research in various scientific fields, 3, 8–13. (In Russ.)
5. Viko, Dzh. (1994). Osnovaniya novoj nauki ob obshchej prirode nacij = Foundations of a New Science on the General Nature of Nations. Moscow–Kiev: REFL-book. (In Russ.)
6. Shpengler, O. (2024). Zakat Evropy = The Decline of the West. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
7. Anciferov, N. P. (1991). Dusha Peterburga = Soul of Petersburg. St. Petersburg: Lenizdat. (In Russ.)
8. Burlaka, D. K. (2007). Myshlenie i otkrovenie = Reflections and revelations. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. (In Russ.)
9. Shustova, O. B., Sidorov, G. N. (2021). Intuitive Insight in Scientific Cognition. Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research, 2(31), 71–75. (In Russ.)
10. Vysockaya, I. A. (2024). Insight as a Phenomenon of Human Consciousness from the Point of View of Eastern and Western Cultures. Social and humanitarian knowledge, 2, 79–82. (In Russ.)
11. Bahtin, M. M. (1979). Estetika slovesnogo tvorchestva = Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Iskusstvo.
12. Nabokov, V.V.(2000).Lekcii po zarubezhnoj literature = Lectures on foreign literature.Moscow:Izd-vo Nezavisimaya Gazeta. (In Russ.)
13. Bocharov, S. G. (1999). Syuzhetы russkoj literatury = Plots of Russian Literature. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
14. Nabokov, V.V.(2001). Lekcii po russkoj literature = Lectures on Russian Literature. Moscow: Nezavisimaya Gazeta. (In Russ.)
15. Bitov, A. G. (2000). Muzyka chteniya = Music of Reading. In Nabokov, V. Lectures on literature (pp. 7–8). Transl. from English and ed. by V. A. Kharitonova, introduction to the Russian edition by A. G. Bitov. Moscow: Nezavisimaya Gazeta. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перова Екатерина Юрьевна
кандидат культурологии, доцент
доцент кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Perova Ekaterina Yurievna

PhD in Culturology, Associate Professor

Associate Professor at the Department of World Culture

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.07.2025
25.08.2025
09.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 11 (905)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 11(905)

Ответственные за выпуск
А. М. Дементьева
кандидат филологических наук

Executive editors
Aleksandra M. Dementieva
PhD in Philology

Редакторы: Н. Г. Павлова, М. М. Сингал
Верстка: Г. П. Лопатина
Разработка макета: А. В. Алымов

Editors: Natalia. G. Pavlova, Marina M. Singal
Layout: Galina P. Lopatina
Layout design: Andrei Alymov

Подписано в печать 14.11.2025
Усл. печ. л. 20,8
Формат 60x90/8
Заказ № 108/25

Signed for print: 14.11.2025
Conventional printed sheets: 20,8
Layout format 60x90/8
Order 108/25

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025
Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

© FSBEI HE MSLU, 2025
Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты докторских диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».